

Наталья Горская

5761

ММХСІХ

8192

3720₈

1421

3456

1024

5113



7(13)₁₆0

4697

11111010000

5761

2048

11(10)₁₂⁸

1421

ВЛАСТЬ НУЛЕЙ

ТОМ 2

4697 7508

2048

Наталья Горская

Власть нулей. Том 2

«Написано пером»

2017

УДК 82/821
ББК 84

Горская Н. В.

Власть нулей. Том 2 / Н. В. Горская — «Написано пером»,
2017

ISBN 978-5-00071-757-8

На рубеже веков город остался без мэра. Город в плачевном состоянии, в нём практически невозможно жить. Минул долгожданный 2000-ый год, наступил новый век, третье тысячелетие, прошло ещё три-четыре года. Никто не хочет заниматься разумным управлением, да и не умеет наладить бесперебойную работу всех узлов жизни. Потому что это трудно. Что делать рядовым гражданам в условиях безвластия? Нет даже ни одной асфальтированной дороги! Новый мэр Рудольф Леонидович ждёт повышения четвёртый год, а пока отбивается от требований жителей привести в порядок хотя бы центральную городскую магистраль – Мировой проспект. Он приводит доводы, что «в дружественных странах Африки» жизнь и того хуже, а «в лихую годину наш народ и не такую нужду терпел». В это же время местный криминальный авторитет Волков самовольно асфальтирует свою Лесную улицу, которую за это все начинают звать проспектом...

УДК 82/821
ББК 84

ISBN 978-5-00071-757-8

© Горская Н. В., 2017
© Написано пером, 2017

Содержание

II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Наталья Горская

Власть нулей

Том II

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Н. Горская, 2017

© Написано пером, 2017

II

Новый мэр скучал. Даже не скучал, а страдал! Ибо нет хуже страдания, чем скука и бездействие. Бездействие само по себе совершенно противоестественно для человека, так как весь он состоит из непрерывного движения: по сосудам постоянно движется кровь, сердце сокращается без выходных и перерывов на обед, клетки отмирают и заменяются новыми клетками. И вот наряду с такой бурной деятельностью сидит в каждом из нас мечта о безделье. Мы стремимся к безделью как к высшему достижению, как к признаку высшего сословия, которое, как известно, не должно работать, а только имеет право снисходительно пользоваться плодами труда других людей. Но, достигнув этого состояния, неизменно начинаем чувствовать себя ещё несчастней, чем прежде. Потому что мечта о таком состоянии суть стремление к смерти: к остановке крови в жилах, к бездействию сердца.

Врачи утверждают, что бездельники живут меньше деятельных людей. Деятельным природа постоянно пополняет запасы сил и энергии, а бездеятельным ничего не даёт – незачем, пустая трата. Всё одно, что провода электропередачи подводить к дому перед самым его сносом. Бездеятельные растрачат все силы, какие каждый человек получает в начале жизни, как «подъёмные» деньги для вновь прибывших на периферию специалистов, и выдыхаются... Или психологи это утверждают? Рудольф Леонидович не помнил. Так, слышал где-то. Кажется, директор местного совхоза на днях орал в огненной речи перед бастующими трактористами. Усовестить их лозунгами советской эпохи типа «Даёшь три урожая в условиях Северо-Запада!» уже не получалось. Поэтому решил припугнуть если не увольнением, то смертью от безделья. Но народ до того распылся, что уже и этим его не проймёшь, не заденешь. Народ уже за жизнь не держится, мрёт всё активней и самоотверженней год от года. Вчера, говорят, опять какой мужик в городе допил до горячки и повесился, а из молодёжи на днях хоронили некоего молодца. Укололся какой-то синтетической дрянью, для «ширялова» вовсе не предназначенной, но очень уж ломало бедолагу, а ничего другого под рукой не оказалось.

Но мэра не это раздражало – ему-то какое дело до этих горячек и «крестьянских вопросов»! Он поставлен городом командовать... Городом, тьфу! Тоже мне – город: на лугу у Мэрии корова пасётся! Стыд и срам! Вместо жилья – одни хрущёвки самого скверного типа, где меблировать комнату можно всего двумя стульями, а на кухне только полтора человека помещается. И мэра в такую квартиру запихнули, да ещё и врут, что самую лучшую во всём городе подобрали! А разве настоящие мэры так живут? Разве так можно с мэром-то?! Разве в мэры для того идут, чтобы сидеть в хрущёбе и слушать мычание коровы под окнами... Сволочи!

Под окнами кабинета Рудольфа Леонидовича уже несколько дней, как только на лужайках проступил ковёр свежей травы, паслась корова по имени Роза. Дама крайне своенравная, с черноокиим взглядом настоящей барыни. Когда её хозяйка, пенсионерка Александра Потаповна, к началу обеденного зноя приносила своей любимице ведро воды, та неизменно переворачивала его точным ударом копыта. Она и в том году тут паслась, и в позапрошлом тоже. Тогда мэр думал, что это не навсегда, поэтому раздражался, но не так. А теперь понял: навсегда, навеки застрял ты в этой дыре!..

– Роза, ну экая же ты зараза! – раздался после до боли знакомого мэру звякающего звука перевёрнутого ведра голос Александры Потаповны. – Ты понимаешь, что мне тяжело тебе по сто раз воду таскать?

– Му-у!

– Ты понимаешь, голова твоя садовая, что...

– Александра Потаповна! – Рудольф Леонидович не выдержал и гневно высунулся в распахнутое окно второго этажа. – Я ж просил не пасти своё движимое имущество под моими окнами! Ведь просил же! Здесь же – Мэрия, а не ВэДээНХа! Я же... я же работаю, а вы мне мешаете своим мычанием...

– Му-у! – Роза радостно помахала мэру хвостом, решив, что это он её так персонально приветствует.

– Ну и что, что Мэрия? – начала оправдываться хозяйка коровы. – Моя Розушка здесь ещё до Вас паслась и никому не мешала. Здесь у вас трава хорошая. Тут в позапрошлом годе Назаровы своего жеребёнка пасли. Уж он, неугомонный, тут бегал-бегал, траву топтал-топтал, а она всё равно растёт! И что, если моя коровка эту травку пощиплет? Здесь же провинция, здесь корова – главный человек, а вы её имуществом обругали. Нехорошо так женщине хамить!

Корова же никак не отреагировала на хамство в свой адрес, а принялась и дальше щипать травку. Мэр, слышав её умиротворённое чавканье, хотел крикнуть: «А в Анголе, между прочим, дети голодают!», но ему не дали это сделать какие-то бабы, идущие от рыночной площади:

– Это потому, что Вы ей нравитесь, Рудольф Леонидович, – объяснили они поведение коровы, посмеиваясь самым нахальным образом. – Вот она специально ведро и переворачивает, чтобы был повод подольше под Вашим окном поторчать.

– Чёрт знает что! – смутился лучший друг ангольских детей, так как хорошо знал, насколько остро отточены языки у местных женщин.

И точно, за окном послышалось безудержное хихиканье, переходящее в откровенный хохот, какой бывает, когда люди вполголоса делятся между собой чем-то очень смешным. Стервы! Мэр тихо закрыл окно, чтобы не дать повода для большего смеха и задумался «о жизни такой непростой».

«Боже мой, боже мой! – тосковал он в тиши кабинета. – Только бы дожить до августа».

В августе он должен поехать в Петербург на симпозиум градоначальников Ленинградской области, и эта мысль была как глоток воздуха. А вообще Рудольф Леонидович в последнее время окончательно убедился, что жизнь его не задалась. И, как всегда на Руси водится, беды в жизни сильного пола проистекают из происков если не сионистов, то непременно пола слабого. Слабый пол при этом может даже не догадываться обо всех «бзяках», какие приписывают ему хронические горемыки мужской породы. Вот и Рудольф Леонидович теперь иногда смотрел на собственную жену, как на лазутчика в своём лагере. Не всегда, но иногда. А в последнее время это «иногда» стало возникать весьма часто и, в конце концов, растянулось в «постоянно».

Раньше такого не было. Раньше Рудольф Леонидович был рядовым чиновником в Администрации районного центра Вологодской области. Родители его были романтиками-шестидесятниками. Москвичами! Не коренными, конечно, а потомками послереволюционного переселения народов. Прадед легко получил прописку в столице, как ярчайший представитель правящего тогда класса рабочих из крестьян, десять лет прожил в бараке на тогдашней лефортовской окраине Москвы, потом ещё десять в каком-то тесном полуподвале. Но уже ближе к центру! Да ещё тридцать годков в переполненной рабочим людом, крысами и клопами коммуналке над этим полуподвалом, потом... Потом его ещё много куда засовывали в какие-то кладовки да бытовки под видом роста благосостояния трудового народа, но терпеливый прадед всё же за полгода до смерти получил-таки ордер на отдельную квартирку в новостройках. С собственной кухней метр на два и санузелом, как главной целью долгой и мученической жизни, как конкретное воплощение счастья. На смертном одре хрипел, что вот же он – коммунизм, при котором будет жить «нынешнее поколение советских

людей!» Он уже не за горами, а вполне видим и ощутим. На, потрогай унита́з – у мово батьки такого не было!..

И вот после этих честно пройденных ступеней ада, после всех мытарств и терзаний его внук взял, да и рванул из Первопрестольной на периферию! Мать Рудольфа Леонидовича сбежала из столицы подобным же образом. В деревенской школе работать! Осталась у неё от прежней жизни только одна дамская сумка, купленная ещё в ГУМе: с плетёными ручками и плетёным же узором на лицевой стороне. В деревне на сумку эту косились, вслед оборачивались, никогда такого не видели, чтобы баба с «кошельком на ремешках» разгуливала: на периферии таких не купишь. Зачем там дамские сумки? Там и дам-то нет, а только бабы, вкалывающие наравне с мужиками. А бабы всё таскают мешками: сахар, спички, муку, макароны – никакая сумка не выдержит. Рудольф Леонидович, когда уже в Ленинграде учился, увидел где-то в Пассаже точно такую, не удержался, купил, привёз в подарок. Мать два дня над ней рыдала, вспоминала светлую столичную юность: «У-у-у, как же нас всех обманули!..».

Хрущёв, покончивший после смерти Сталина с системой ГУЛАГа, должен был искать замену этому мощному трудовому ресурсу. Выбор пал на молодёжь. Точнее, на её тупой гормональный энтузиазм. Так начиналась эпоха студенческих стройотрядов, окутанных романтикой путешествий и самоотверженного труда на благо страны. В бурные годы Оттепели и появилась эта глупая и даже где-то дикая мода: из столицы залезть за Можай и начать там всё с нуля на каких-нибудь стройках века, нефтеразработках, запусках ГЭС, ТЭС, АЭС или просто в ужасном русском сельском хозяйстве. А зачем всё начинать с нуля? Что такого привлекательного в этом нуле? Под ноль полетела и столичная прописка, и нужные связи, и непыльная работа, и всё прочее, что стало так важно в современной жизни, когда без прописки и связей ты никто и звать тебя никак. Да за это надо уголовную ответственность вводить, чтобы другим «двадцатипятитысячникам» неповадно было вот так спускать завоевания предков до нуля! Знал бы прадед – отодрал бы розгами.

Молодёжь толпами уезжала из европейской части России куда-то вдаль и вглубь. Какой советский фильм тех лет ни увидишь, а его герои непременно едут куда-то на Восток. Это нынешние напирают как раз со всех сторон на столицу, и именно там находят своё место и судьбу, вспоминая провинциальное прошлое, как дурной сон или давно перенесённую неприличную болезнь. А лет пятьдесят тому назад подобное же движение происходило совсем в другом направлении. Под звуки оркестра на вокзалах, под транспарантами «Спасибо Партии за высокое доверие!». Доверили дуракам сгинуть в глуши! Стройки коммунизма объявить-то объявили, но вот об элементарных условиях для жизни забыли, как всегда, как о пустяке каком-то. Да ещё некоторых уезжающих обвиняли в погоне за длинным рублём. Господи, какой там «длинный рубль» в стране, где тихоходную «Волгу» ждали годами, получали за десятилетия тяжелейшего труда или по величайшему благу! Говорили: «А этот рвач приехал с Севера и... магнитофон себе купил! Во жируют-то, наглецы». Как же всё-таки изменилась наша жизнь и её ценности за последние годы. А главное, как резко.

Наступили времена, когда потеря столичной прописки стала ощущаться так явственно и остро, что у Рудольфа Леонидовича даже испортились отношения с родителями. Только отец заводил свою шарманку про героический труд в каком-то МТСи жизнь в вагончиках, как сын сбивал его с этих речей взглядом «кто тебя туда... точнее, *сюда* гнал?!». Отец поначалу горячился, заводился:

– Зато у нас была страна, а вы попрятались по своим иномаркам и в упор своих же соотечественников не видите! По головам друг друга шагаете и считаете это силой характера. А это не сила, а безродность. Люди без рода, без страны, без племени! Мы страну обустроивали «от Москвы до самых до окраин», а вы её теперь выгодно распродали. Мы беспокоились, как там наш Дальний Восток живёт, как в Сибири дела, а вы теперь по феде-

ральной трассе едете на своих лимузинах, да только использованные презервативы и пустые бутылки в окно вышвыриваете, как будто там, за окном, ваш мир и заканчивается. Не страна даже, а целый мир, так что не грех в это чужое пространство свои отбросы швырнуть. Ограничились пространством своих иномарок и кабинетов, потому-то вам и не понять, как это люди ехали Экибастуз строить. Поэтому мы вам полудурками кажемся, что у вас теперь самым умным считается тот, кто у своих же последнее украл, нажрал себе на этом харю с телевизор, обзавёлся хатами да гаремами из самых вонючих проституток. Конечно, на фоне таких «героев *ваших* дней» советские энтузиасты идиотами кажутся. А где ваш юношеский энтузиазм? На что он потрачен? Где молодой задор? Сгинул навечно, старички с детства! Только на глупость какую-нибудь задор есть, чтобы спьяну в горы полезть и башку себе там свернуть, чтобы мамки над гробом обрыдались. А мы пользу стране приносили, мы эту страну, собственно, и строили. А вы теперь пользуетесь тем, что окончательно разворовать не смогли, да посмеиваетесь. Мы ехали на комсомольские стройки, потому что желание творить добрые дела для своей страны и народа – это черта молодости. А вы теперь из контекста Библии фразы вырываете типа того, что «благими намерениями вымощена дорога в ад», но всё только для того, чтобы ничего для людей не делать. Мы были по-настоящему молодыми, а ваши дети теперь ходят с пустыми глазами. Им уже сейчас скучно, они в пятнадцать лет сами себя на тот свет отправляют приёмом всякой дряни. А страна заброшена, запущена, некому за ней ухаживать, как это делали мы. Заграницу знают лучше, чем родной Урал, Волгу, Сибирь. Позор! А мы в их годы общались с соотечественниками с Камчатки. Это было здорово, что житель Калининграда мог приехать на Енисей и общаться с ребятами из Красноярска! А вы и забыли, в какой стороне это находится, вам теперь некогда даже родителей лишний раз навестить. А чем таким заняты-то, что вам некогда? Мы страну строили и то время на общение находили, а вам всё некогда. Обзавелись мобилками и рычите в них, «тему перетираете». Вот объясни мне, раз ты такой умный, отчего так изменилось качество людей?

– Не знаю, – демонстративно зевал наш будущий новый мэр, которого всегда тошнило от разговоров «о высоком». – Мы же ваши дети, так что вам лучше знать, где вы нас упустили и проглядели... пока Экибастуз свой строили.

– Мы ничего не проглядели. Мы осознавали, какая наша страна огромная и как много заботы требует к себе, как много сил надо, чтобы её обустроить. Все граждане такой огромной страны были единым целым, а теперь каждый сам по себе, было бы ему одному удобно и комфортно. А на остальных – тьфу!.. А к нам сюда сам Кобзон приезжал с концертами, сама Зыкина в поле для простых работяг пела! Звёзды – ни чета нынешним безголосым стриптизёрам на эстраде. А приезжали, не брезговали народом. Первые красавицы советского кино с концертами выступали.

– Да? – насмешливо спрашивал непочтительный сын Рудольф.

– Да!.. Смейся-смейся, да не пришлось бы плакать. Люди чувствовали себя единой страной, а у вас теперь всё за деньги. Старого гея какого-то на корпоратив к неким пузатым бездельникам зовут, а он требует себе за исполнение песни без трусов полмиллиона. И об этом сраме на всю страну передачу показывают! Славная нация нам на смену пришла, нечего сказать. Молодёжь силы не знает куда тратить, у телевизора днями и ночами лежит, а потом идёт стадионы или витрины крушить, чтобы хоть чем-то себя, убогих духом, занять. И это когда родное государство практически в руинах!.. А у нас было братство. Мы были гражданами одной страны, огромной и необъятной! Мы были нужны друг другу, а вы теперь только в выгодных партнёрах нуждаетесь, даже в постели. У вас братство теперь только в бане после штофа водки. Точнее, не братство, а братание, запанибратство, когда непременно затрапезная пьянка с брудершафтом и обменом тёлками в знак дружбы.

В конце концов, отец и сам уставал от этих горячих и всегда утомительно-односторонних споров, когда сын и не перечил, но остро чувствовалось, как он родителей своих презирает. Но за что! За то, что они отважно мчались в полное никуда и даже не объяснишь, что и звало-то? Молодость звала. Молодость всегда куда-то зовёт – таково уж её свойство. Это потом она уходит, и ты ругаешь её: ну и куда ты меня притащила? Точнее, уже дети твою молодость высмеивают и попрекают: «При царе *туда* ссылали, а эти идиоты сами поехали! Добровольно! Из Москвы! В Россию. Удаться и нежить!». Откуда у поколения их детей такой цинизм? Где они в самом деле их проглядели и упустили? Слишком увлечённо строили светлое будущее? А оно, сволочь, так и не наступило – вот что больше всего...

И отец уже начинал виновато мямлить, что почему-то эта даль из Москвы тогда виделась светлой и перспективной. Казалось, что вот она – настоящая жизнь! Что тебе Москва? Там и жизни-то настоящей нет, там – серость, бег по кругу, а тут!.. Тут они выросли, начали уважать сами себя, трудности уже не казались трудностями, а стыдно становилось при воспоминании, как ты скулил, что тебе тяжело на кафедре младшим научным прозябать, как ты сам себя пошло жалел, как и беременные бабы себя не жалеют. После зимовки-то где-нибудь под Иркутском, где работают мужественные люди, которым и в голову не придёт быть настолько мягкотелыми, чтобы жалеть себя! Или после работы на ГЭС на одной из могучих сибирских рек, в награду за которую ты ничего кроме ранней инвалидности не получал. Ты и близко не знал, что такое трудно и тяжело! И хотелось гордиться, что ты смог всё это преодолеть. И было чувство долга, что где-то вдалеке *для тебя* трудятся люди, растят *для тебя* хлеб, добывают *для тебя* нефть, строят дороги, и ты тоже *для них* делаешь нужную работу. Это называется совесть, сынок. Та самая совесть, которая нынче объявлена величайшей глупостью.

Когда совесть совсем вышла из моды, бедный отец уж и не знал, как оправдаться перед отпрыском за свой необдуманный и порывистый проступок юности. То есть в какой-то момент старики стали испытывать своеобразный комплекс вины перед единственным сыном, выпускником ЛГУ. Ему и самому стало стыдно, потому что какая-никакая совесть у него всё-таки была – сказала мощная наследственность нескольких поколений, которые не умели жить без совести. И эта совесть в какой-то момент сказала: «Чего ты мучаешь своих несчастных стариков этими тупыми упрёками! Какой теперь в этом прок? Лучше думай, как отсюда смыться, пока не поздно. А то обростёшь тут корнями, женишься, жена народит тебе целый выводок детей, как любая плодovitая деревенская девка. Таких вот сынков, как отец говорит, которые уже в пятнадцать лет ходят с пустыми глазами и требуют всё больше хлеба и зрелищ». Ведь он прав, отец-то: скучное получилось из них поколение, сонное. Ходят с таким видом, как царевны-несмеяны, которых кто-то развеселить обещал, да только ещё больше расстроил.

Отец и мать и сами уже сокрушались: что делать такому образованному человеку, как их сын, на окраине Вологодской губернии? На окраине окраины... Именно поэтому они нашли ему невесту, папаня которой имел «какие-то связи» и мог со временем пропихнуть их Рудю куда-то поближе к утерянной ими навсегда Малой Родине – Москве. Он к тому времени как раз развёлся с первой женой, хоть и жил с ней весьма дружно, но что поделаешь, если к концу века в России стало модно разводиться по два раза в год.

Новую невесту свою Рудольф Леонидович поначалу невзлюбил и даже испугался. Она оказалась невыразительной старой девой сорока лет, домоседкой, пишущей диссертацию на тему «Роль квазаров в формировании гравитационных коллапсов» или что-то в этом духе. Он поначалу даже хотел от неё отказаться, но будущий тесть оказался таким бойким малым, что было над чем задуматься. Самостоятельно проделал путь от инструктора горкома какого-то уральского посёлочка до... до... Короче говоря, осел где-то в Петербурге на хлебной должности госчиновника средней руки, да ещё седалища хватило на кресло в какой-то компании,

связанной с куплей-продажей нефти. Всё сам! Ни связей, ни родства, ни денег, ничего этого у него на старте не было. Вот пробивной человек, за которого имеет смысл уцепиться!

Дочь этого человека в отличие от потенциального жениха была очень рада замаячившей нестойким миражом возможности выйти замуж и сразу влюбилась в своего избавителя от позорнейшего на Руси звания вековухи. Забросила свои квазары вместе с коллапсами, которые до этого просто помогали скрашивать одиночество. Вместо астрофизики и диалектики у неё наступала настоящая, обычная и прекрасная в своей обычности жизнь. Даже хороше́ла и помолодела. Рудольф Леонидович всмотрелся и понял, что хорошая она баба, которая осталась одинокой просто из страха, что её оттолкнут, не примут такой, какая она есть: заботливая и добрая, без взбалмошных капризов и заморочек, какими частенько так щедро одарены дочери влиятельных отцов. А тесть в долгу не остался: пристроил зятя на хорошее место в самую Вологду! Дальше – больше: на горизонте замаячил Питер. А питерским-то нынче прямая дорога в Первопрестольную! Тут главное успеть до следующих выборов...

И так бы всё шло, как по маслу, но перед самым Питером карьерный рост Рудольфа Леонидовича споткнулся о небольшой городок в десять тысяч человек, где никто никого никому специально не представлял, но все друг друга знают с самого рождения. Стоит городок посреди лесов и заросших полей, как символ конца реальности. Лет двадцать тому назад здесь вроде бы кипела какая-то жизнь, но вот уже два десятилетия в ландшафте не происходит никаких изменений. Сам человек исчезает из ландшафта. Вид пустого поля, брошенные деревни, бегство населения, вымирающая земля вытесняют из сознания, казалось бы, такие въедливые рекламные образы с холёными бабами и мужиками, которые кушают «ролтон» и катаются на «феррари».

Тесть-зараза заманил на эту ужасную должность обманом: «Рудя, всего на полгода, ну в крайнем случае – на годик. Но это – в крайнем случае! Так надо. Это тебе как трамплин будет». И вот уже минул третий «годик», а тесть и думать забыл о доверчивом зяте. Зять периодически напоминал о себе, но тесть говорил, что «всё идёт по плану». В последний раз они даже страшно повздорили. Тесть сначала принялся описывать хитросплетения паутины власти, а потом вышел из себя и пригрозил зятю ссылкой в какой-то колхоз где-то под Архангельском.

– Да ты щенок ещё, чтобы меня учить! – зычно орал тесть, который свой непростой путь наверх проделал в значительной степени благодаря лужёной сибирской глотке. – Да я по десять лет гнил на стройках свиноводов и коровников, я полжизни по колено в навозе отходил, пока хоть чего-то добился! А ты всё сразу хочешь?! А вот хрен тебе! Быстро только шлюхи дают.

Зять был разочарован в тесте: не такой уж он и всесильный, как казалось. Зря женился. Жена Рудольфа Леонидовича разрываться между противоборствующими родственниками не стала, а сразу приняла сторону мужа, за что тесть её даже похвалил – Рудольф Леонидович сам слышал. Она вообще всячески пыталась облегчить страдания мужа и даже подбадривала его, что быть мэром в провинции лучше, чем ходить в подчинении у мэра в столице.

– Хотя здесь и бардак, зато ты в нём – самый главный, – говорила она ему. – А кем в столицах будешь, ещё неизвестно... Надо просто подождать. Папа если обещал, то сделает. Он такой.

Иногда эти её заботы и хлопоты только раздражали и досаждали. Временами мэр ощущал, что только от одного её слова нервы его страшно раздражаются, и раздражение это мгновенно приобретает какие-то чудовищные размеры. Жена это тоже чувствовала и умолкала. И чего она в самом деле мотается с ним по белу свету, чего диссертацию свою забросила? Оказалась совершенно несовременной женщиной без стремления к профессиональной самореализации, а готовой жить только интересами мужа. Разве такой должна быть баба нового тысячелетия? Декабристки-то были хороши только в своём девятнадцатом столетии,

а потакать мужской глупости и заносчивости – позор для женщины двадцать первого века. Это высказывание мэра в одном ток-шоу по телевизору услышал. Услышал и даже ужаснулся такой степени женской наглости...

– Кому нужна эта диссертация? – смущённо отбивалась жена мэра от его едких насмешек. – Ты меня и так-то не любишь, а уж с диссертацией и подавно возненавидел бы... «Новое тысячелетие, новое тысячелетие!»! Чего вы все так вцепились в это тысячелетие? Люди-то нисколько не изменились: кто был дураком в том веке, тот в этом им же остался.

Мэру при этих словах становилось несколько стыдно, что он мучит жену плохо скрываемым презрением. Но он не её презирал. Он злился на неё, потому что она была дочерью человека, который ещё в 1999-ом году обещал ему должность в Петербурге. Тесть твердил тогда:

– Только не сейчас, не сейчас. Сейчас видишь, какой год грядёт? Нулевой год, да к тому же ещё и високосный! Сейчас лучше не совершать резких скачков...

Нашёл отговорку: нули виноваты! То ли он жизнью правит, то ли эти самые нули-цифры в виде бубликов... А может, в самом деле надо подождать, а то получишь вместо должности дырку от бублика-нуля?

Вот мэр и ждал. И скучал. И чувствовал себя бесконечно несчастным! Ведь так верилось, что хотя бы в новом веке всё будет хорошо: получишь ты свою должность если не Петербурге, то хотя бы в каком-нибудь здешнем Райцентре. Он давно не брался за работу жадно, с радостной охотой, как голодный кидается на аппетитный свежеприготовленный окорок. Как влюблённый, которому предмет любви пока ещё кажется обольстительным и прекраснейшим на свете, в состоянии неземного волнения ждёт долгожданной встречи с ним. Куда это всё ушло? К работе охладел, как разочарованный мужчина к женщине, когда сладкий туман рассеивается и вот уже не «хочется пойти с ней в кино», а «НАДО идти с ней куда-то в кино, чёрт бы побрал и её, и это кино!». И так приходится расплачиваться за мимолётное увлечение всю жизнь! Так и на работу ходил, потому что НАДО, но не хочется. И даже не можешь сказать чётко, чего и хочется-то. Он уже пятый год ходил в таком полубморочном состоянии, ещё не вполне ожил после перемещения, не освоился на новом пространстве, которое поначалу показалось огромным, потом вовсе стало ничтожным. Сжалось, как коллапс квазара... Или квазар коллапса?

Никакой существенной работы тут не было. Весь день мэр принимал посетителей-просителей, которые излагали ему свои материалистические просьбы. Он даже сейчас знал, что в коридоре наверняка сидит директор местной школы, в здание которой ещё в прошлом году въехал пьяный водитель на лесовозе, так что съёс две колонны у пожарного выхода, отчего накренился навес над крыльцом. Крыльцо-то не главное, не парадное, но директор клянчит срочный ремонт. Мол, скоро Последний звонок и всё такое, да ещё из-за крена навеса и растяжения стены в классах первого этажа по стенам пошли какие-то нехорошие трещины. Мэр советовал ему отсудить стоимость ремонта у того пьяницы, который въехал в крыльцо, но директор сказал, что у водителя родня работает в управлении Лесного хозяйства, а здесь это всё одно, что против ветра плевать. Да и на суды деньги нужны немалые.

А где мэр им возьмёт? Кто ему чего даст? Или ходят жильцы одного из домов по центральной авеню города, улице Ленина, естественно. Крыша у них давно протекает, видишь ли. Чего удивляться, если халупы эти были построены в конце пятидесятых годов прошлого века из расчёта служить людям около двадцати лет, когда в 1980-ые должно было наступить какое-то неслыханное счастье для всех? И обитатели этих картонно-фанерных строений должны были перекочевать во дворцы. Да вот не случилось. Разве мэр в этом виноват? Мэр каким боком, что эти дома эксплуатируют уже полвека вместо отмеренных двадцати? Да и номер дома подкачал: тринадцатый как-никак. Уж тем более странно роптать на судьбу, проживая в доме с таким номером. Смените номер – глядишь, и крыша перестанет проте-

кать. Цифры и числа – это вам не просто так. Они тоже свою власть имеют, и власть их порой сильнее власти человеческой. В некоторых странах нет тринадцатых этажей и номеров квартир, и живут там люди припеваючи... Хотя уже и наглецы из дома номер семь обращались с требованием вернуть им трубу холодной воды, которую коммунальщики свинтили ещё два года назад, а новую так и не установили. Ох, всё-то в России ни как у людей!

И вот он, выпускник ЛГУ должен заниматься этими сгнившими на корню трубами, крышами, навесами, колоннами! Боже мой, за что? А тут ещё тесть-зараза не даёт о себе знать... И опять эта корова мычит под окном!

– Му-у!

Мэр тайком выглянул из-за занавески и встретился глазами с томным коровьим взглядом.

– Пойдём, Роза, – хлопала её по боку хозяйка. – Пойдём, красавица моя.

– Му-у! – воет Роза громкой сиреной. – Не пойду-у!

Рудольф Леонидович только тут понял, что наступил вечер и конец рабочего дня. А мэр никогда не уходил с работы вовремя. Часа на два-три задерживался и тайно негодовал, что никто не хвалит за это ежевечернее бдение. Никому не нужное, но было у него такое убеждение. А то скажут, что это за градоначальник, который вовремя с работы уходит. Ты – человек занятой, государственный, и день твой ненормированный. Именно в это время он начинал с усталым видом «после тяжёлого трудового дня» приём посетителей. Посетители сразу как-то терялись: не уйти ли им, когда тут такой усталый человек сидит, загруженный сверх всякой меры сидения, а они напирают с такими незначительными на фоне мировых проблем просьбами.

Директора школы он в этот день отшил быстро. Только спросил устало:

– А Вы сами, Юрий Кириллович, в какой школе учились?

– Да я и не учился в современном понимании этого слова. Я с десяти лет работать пошёл на завод – война же была. А потом в вечерней школе доучивался до семилетки. Вечерняя школа располагалась здесь в здании бывшей бани, – как-то беззащитно засмеялся директор школы. – Потом техникум. Тоже вечерний, строительный. После военной разрухи ведь много строили... Я же только к двадцати пяти годам понял, что хочу быть учителем... А почему Вы об этом спрашиваете?

– Да я к тому спрашиваю, что если такой человек... нет – такой человечище, как Вы, учился где-то в бане, то...

– Я понял всё, понял, – директор школы спешно встал, собрал со стола документы с приблизительным описанием необходимых ремонтных работ, извинился и вышел, не забыв попрощаться уже в дверях.

«Уф, одного спровадил, – Рудольф Леонидович вздохнул и ослабил узел галстука. – Настолько интеллигентный человек, что даже как-то неловко. Но нельзя же, в самом деле, быть таким вежливым в наше грубое базарное время!»

Следующим номером мэр ожидал жильцов дома номер тринадцать. Для них он приготовил рассказ про цунами в Юго-Восточной Азии, произошедшее в конце прошлого, 2004-го года. Даже статистику специально себе на листочек выписал и ещё раз повторил для памяти: жертвами удара стали 230 тысяч человек, были разрушены 400 тысяч домов, два миллиона человек лишились крова... «А вы тут жалуетесь на протекающий кров, когда у кого-то его вовсе нет!» – это надо сказать с гневно-снисходительной интонацией. Без вести пропали восемь россиян... Об этом лучше не говорить. Не поймут. Тут живут такие россияне, которые за всю жизнь не то, что на поездку за границу наскрести не могут, но даже за пределами собственной губернии ни разу не бывали.

Но вместо обитателей дома с несчастливым номером пожаловала делегация по поводу вывоза мусора с улицы Гагарина, который не производился уже полгода. Рудольф Леони-

дович сначала несколько растерялся такому сбою в работе, а потом разумно рассудил, что рассказ про цунами вполне сойдётся в данной ситуации.

Рассказ и в самом деле помог выпроводить «плакальщиков» с улицы имени Первого космонавта мира в четверть часа. Мэр перевёл дух и решил всё-таки начать собираться домой, а то не пожаловали бы к нему по поводу асфальтирования этого... как его... Мировой улицы, то есть проспекта. Ведь больше всего ему намотали нервов именно с вопросом асфальтирования дорог в целом и Мирового проспекта в частности. И в данном вопросе на народ уже не действовали страшилки из жизни папуасов: местная библиотекарша по Интернету нашла фотографии, где изображены великолепные дороги в африканской провинции. До того въедливая баба эта библиотекарша, что и не знаешь, чего бы ей такого доброго пожелать! Выдать бы её за какого-нибудь алкаша, чтобы нарожала целый выводок новых граждан великой державы и не думала уже о благоустройстве какой-то помойки... которой тебя поставили командовать! За что, Господи?!

Вот она – цена власти. И чего это люди так тянутся к власти? Что в ней хорошего? Не знают, а лезут, словно там мёдом намазано, а власть – это мука мученическая! Это такая медленная казнь, с которой по изощрённости и сравнить-то нечего! Обладающий хоть какой-то властью человек – несчастнейший из людей. Руководители и правители часто одиноки. Нет, номинально вроде бы есть и семьи, и единомышленники, но всё это так зыбко, так пусто. Друзей у обладающих властью нет, и быть не может. Есть только соратники по партии или оппозиционеры. И те, и другие норовят на твоё место, подкопы со всех сторон тайно роют, чтобы уловить момент и занять его. Когти рвут, в глотку готовы друг другу вцепиться и... даже не догадываются, идиоты, насколько руководитель сам хотел бы им свой трон уступить. Даром! Садись и правь, если сможешь.

И никто из окружающих не смотрит на тебя, как на рядового человека – как же хочется побыть просто рядовым смертным, как все эти плебеи! Все видят в тебе только какую-то силу, которая может хоть что-то сделать с этой ужасающей действительностью. Все чего-то кланчат, просят, требуют. А что он может? Тут надо титаническую работу проводить, тут требуются ни какие-то вялые миллионы рублей, о перечислении которых так любят лопотать с трибун накануне выборов или годовщин праздников, а миллиарды! И не рублей, а долларов! Чтобы сделать нормальные дороги, построить настоящие комфортные дома на месте этих покосившихся чудищ, основать предприятия, чтобы люди не ездили на работу за пятьсот вёрст, а их беспризорные дети не сбивались в лютые и пьяные подростковые банды. Нужна замена прогнившей насквозь инфраструктуры, масштабное строительство, капитальный ремонт унылой реальности!.. И кто будет это делать? Эти вялые циррозники, которым нельзя больше двух килограмм поднимать? Эти равнодушные к красоте жизни мужики с мутным взглядом, которые если где и работают, то единственно для того, чтобы иметь в конце рабочего дня повод нажраться в дугу?

Всё мэр должен им сделать! Думают, он один это шутя провернёт, пока они будут на завалинке квасить и советы ему подавать. Они уверены, что власть – это сильные мира сего! Сильные мира сего, хм... «Бессильные мира сего» – видел где-то такую книгу, что ли, в окне библиотеки у язвы Марины Викторовны, дай ей бог мужа-язвенника! Специально, стерва, на видное место поставила, чтоб он мимо проезжал и помнил, что о нём народ думает. Считают, раз в стране объявлена демократия, руководители всех мастей и рангов прямо озаботились: чего там про нас наши холопы думают? Да плевать они хотели на этот народ с его думами, как и прежде, и даже больше!

Ах, какой желанной кажется власть, когда ты ею не обладаешь! И как горька и жестока она, когда ты получаешь хотя бы клочок этой чёртовой власти. Это, наверно, как замужество: очень хочется попасть туда, получить статус хоть чьей-то жены, а потом кроме разочарования, уймы забот и хлопот ничего в нём не обнаружить. Потом и хотела бы стряхнуть с

себя эти хлопоты, но как в присказке про чемодан без ручки: и тащить тяжело, и бросить жалко. И власть так же: с одной стороны – «ох, тяжела ты шапка Мономаха!», а с другой – и отказаться от неё тоже как-то глупо... Почему люди так стремятся к тому, что только отравляет им жизнь? Да, есть кой-какие льготы и привилегии, есть машина с водителем. Квартиру вот дали, намекают на повышение. Но всё какой ценой! Цена власти – самая дорогая, какая только может быть в расценках на все прочие явления этой глупой жизни.

Хотел скрыться от суеты областного центра в тихой провинции, а тут такая же сутолока и беспросветные будни. Ну, спасибо, тестюшка! Тихий городишко, всего-то десять тысяч человечков, а шуму-то, шуму! И было бы из-за чего. Ходят и ходят, просят и просят, ну как дети, ей-богу, что ты будешь с ними делать! Насели со *своим* бездорожьем: «По пиздорожью-то скоко можна ходить, мил человек, а?». Он-то тут при чём?!

На днях какие-то местные сумасшедшие даже написали мэру письмо о желании вступить всем городом в состав какого-нибудь скандинавского государства, где давно решены проблемы бездорожья. Рудольфа Леонидовича сначала прошиб холодный пот: «Уж не завелись ли у нас сепаратисты по образу северокавказских? А ты прозевал! И это на фоне тотальной борьбы с подобными настроениями!». Но потом вычислил, что сие послание написано безработными пьяницами от нечего делать. Дал почитать письмо жене. Она посмеялась и посоветовала ответить кратко: «Закусывать надо». Так, якобы ответил кто-то из русских императоров какому-то зарвавшемуся губернатору, когда тот, после бурного отмечания Нового года, пробовал объявить свою губернию суверенной республикой. Мэр тоже посмеялся, но отвечать не стал: мало ли что. Представил себе репинских запорожцев, которые «пишут письмо турецкому султану», явственно услышал их дикий гогот, с каким они составляют свою петицию. Такую публику лучше не провоцировать... Хотя было бы круто ответить на манер не абы кого, а самого императора!

Так они ему надоели со своим Мировым проспектом, что он и хотел было начать хлопоты об этом треклятом асфальте, но сработал профессиональный рефлекс: «Тебе что, больше всех надо? Помни, что у нас инициатива наказуема, поэтому сиди и не рыпайся». И в самом деле, нашли дурака! Заасфальтирует им Мировой проспект, а потом обитатели Липовой улицы запросят и свою улицу в порядок привести. А там и бульвар Коминтерна подтянется, да ещё Столетов проезд заартачится, да Горбатый тупик подпоёт. Да переулок Восьмого Марта и закоулок Первого Мая захотят уподобиться улицам лучших городов мира. Знаем мы их, стяжателей! На улице Ленина, где расположены главные объекты города, есть фрагменты асфальта, который был уложен, как говорят местные бабульки, «ишшо при Сталине», и будя.

Тем более, что тесть посоветовал не портить отношений с местной районной властью. А как сунешься к ним с такими-то требованиями, так и хорошие связи уже не помогут. Пока же отбивался от требований народа обещаниями, что в следующем десятилетии у очень занятой власти руки наконец-таки дойдут до асфальтирования их *прошпекта*. Народ же дерзил, вопрошая, чем это таким интересным у власти руки заняты в данный момент, и заявляя, что они хотят увидеть асфальт ещё в этой жизни, а то и вовсе *здесь и сейчас*. Кто это придумал такую глупость, чтобы получить что-то сразу, чтобы жить *здесь и сейчас*? Когда это в России хоть кто-то наслаждался жизнью *здесь и сейчас*, если люди по тридцать лет ждали переселения из барака в коммуналку, по полвека предвкушали, что «здесь будет город сад»? И проводится эта политика из расчёта что жизнь конечна. Прождали всю жизнь невесть чего и пожалуйте на тот свет, освобождайте места новым дуракам. Русским людям при такой политике надо бы жить мафусаилов век, чтобы всего дожидаться, но средняя продолжительность жизни в России отстаёт даже от слаборазвитых стран Средней Азии.

Жена сказала мэру, что «здесь и сейчас» – это какое-то определяющее направление из восточной философии или религии. Очень вредное направление! Для мира в целом может и

сгодится, но для России крайне неподходящее. В России надо учить народ терпению, пока он совсем от рук не отбился... Тут снова замычала корова. Рудольф Леонидович кричать не стал, а только встал в окне, всем видом давая понять, что Александре Потаповне должно быть стыдно. Ей и в самом деле сделалось неловко:

– Вы понимаете, не уходит и всё тут, – стала оправдываться хозяйка Розы. – И ведь доить её пора, а не хочет идти домой и всё тут. Может быть, Вы её попросите? Она Вас послушает...

«Да идите вы обе!» – подумал про себя мэр.

Роза угрюмо посмотрела на него: «Ну и дурак ты, Леонидыч. Я же к тебе всем сердцем, всей душой!». Ему так и послышались эти слова в её бездонных выразительных глазах.

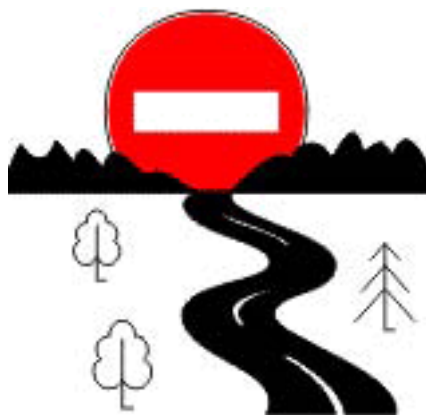
Когда мэр пришёл домой – а жил он в соседнем квартале от Мэрии, – жена сидела на балконе и слушала соловья. Рудольф Леонидович вздохнул так тяжело, что соловей сразу умолк. Жена усадила его за давно накрытый стол и с каким-то восхищением сказала:

– Здесь соловьи поют! А летом прямо на улице цветёт жасмин и шиповник... Где такое ещё увидишь?

– Дура ты, – сказал он буднично, подумав, что это тесть специально попросил уговорить его «ещё немного» потерпеть. – Не понимаешь ты перспектив власти. Такие жёны своих мужей только вниз тянут, а не вверх. Мне уже почти пятьдесят лет, а чего я достиг? Того, что гнию в этом чухонском болоте? Хороша заслуга! Другие в мои годы такие дела проворачивают, что от одного рассказа голова начинает кружиться...

– А мне здесь нравится, – вздохнула жена и снова вышла на балкон.

Мэру сразу стало как-то легче: отомстил-таки тестю за сегодняшние свои мучения, нагрубил *его* дочери.



Когда Пасха поздняя, то накануне горожане ходят наводить порядок на могилах усопших родственников. Перед ранней Пасхой на городское кладбище никто не ходит – слишком сыро, а то и снег ещё лежит. И это не снег в жилых кварталах, который всегда можно убрать, а настоящие лесные залежи, где никто не ходит, поэтому он не тает даже на солнце, если оно и пробьётся к нему.

Средняя часть кладбища по весне вообще затоплена, так как представляет собой низину, и пройти по ней можно только в болотных сапогах. Кто только додумался здесь хоронить? В девяностые годы, когда население стало помирать такими ударными темпами, что места уже нигде не хватало, под захоронения захватили и эти неподходящие участки. Позже городские власти отдали под кладбище часть бывших полей, которые давно никто не обрабатывал. Так бы не отдали, но вмешался местный криминал, который, надо отдать ему должное, не привык быть похороненным абы как и чёрт-те где. А тут место хорошее, высо-

кое. Правда, трава прёт с человеческий рост благодаря плодородной земле, которую пахали и щедро удобряли каждый год, когда она принадлежала совхозам.

Но лучшая часть – всё-таки старое кладбище. Оно, в отличие от нового, укрыто высокими вековыми деревьями. Тень от крон не пропускает солнце, а корневая система забирает питательные вещества из почвы, поэтому трава если и растёт, то невыразительными клочками. Это важно, потому что те, у кого родня похоронена на открытом месте в низине, летом ходят на их могилы, как на прополку огорода. С тяпками, граблями и мотыгами! Лезет мощная луговая трава, как олицетворение упрямой жизни, которая везде пробьётся. Ничего от неё не спасает: ни песок, ни рубероид, ни плитка. Если дети и внуки переехали жить в Петербург или Райцентр и редко навещают могилы отцов и дедов, то достаточно двух-трёх лет, чтобы они заросли до неузнаваемости и к ним даже нельзя было бы пробиться.

Старое кладбище выгодно не только этим. Это как старинная архитектура, которую мало кто променяет на новостройки. Тут можно отыскать такие древние часовни, что живым кажется, будто они совершили переход во времени. Здесь ещё можно найти могилы, где год смерти относится к девятнадцатому столетию. Здесь похоронены мои предки, прабабушки, прадедушки, их братья, сёстры, племянники и прочие многочисленные ветви такого сложного дерева, каким раньше была обычная семья человек этак в тридцать-сорок.

В большинстве наших городов, как ни странно это прозвучит, кладбище – главная достопримечательность. Наш город старый, но ничего в нём не сохранилось от «незапамятных времён». По банальной причине: если что и прокатывалось по нему, то стирало полнотой с лица земли. Потом его снова отстраивали, а через какое-то время опять стирали – излюбленное занятие практически всех исторических деятелей. Особенно, великих. Но в России других и не держат. Так что если вам кто проведёт экскурсию и скажет, что вот в этом доме жил такой-то деятель минувших веков – не верьте. Тот дом не уцелел. Всё новое, хотя по обветшалому виду и не скажешь.

Куда тут, в самом деле, ещё пойти? Музеев нет, театров тоже. Даже кинотеатра нет, когда-то было несколько. При «кровавых коммунистах», как шутят старожилы. Нет учебных заведений, хотя когда-то тоже были, эти важные центры притяжения главного ресурса для любого города – молодёжи. В итоге, как у Лермонтова в «Тамбовской казначейше»: «Там здание лучшее – острог. Короче, славный городок». Редко приезжают узбеки с приевшимися всем аттракционами почему-то «Московского цирка», отчего провинциалам тревожно, что в Москве теперь кроме узбеков никого не осталось. Это больше напоминает представления бродячих артистов, как во времена Шекспира, а не отзвуки столицы. Но мы-то не во времена Шекспира живём. Хотя, кто там знает, что есть время?.. Только на кладбище и ощущаешь его неуловимые смещения и неумолимое движение.

На кладбище можно проследить историю города, биографии его граждан. Ещё остались представители вымирающей породы старух, которые всё про всё в городе знают. В наш век аутизма, когда отсутствие у человека интереса к окружающим его людям стало нормой, принято считать их сплетницами. А им просто интересны люди и реальная жизнь, в то время как не сплетникам глубоко безразлично, что вокруг происходит. Или любопытно, но они это тщательно скрывают, чтобы не прослыть сплетниками.

Эти замечательные старухи могут рассказать о каждой могиле, кто в ней лежит и чем он славен. И это не сухой и казённый рассказ гида, измученного равнодушными к предмету изложения экскурсантами, а живая речь. Любовь к отеческим гробам у них соединена со знанием. Есть среди них такие, которые знают свой род до шестого колена. И не только свой, но и твой! От них можно услышать про своего прадеда или даже прапрадеда: «Как же, как же, помню Ляксея Устиныча. Он нам фундамент дома поправлял». Ты его никогда не видела, даже фотографий от него не осталось, потому что фотография тогда была доступна только

царской семье. Но вот он оживает в их нехитрых рассказах, обретает характер и реальные черты. Словно до сих пор живёт где-то...

В 2005-ом году Пасха совпала с Первомаем. Днём солидарности трудящихся, как его называли раньше, или Праздником Весны и Труда, как стали называть позднее. Соседка Маргарита Григорьевна уговорила меня и Маринку сходить с ней на кладбище на могилу её сына. Мы решили пойти не в субботу перед самым Праздником, когда яблоку будет негде упасть, и даже не в пятницу, а в четверг.

Хотя был май на носу, но погода стояла отвратительная. Премерзкая была погода. Неделью назад прошёл сильный снег, потом ударил мороз, который сменила оттепель. Днём было тепло, но пасмурно и сыро, да ещё дождь грозился пойти. Но раз собрались, решили пойти. Тем более, что за поздней Пасхой следует поздняя Троица, когда на кладбище ходить – только комаров кормить. Ужас сколько здесь комаров в июне! Лучше всего перед ранней Троицей: ни снега, ни холодного дождя с ветром, ни проникающего даже через москитную сетку гнуса.

За нами увязался Лёха-Примус. Всю дорогу он канючил деньги, и было никак ему не объяснить, что мы идём на кладбище, а не в магазин, поэтому без денег.

– Экий же ты тупой, Лёша! – окончательно разозлилась на него Маргарита. – Зачем нам на кладбище деньги? Покойникам взятку давать, что ли?

– Мало ли.

– Сколько в вас, в мужиках, дурости! Я не говорю, что в бабах глупости нет – есть и очень даже много, но до вас далеко. Вот зачем тебе деньги? Пропить? Пропить.

– Да ну вас! – обиделся Лёха. – Сердца в вас нет, вот что.

Он так и не отстал, а притопал с обиженным лицом на самое кладбище. Народу было всего ничего из-за дрянной погоды. Зато мы застали там Светку Ерёмину. У Светланы был своеобразный бзик: она ухаживала за могилой нашего бывшего однокашника Вальки Мочалкина, своего несостоявшегося жениха, в которого была по-детски влюблена ещё со школы. Валька погиб лет десять тому назад в бандитских разборках. Мать его умерла где-то в конце девяностых. Были у него при жизни какие-то бабы, но всё не местные, поэтому после смерти родителей Валькина могила стала зарастать и чахнуть. Светка тогда ещё в Райцентре жила, но стала приезжать к Вальке на могилу каждую весну. В общем-то, ничего странного в этом не было. Но она делала это тайно, как ей казалось, и сердилась, если кто-то замечал её за этим или как-то ещё обращал внимание. Поэтому мы сделали вид, что не увидели её, и прошли по аллее дальше.

А дальше по аллее, за могилой Вальки лежат такие крутые люди нашей округи, что до сих пор мимо их могил ходить страшно. Проще говоря, чтобы не возникло путаницы со значением слова «крутой» в современном его понимании, лежат тут бандиты 90-ых годов, местная братва. Могилы их раньше были богатыми и роскошными, но теперь многие превратились в неухоженные и заброшенные. Местами упали огромные памятники, не рассчитанные своей тяжестью на такую топкую почву. Эти ребята не оставили по себе ни жён, ни детей, ни друзей. Родители их в большинстве своём уже умерли, поэтому некому соблюсти старинную традицию содержать могилы родственников в порядке. Пусть не в роскоши, а просто в опрятности. Так и «стоят кресты после сражения простыми знаками сложения», как математические плюсы в веренице неисчислимых смертей: один человек + ещё один человек + ещё кто-то. И пойми теперь, за что они так яростно сражались друг с другом, граждане одной страны, мужчины одной нации...

В самом конце аллеи похоронен наш бывший пионервожатый Слава Трубочёв. Он командовал теми, кто лежит в начале. Его могила всегда в полном порядке. Это мы, его бывшие пионеры иногда наводим тут порядок. Он сам попросил незадолго до смерти, чтобы мы его хотя бы иногда вспоминали и навещали. Да нам и не трудно.

– Смотрите, на Славкиной могиле какой куст малины вымахал! – говорит Маринка. – А в том году был такой ма-асенький...

– Какой «масенький»? – нагоняет нас Светка. – Я её в прошлом году уже ела. Это он нам привет передал.

– Ка-какой ещё привет? – пугается Маргарита Григорьевна.

– С того света! – злится Светлана на её суеверные страхи.

Поворачиваем направо, где начинается аллея, прозванная в народе «ярмаркой женихов». Здесь нашли свой покой жертвы отравления некачественным алкоголем. В основном мужчины – отсюда и название. Но уже появились и женщины, причём очень молодые, из поколения Пепси, которое уже не комплексует по поводу того, чтобы жрать водку и пиво, как не могли себе позволить их «отставшие от жизни» мамы и бабушки. Но почивших от алкоголизма «невест» всё же значительно меньше спившихся мужчин. Алкоголизм бедных слоёв населения страшен тем, что пьют собственно не алкоголь, на который нет денег, а совершенно не пригодные для человеческого организма жидкости. Чего они только ни пили! От потребления технического спирта получали паралич, теряли зрение, прожигали желудки, кишечники, доводили до отчаяния жён и матерей, шокировали корчами в канавах и зелёной блевотой в кровати собственных детей с чувством совершённого подвига. И заделывали новых детей, безнадёжно больных, за которых врачи потом жестоко ругали отважившихся на подобный крестный путь баб:

– На кой чёрт ложилась под алкаша, дура набитая?! Ты понимаешь, что подобный синдром у новорожденного никогда не пройдёт? Ни-ког-да!

Многие женщины в России действительно этого не понимают. Они уверены, что своей любовью способны излечить любую хворь. Их убедила в этом та же пропаганда: ежели кто пьянствует, то виновата женщина, что не любит этого горемычного. Хотя медицина давно выяснила, что алкоголикам меньше всего нужны женщины со своей глупой бабской любовью, а требуется водка и любые её заменители.

С пьянством в России никогда особо не боролись. Не выгодно. Трезвый и думающий гражданин мешает той системе эксплуатации, какая царит на Руси в качестве основной политической линии. В девяностые годы пьянство совершенно осознанно оправдывали, называя нашей исконной национальной чертой, и усиленно рекламировали его по всем каналам телевидения каждые пять-десять минут. Становилось невозможно смотреть какой-нибудь фильм или передачу, казалось, что не реклама их прерывает, а они вкрапляются в её нескончаемый поток короткими клочками. Да и сами фильмы и передачи были посвящены подвигам «настоящих мужчин после пятого стакана». Были, например, такие рекламные ролики, где молоденькая девушка едет в автобусе и везёт огромный, чуть ли не пятилитровый бутыль пойла, отчего на неё засматриваются все юноши. А один даже предложил познакомиться! На зависть тем нерасторопным дурам, которые без такой бутылки ходят и ещё имеют наглость надеяться, что встретят хоть какую-то любовь. Заканчивался ролик сценой совместного распития влюблёнными этого полуведерного баллона, так что иные невесты тоже стали налегать на спиртное с верой отхватить себе когда-нибудь кавалера, если верить рекламе. Но до желанной встречи дотягивали немногие: нежные ткани женского организма разрушаются от алкоголя значительно быстрее, чем у противоположного пола.

Эта «исконно-народная черта» лет через десять подвела черту под вопросом существования самого народа. Мужчины из сильных и надёжных, на которых всё держалось, превратились в армию капризных и равнодушных ко всему пофигистов, которых должны спасать от пьянства и тащить на себе женщины и даже дети. И вот тут-то допёрло, что пьянка не может быть национальной традицией, если благодаря ей сама нация ударно исчезает. Русские как всегда сами на себе поставили опыт для всего мира и выяснили: так пить нельзя – козлёночком станешь. Зазвучали бойкие голоса, что наивную и доверчивую Россию опять

кто-то совратил на ложный путь и намерено спаивает. Кого только не подозревали в этом спаивании! Да практически всех. Но за руку так никого и не поймали, кто насильно лил бы нашему человеку в глотку водку, а то и денатурат. Никто опять-таки не подумал, что подобная подозрительность и мнительность, чувство тревоги и мания преследования как раз являются признаком алкоголизма. Вытащите из канавы любого пьяницу, и он вам дотошно докажет, что это сам Черчилль, а то и Буш-отец с сыном его персонально споили и сюда, в канаву, уложили. Что сэр Уинстон помер в прошлом веке – не аргумент.

Случались такие потешные картины, когда приезжал в город какой-нибудь крикун, очередной «кандидат на мандат», и начинал орать про это самое «спаивание», что он не допустит, мать их растак, окончательно растлит наш народ. Под конец его речи слушающим раздают... бутылки водки с портретом или самого кандидата, или эмблемы его партии. А то кандидат и сам показывал мастер-класс: жрал водку с горла, прямо залпом, дабы зарекомендовать себя избирателям «своим в доску парнем».

– О-о, наш человек! – одобрительно гудела толпа и следовала примеру этого опухшего пьяницы, который уже не первый раз за день сей трюк проделывал: – Не дадим, понимаешь, спойть себя проклятым сионистам (сатанистам, адвентистам, сталинистам, кавалеристам) и прочей нечисти, спаси и сохрани! Ну, будем...

Тревожность развивается и у тех, кто вынужден жить рядом со «спаиваемым», как у переживших какие-то боевые действия. И эта тревожность не мнительная, не алкогольная, а самая настоящая и обоснованная, так как жить с алкашом в самом деле опасно. Дом может по пьянке спалить и на все вопли ужаса отвечать излюбленной фразой всех российских алкоголиков: «А чё вы все такие злые-та? Чё я такова сделал-та?». Сколько у нас пьяниц сидит за рулём, сколько гибнет народу каждый год по их вине, а они всегда отвечают вот этим недоумением: «А чё я такова-та сделал?!». Людям страшно находиться рядом с такими придурками, которые уже никогда не станут нормальными по чисто химическим причинам, никогда не осознают и сотой доли своей незрелости и недоразвитости. В каждом доме, где есть мужчина-пьяница, которого не так-то легко скрутить в отличие от пьющей женщины, у родни и соседей можно наблюдать эту тревожность, какая бывает у людей, вынужденных систематически переживать бомбёжки, теракты и прочие угрозы жизни и дому. То утечку газа им устроят, то наводнение, то пожар, то аварию, то очередной приступ белой горячки с ножом в руках. И самое главное, что потом будет сидеть без единой царапины и обиженно растолковывать:

– А чё я сделал-та? Я ж не со зла! Меня же специально спаивают!.. эти... как их... монополисты (на прошлой неделе это были монархисты). Да и вы вот ещё все злые такие! А чаво вы такие злые-та? Эх, не любит меня никто, такого замечательного и душевного, как тут не запить...

Так люди и живут всю жизнь рядом с этой ненормальностью в постоянном напряжении. И жаловаться некуда – да вы шо, энто ж наша исконно-национальная! Да это не мы вообще, а нас споили какие-то суки! Эх, поймали бы их, так... выпили бы с ними за компанию.

Пьянство захлестнуло не только самые низшие этажи общества, но и высшие инстанции. Никого в России уже не удивляет, если на ответственном посту работает пьяница, если по улице идёт в хлам пьяный милиционер или военный, если в высоком кабинете перегаром дышит в лица подчинённым весьма значительный чиновник. Помилосердствуйте, человек же за страну переживает, горит и зашивается на работе! А стране что это «горение»? Сама как после пожара стоит.

Ни честь мундира, ни высокий статус – ничего людей уже не тормозит, если заходит речь об этой самой «исконно-национальной традиции». Русские семьи за эти годы свыклись с пьянством, стали воспринимать его как нечто само собой разумеющееся, так что никто уже не догадывается протестовать: а какого чёрта вы вообще решили, что это является нашей

национальной чертой?! Если за несколько лет пьянства нация практически вымерла, как же это может быть традицией данной нации, которая до этого существовала несколько веков? И как существовала! Не какие-то горластые пропойцы были её лучшими представителями, а великие учёные и путешественники, писатели и художники. И почему теперь нам в традиции предлагают какое-то паскудство, а мы тупо на всё соглашаемся?.. Нет, таких вопросов никто не задавал: не по-русски как-то, негуманно. Не по-христиански. Да и с математикой, видимо, не лады.

Раньше говорили, что каждая советская семья пострадала во время Великой Отечественной войны. Теперь то же самое можно сказать о пьянстве. Странное дело: люди гибнут, а никто ничего не делает. Напротив, доказывают, что это нормально, так и должно быть. Дескать, наши деды и отцы ещё не так квасили, зато фашиста разбили и в космос полетели. И тут понимаешь, что пропаганда эта рассчитана на безродных, которые своих реальных дедов никогда не видели. Я своих видела. Правда, пьяными я их никогда не видела. А кому нравится сказка, что они произошли от алкоголиков, уже вряд ли чем поможешь.

Во многих городах за последние годы на кладбищах образовались целые аллеи, где лежат спившиеся люди. Население некоторых деревень и небольших посёлков на рубеже веков вообще в полном составе перекочевало туда. Туда, откуда не возвращаются. Сгинули полностью, словно и не было их. Ту же Великую Отечественную пережили, выстояли, а вот пьянку – нет, не сдюжили. Хотя и верили, что это – наша исконная традиция, которая проверена временем, поэтому вреда не принесёт. Кто-то пил много лет, пока однажды не выдержало сердце, у кого-то почки отказали и организм доживал последние дни без них, кто-то сошёл с ума и периодически гонялся за роднёй с топором. И иногда догонял. «Ну, он же больной человек! – вступались за него на суде. – Яго же лечить надоть, а не судить». Поэтому вся эта белая горячка, надоев до смерти тюремному начальству, вскоре выходила на свободу и начинала с новой яростью демонстрировать оставшейся после последнего наскока с топором родне свою «болезнь».

То есть, близким не приходилось скучать рядом с этими засранцами, которые обладали неплохим здоровьем от природы, но ничего другого не смогли придумать для употребления сил и энергии. Не пришёл очередной Вождь, не направил, панимашь, на что-то великое, вот мы и тово... Именно такие мятые речи звучали на похоронах очередного алкоголика. А вокруг стоят угрюмые соратники по пьянке, как обиженные солдаты какой-то незарегистрированной армии, великие борцы с зелёным змием. Словно бы нашли себе такое героическое занятие, чтобы хоть с кем-то за что-то бороться. А поодаль сбились в стайку бабы с ярко выраженным синдромом «надо срочно замуж хоть за кого-то» и растерянно думают: за кого ж теперь-то? И так-то было не за кого, а теперь даже изто загнулось. Предпоследний шанс уже зарыт, а вон стоит на подгибающихся ногах и последний, ещё не совсем жёлтый на фоне других обладателей цирроза, хотя перерождение разрушенной печени уже идёт полным ходом. И вот они смотрят на него... взглядом не доенной коровы.

Ещё до Перестройки появилась мода делать большие портреты усопших на могильных памятниках. Раньше всё было проще: ставили обычный православный крест (и это в советское, «атеистическое» время, как ни удивительно) из арматуры, а на крест навешивали стандартный портрет на хорошо всем знакомой металлокерамике овальной формы. Старая часть кладбища практически вся пестрит такими крестами с портретами. Только у товаровед городской кооперации торчит громадная стела с огромным портретом, как бы уже за версту кричит: «Здесь лежит товаровед, а уж никак не советский инженер или врач – и не надейтесь!». Чем была вызвана такая мода – сказать трудно. Должно быть лихорадочным желанием продемонстрировать любому, пусть даже совершенно постороннему прохожему, что «у нас не хуже, чем у других людей!». И ещё страхом, что за скромную могилу станут подозревать в нищете – главном пороке новой эпохи. Некоторые стремительно беднеющие

семьи выкладывали за оформление такой могилы практически все сбережения и даже влезали в долги на годы вперёд.

На «ярмарке женихов» тоже есть такие портреты. А сильно пьющий человек сами знаете, как выглядит. И странно, что родственники не догадались взять для портрета фотографию более ранних лет, когда отравление и разрушение организма ещё не сказалось на его внешности. Странно, что художник по камню так досконально изобразил эти безобразные черты и не попытался хотя бы чуть-чуть облагородить лицо умершего. Словно рисовал не для памятника, а для учебника по наркологии или токсикологии. Что такое в сущности намогильный портрет? Зачем с такой точностью изображать закопанную под ним в землю физическую оболочку человека, иногда слишком изношенную от ненормального образа жизни, если она вскоре начнёт разлагаться, изменится до неузнаваемости и вовсе исчезнет? В этом отношении разумнее памятники вовсе без фотографий или статуи каких-нибудь скорбящих ангелов, кому уж совсем стыдно бедным прослыть.

Вообще, этот странный симбиоз православных крестов и советских досок почёта порой пугает. Говорят, что именно в Советской России появилась традиция прикручивать к могильным крестам фотографии усопших. Создать этаким паспорт к могиле, чтобы какая-нибудь суровая комиссия прошлась по кладбищу и сверила документы, кто где лежит и нет ли чьей физиономии в каком-нибудь описании преступника или врага народа. Многие заказывали металлокерамику прямо с паспорта усопшего, чтоб «не путать следствие».

В иностранных фильмах, если там показывают кладбища, не увидишь таких странных сооружений с портретами на могилах. Бывают памятники весьма эпатажные, как на могиле Оскара Уайльда, но опять-таки там не увидишь и намёка на «паспортные данные» погребённого, а узришь только полёт мысли скульптора.

На нашем городском кладбище есть старинная могила местного художника. Там на памятнике нет портрета, но есть изображение палитры, мастихина и кистей. На памятнике к могиле кузнеца уже почти стёрлись от времени вырезанные на граните молот и щипцы. На могиле деревенского гармониста земляками была установлена небольшая каменная гармошка с лихо развёрнутыми мехами. И живущие ныне люди видят, что тут лежит не кто-то с отказавшими почками, так что лишняя жидкость из организма долго не выводилась, а скапливалась в области век и скул, а похоронен человек, который владел каким-то ремеслом, имел характер, был полезен обществу и даже был любим этим обществом.

Надпись на надгробии может быть скромна только тогда, когда человек увековечил себя делами и творениями. На старой части кладбища ещё встречаются такие захоронения, которые похожи на могилу генералиссимуса Суворова. Так просто и написано на мраморных или гранитных плитах: «Здесь лежит Назаров Пётр сын Афанасьев». И никто не поверит, что здесь похоронен не простой крестьянин, как покажется тем, кто привык видеть в могиле отражение степени благосостояния усопшего. А лежит тут начальник железнодорожной станции, инженер путей сообщения, образованнейший человек своей эпохи. И не бедный. Но веет от этого не застенчивой и пугливой скромностью, не той скромностью, к которой как раз прибегают для её демонстрации, а скромностью аристократической, самодостаточной. Скромностью со вкусом! Это такое качество, которое если кто и додумается ввести в моду, когда всем надоест кричащая безвкусица, всё одно ничего не выйдет. Научить этому невозможно. Это плащик можно носить, когда он в моде. А можно его убрать в шкафчик, когда он из моды выйдет. А скромность или совесть в шкафчик не уберёшь или оттуда не достанешь, если нет её у человека в наличии как таковой.

Под такими же «суворовскими» плитами здесь затерялись жители XIX века: купец второй гильдии Караганов, земский врач Романов, городской архитектор Липатов, владелец конного завода Смирнов, ресторатор Барышев. Их трудно найти среди новых обитателей кладбища с непомерно большими портретами на памятниках, словно бы скопированных

с официальных документов, найденных в спешке среди вещей умершего, словно у родни совсем не было времени. Или умерший им настолько надоел?

Неприятное чувство, когда на аллее спившихся бросишь взгляд на дату рождения и смерти, увидишь что-то типа 1958–1992 или в этих пределах, а с портрета глядит дряхлый семидесятилетний старик. И старость эта не благообразна и светла, с лучистым взглядом и мудрой улыбкой в самых уголках губ, как бывает, когда человек прожил долгую и пусть трудную жизнь. Но прожил достойно и полностью реализовав себя. А тут «старость» аномальная и безобразная, наступившая раньше времени. Старость – это как портрет всей жизни.

«Ярмарку женихов» уже в новом веке продолжили могилы наркоманов, совсем зелёной молодёжи, самому старшему из которых двадцать шесть лет, а так есть даже пятнадцатилетние «герои». Нам в детстве рассказывали про героев войны, когда мальчишки, самому старшему из которых было лет двадцать пять, держали оборону города в схватке с превосходящими в десятки раз силами противника. Но у новой эпохи свои «герои» и «схватки». Про истребивших самих себя наркоманов теперь тоже рассказывают с придыханием восхищения. Но тут уж не только «женихи», но есть и «невесты» приблизительно в равных соотношениях. Их нельзя было бы назвать наркоманами в обычном понимании этого слова. Наркомания – занятие дорогостоящее, а тут даже сложно охарактеризовать причину смерти. Когда заходишь сюда, то сразу бросается в глаза большой портрет красивой юной девушки с пышными волосами, собранными на затылке в конский хвост, который ниспадает ей на плечи. Это дочь мастера керамической фабрики. Училась в колледже в Петербурге, ходила с друзьями на танцульки – ничего криминального. Однажды ей в туалете какого-то питерского ночного клуба предложили таблетку «для хорошего настроения». Она, чтобы не показаться отставшей от жизни ханжой и трусихой, согласилась – чего иногда не делают люди, чтобы «быть как все». Приехала домой, легла спать и больше не проснулась. Было установлено, что смерть наступила от приёма вещества неизвестного происхождения. А рядом с ней похоронен сын преподавателя местного ПТУ. Это и вовсе учился в университете. Учился себе, учился, а потом родители почувствовали, что с сыном что-то не то. Вызвали терапевта, который сообщил сразу наркологу, и тот вынес неутешительный вердикт:

– Ваше чадо уже по меньшей полгода плотно сидит на игле, уколы себе ставит в подколенный сгиб, конспиратор. Наркота очень плохого качества, чистая синтетика. Учитывая общую слабость растущего организма, вряд ли найдёт в себе силы соскочить.

Его пытались лечить, но он умер во время первой же ломки – сердце не выдержало. Таких тут пруд пруди. И самое ужасное, что это – тоже признак нового века, потому что ещё лет двадцать тому назад никто бы не поверил, что такое вообще возможно.

Здесь же Маргарита Григорьевна два года тому назад похоронила спившегося сына. На каменный памятник денег у неё нет, поэтому в леспромхозе сделали стандартный крест.

– Так даже лучше, а, девчонки? – спрашивает нас она. – И птицы не загадят. И вообще страшно, когда идёшь по кладбищу, а со всех сторон глазают, кто уже *там*.

– Конечно же, лучше, – поддерживает её Марина. – Мне такие памятники совсем не нравятся. На Красной площади могилы проще, сам Сталин скромнее похоронен. А здесь такое чувство, как будто мимо доски почёта какого-нибудь СМУ идёшь. Там такие же портреты в советское время вывешивали. И лица такие же опухшие... Нет, если я помру, вы меня так не хороните, – совершенно серьёзно рассуждает она. – Просто напишите: «Здесь лежит библиотекарь». Можно ещё цветочек нарисовать. Сломанный.

– И книгу, – подсказывает Светка.

– А в неё заложен цветочек, – кивает Марина.

– Сломанный?

– Угу.

– Хи-хи-хи! – прыскаем мы.

– А меня некому будет хоронить, – начинает плакать Маргарита. – Вот сыночка умер, а кто же меня теперь похоронит, кто меня в последний путь проводи-ы-ыт...

– Хватит тебе хныкать! – фыркает Маринка. – А то мы уйдём. Нашла о чём плакать. Как будто рожают только для того, чтобы было кому закопать – другой цели нет. Мы тебя похороним, если что, а твой *сыночка* и хоронить бы тебя не стал. У братьев Колупаевых мать померла, так они все деньги, какие в доме были, пропили, а труп потом зарыли в огороде.

– Мой не такой был! – заступает за умершего сына Маргарита Григорьевна. – Он у меня хороший был мальчик...

– Ага, уж такой хороший, – иронично кивает Маринка. – А кто тебе всё рёбра переломал, когда ты денег ему на выпивку не дала? Кто тебя головой в горящую духовку засовывал, когда ты...

– Да что ты такое говоришь?! – Маргарита даже перестаёт плакать то ли от гнева, что Маринка так прямо режет правду-матку, то ли оттого, что сама вспомнила ужасные прижизненные выходки своего сына. – Вы же не знаете, как это тяжело, когда вот так выносишь в себе дитё девять месяцев, да перетерпишь и боль, и страдания, да родишь в муках, вырастишь, выходишь, а потом схоронишь в сырую землю свою кровиночку-у-у, словно и не было ничего-о-о, – и она снова заревела.

– Тоже мне, счастье, – буркнула Маринка.

– Да не приставай ты к ней, – пихнула её локтем в бок Светлана. – Она сейчас отревётся и успокоится.

– Он же, когда совсем маленьким был, – продолжает плакать Маргарита Григорьевна, – говорил мне: «Мама, я никому тебя в обиду не дам». Такой хорошенький был, как ангелочек. В начальной школе на одни «пятёрки» учился... Кто ж знал, что всё так обернётся? Время какое-то проклятое наступило, что ли? Я два года сюда хожу и плачу. Два года прошло, а как будто вчера было... Он тогда пришёл... Точнее, мужики его принесли, сказали, что он под скамейкой в парке валялся. Он потом проснулся и меня зовёт: мама, мама! Я сразу поняла: всё. Он же меня последние годы и мамой-то не называл, только матом. А тут говорит: «Мама, я кажется... умираю. Страшно так, не отпускай меня! Прости меня, ма...». И умер... мальчик... мой...

– Тьфу! – Маринка в сердцах топает ногой. – Вы как хотите, а я лучше к родителям на могилу схожу: там и потише, и таких памятников нет, как здесь.

– Да ладно тебе, – одёргиваем мы её. – Прямо бабьих слёз испугалась.

– Сыночка мой, – уже тише всхлипывает Маргарита и гладит землю в каменной раковине на могилке. – Сейчас я тебе прошлогоднюю траву уберу, а потом лето наступит, и новые фиалки вырастут... О-хо-хо, вот так растишь вас, волнуешься, ночами вскакиваешь, а вы потом вперёд нас ложитесь в землю гни-и-ить...

– Да он там и не гниёт, – вдруг из кустов черёмухи вылезает Лёха, который всё это время шарился по кладбищу в надежде хоть чем-то поживиться, так как к Пасхе на могилах оставляют печенье, крашенки и даже мелкие монетки. – Он так проспиртовался, что века два теперь не истлеет.

– А сам-то! – мигом высохли слёзы безутешной матери.

– Я-то? Я – да! – важно согласился Лёха. – Я веков пять лежать буду, археологов какого-нибудь века двадцать шестого пугать.

– О! Не много ли ты себе намерил, Алёшенька?

– Так он не жизни себе намерил, а смерти, – прищурилась на него Марина.

– Какая разница: жизни или смерти? – удивился Лёха. – Главное, что много. От вас и следа не останется, а я целёхонький буду себе лежать. По мне учёные будущего составят портрет жителя России на рубеже второго и третьего тысячелетий. Во как! Не по вам, дуры, а по мне.

– Ну-ну.

– Баранки гну. Тут в Райцентре шумиха была, что некоторые неимущие граждане хоронивают своих жмуриков в чужие могилы. Денег нет на отдельное место. И случись так, что стали яму копать на чужой могиле без знаков отличия, а там – свежий труп!

– Ой!

– Голый.

– Батюшки-светы!

– Потом просекли, что трупак совсем не свежий, а просто хорошо проспиртованный. Одежда вся и гроб давно истлели, а трупу хоть бы хны: лежит чисто фараон египетский, даже лучше. Мумии-то снаружи бальзамировали, а этот ещё при жизни изнутри себя годами обрабатывал. Ну, горе-могильщики эти дали дёру, а на следующий день сторожа милицию вызвали: мол, лежит на кладбище свежий мертвец, не иначе ночью замочили злодеи какие-то. Эксперт приехал и определил, что трупу уже больше десяти лет, аккурат в середине девяностых помер, но ткани тела при жизни настолько пропитаны спиртом, что он теперь только к следующему веку истлеет. Во как.

– Тьфу! До чего же ты несносный мужик, – машет на него руками Маргарита и совершенно перестаёт плакать. – Вечно мерзость какую-то ввернёшь даже на погосте подле креста!

Мы же при этом по-идиотски смеёмся, а сам Лёха в продолжение всего рассказа что-то жуёт: не иначе упёр-таки нечто съедобное с могил.

– Ещё случай на эту тему знаю, – продолжает он свои «байки из склепа». – Один мужик налегал на бытовую химию. Да так крепко, что простыня, на которой он издыхал после запоя, полиняла от пота и мочи, как от хлорного отбеливателя. А жена его настолько забитой душой была, что даже элементарной химии не знала, зато где-то вычитала, что после казни Христа осталась некая плащаница, в которую Он был завёрнут, и на ней отпечатались лицо и тело. И вот она с полинявшей тряпкой из-под своего дурака ко всем приставала, всем доказывала, что он, стало быть, тоже был богом или чем-то вроде этого. Он, к тому же, неделю дома мёртвый лежал, пока вдова деньги на похороны искала. Лежал и не разлагался! Да мало сказать, что не разлагался, а ещё и благоухал... цветочным стеклоочистителем.

– Ой, ха-ха-хи-хи!

– Ну, тут вдова окончательно убедилась в божественном происхождении своего супруга. На простынке он отпечатался – раз, мощи его нетленны – два, да ещё к тому же источают аромат цветов райских – три. По всем показателям – святой! Палец ему отрезала и носила с собой, всем нюхать давала. Чуть ли не до Москвы дошла с этой обоссанной тряпкой и пальцем, но её там с поезда сняли и в дурдом определили.

– Все-таки, какие у нас в России бабы несчастные, – смеётся Светка. – До какой степени деградации они доходят с этими несносными мужиками. И это в третьем тысячелетии... С религией воевали-воевали, а теперь такие кандидаты в святые пошли. Сморчок сморчком, а мнит себя божком. И кто знает, может, через сто лет таких в самом деле к лику святых причислят? Как снесут эту «ярмарку женихов», а их тут вон сколько нетленных! И смех, и грех.

– А то бывает, – не утихает Лёха, – что крутые парни при деньгах на кладбище заявятся, присмотрят себе местечко посуше да помягче и выкидывают оттуда всё, что там лежит. Иногда по несколько могил для одного крутого трупака сносят, словно для целого огорода место освобождают. Я ещё в прошлом году после Троицы ездил с Васькой Рожновым и Вадькой Дрыгуновым на кладбище в Райцентре, чтобы цветочками с могил разжиться на продажу...

– Лёшка, как ты не боишься? – недоумевает Маргарита Григорьевна. – Грех же.

– Ой, да ладно! Ты безгрешно прожила, а много тебе за это награды было? Точно так и грешных наказание минует. Всё равно цветы пропадут зазря, а так нам небольшой бизнес

будет... И там покойник хорошо сохранившийся прямо на помойке лежал. Тоже, наверно, при жизни ударно мумифицировался. Какая-то тётка пришла могилу родичей навестить, а там вместо их бедненького захоронения – роскошная такая... не могила даже, а что-то вроде... Короче говоря, когда нас ещё в школе в Петергоф возили, там в парке видал такую беседку с мраморными статуями, золочёными оградами да фонтанами. Похоронили, стало быть, там братка какого-то средней распальцовки. Тётка эта мечется, ищет своих, а ей сторож говорит, что иди, мол, на помойке поищи: туда всё барахло свезли. Она нашла какие-то кости, мы ей помогли их закопать в поле за кладбищем. А этот проспиртованный жмурик так на кладбищенской помойке и остался лежать, никому не нужный.

– Ужас! – возмущается Маринка. – Даже у нас такого беспредела нет.

– У нас криминал значительно культурней в этом плане, – соглашается Лёха и указывает рукой на новое кладбище, которое начинается сразу через заросший ольхой овраг от нас. – Они место себе отвели на бывших полях, а в чужие могилы не лезут. Это Волков их так в ежовых рукавицах держит. Он, вишь, в Европах побывал, а там в похоронном деле главное – ничего лишнего и ничего личного...

Тут на новое кладбище стали стремительно съезжаться дорогие машины. Мы аж присели от неожиданности и пожалели, что кроме нас никого не было видно. Надо же было такому случиться, что в этот же день приехал хоронить одного из своих бойцов наш местный криминальный авторитет Константин Николаевич Волков или просто Авторитет.



Авторитет не любил, когда его предавали друзья детства. Он не питал иллюзий насчёт человечества и не считал предательство таким уж злом. предавать и можно, и даже нужно, но друзья детства – статья особая. Ведь детская дружба самая независимая из всех прочих, потому что складывается в такие годы, когда всякое притворство исключается, когда в сердца ещё не закралась корысть и неискренность. Это только самонадеянным взрослым, в которых со временем превращаются все дети, кажется, что настоящая любовь и дружба – исключительно прерогатива их взрослой жизни, мудрой и опытной. Да, эти «высокие» чувства доступны только взрослому изощённому (или извращённому) пониманию. А в детстве, когда в людях ещё нет цинизма и пижонства, тебя любят не потому, что ты прокурор или бизнесмен, бандит или безработный; что у тебя есть деньги или нет их; что ты погряз в долгах и проблемах или, наоборот, успешно освободился от них. В детстве друзьям нет дела до таких важных для кого-то достижений или поражений, потому что тебя воспринимают просто как составляющую своей жизни. Такая бесконкретная и вневременная дружба формируется в детской песочнице или в начальной школе. Ты ещё никто: ни отличник, ни двоечник, ни паинька, ни хулиган. Никто. Тебя воспринимают как чистый лист бумаги. И дружат с тобой просто так. Такая безусловная дружба возможна только в детстве, пока дети не выросли и не увязли в сложных хитросплетениях человеческого общества.

Но время изменяет человека, и юношеские мечты уже отвергаются взрослым мужчиной, разве только он не впал в детство. Не меняется лишь человек, который совсем не развивается, не приобретает собственного опыта, его, как и сорок лет назад, кормят и бере-

гают от жизни родители. А самостоятельная жизнь преподносит события, которые влекут перемены во всём. У людей меняются мнения, мечты, положение в обществе. Но детская дружба остаётся, как память о том райском времени, когда не было ещё ни положения, ни мнения, ни предрассудков о том, насколько вся эта дребедень может быть важна, а были только общие игры.

Детская память крепка, как в никакой другой период жизни. Одноклассников помнишь всех поимённо. Помнишь, кто за какой партой сидел, кто как учился. И помнишь всю жизнь! Это вчерашних знакомых сегодня смутно вспоминаешь, и нет гарантии, что узнаешь при встрече, а друзья детства – это навсегда. Этих вспомнишь всех до единого, даже если разбудят посреди ночи и спросят: кто дрался с тобой на соседней улице, и с кем ты в пятом классе разбил окно в кабинете истории? Пусть уже сто лет не общаешься с ними, а всё равно помнишь их как неотъемлемую часть главного периода жизни – детства.

С возрастом люди начинают думать по-разному. Если кто-то застрял в развитии на уровне ребёнка из песочницы, то другой достиг определённых высот взрослого мира. Время меняется, люди меняются. И не одинаково, а с разной скоростью и интенсивностью. А кто-то совсем не меняется, и это тоже плохо... Или хорошо? Слова «изменения» и «измена» хоть и однокоренные, но очень разные.

Авторитет в какой-то момент почуял измену в своих рядах. Он, конечно же, не был таким, чтобы как наивное дитя, не знающее людей, не сметь подозревать такого преступленья. Подозревал, да ещё как! Ждал даже, но всё-таки был удивлён. Они все в начале своего преступного пути были бедны настолько, что их «начальный капитал» даже не нулю равнялся, а уходил в минус. Они вышли из самых нижних социальных слоев по новой классификации общества, где обитатель рабочей окраины уже никто. Без поддержки. Без связей. Без денег! Он их всех собрал и сплотил, когда ни у кого не было ни работы, ни средств к существованию, ни уверенности в том, что настанет завтрашний день, сколотил крепкий такой синдикат из людей с крепкими кулаками. Они все хлебнули такой нужды, что, казалось бы, должны стараться ради сохранения своего нынешнего уровня, ради того, кто помог им начать жить нормальной и даже обеспеченной жизнью. Большинство из них старалось сохранить эту негласную субординацию, но иногда кто-то из них имеет наглость рыпаться на него!..

Много он видал на свете удивительного, но вот пришлось-таки опять дивиться, когда один из друзей детства, которого он фактически спас в девяностые годы и от тюрьмы, и от суммы, работал на него, работал, и вдруг в одно прекрасное утро проснулся и решил отпочковаться «от этой вашей банды». Стать честным и чистым, как новорожденный младенец – служить не Авторитету, а какому-то расплывчатому понятию «государство». Так иные девицы, потерявшие честь, верят, что её можно восстановить с помощью нехитрой операции. «Просто мы с тобой стали о каких-то вещах думать по-разному», – объяснил он своё решение. По-разному? Да он, дурачок, так и не понял, что в сегодняшней России можно чувствовать себя защищённым только в банде. В клане, в диаспоре, в фан-клубе – одна малина! Менты и то своих не сдают, если кого зацапают на торговле наркотой или «крышевании объектов» – та же банда, клан. И вот закадычный друг Авторитета решил выйти из такого уютного и надёжного мира, который он для них для всех создал?! Ну-ну, посмотрим...

Бунт Авторитет не прощал. Даже друзьям детства. Конечно, любого человека надо простить. Но сначала его надо убить. Во всём должна быть субординация, потому что без неё любая организация превращается в бесноватую толпу. Субординация упорядочивает этот хаос, создаёт полный мудрости порядок. Это так же необходимо, как вращение электронов в атоме вокруг ядра. А если каждый электрон возомнит себя этим ядром, или каждый солдат почувствует себя генералом, или жена взвалит на себя функции мужа, или дети станут вести себя как взрослые, то тогда прекратит своё существование и атом, и армия, и семья, и вообще

всё на свете. Если Земля захочет, чтобы небесные тела вращались вокруг неё, включая само Солнце, то не проживёт она после этого и одной минуты. Преступен взбунтовавшийся электрон, но не менее преступно и ядро, которое позволит учинить такое в своём атоме. Ядро, как и Солнце, обязано прочно удерживать электроны-планеты на своих орбитах, учитывая их собственные силы притяжения и используя для сохранности галактики, а не ждать, пока они развалят её своим соперничеством за центр. Гелиоцентрическая система не должна позволять обратить себя в геоцентрическую. В Средние века люди ради этой системы на костёр восходили.

Кто пощадит предателя, того не пощадят предатели. Тут важно удалить эту опухоль на ранней стадии развития. Это именно как опухоль: сначала её трудно распознать, но легко лечить, а когда она уже запущена, то её легко распознать, но лечить уже поздно. В организованной преступности слово «организованная» не должно стать пустым звуком. Как это случилось в современной российской политике со словом «демократия», когда под демократией, то есть «властью народа» понимают совершенно законную невыплату зарплат этому самому народу, полный развал и разложение этого народа по всем направлениям. Да бог с ней, с политикой – пускай резвятся. Туда сейчас для того и лезут.

Вскоре бывший друг Авторитета был найден убитым в подъезде своего дома. Как сверчка одной рукой прижали за горло, а другой пришили в самое сердце. Удар был нанесён с такой силой, что кусок штукатурки от стены отвалился. Сразу нашли какого-то пьянчугу, который в тот день сильно напился. Было же как-никак Вербное воскресенье, повод для пьянства вполне оправданный. Потом с кем-то подрался, после чего громко орал на весь двор, что он, как истинный христианин, всех порежет и порвёт за свою истово-неистовую веру. Таких крикунов сейчас в конце недели в каждом дворе видеть можно, а если имеется хотя бы слабый намёк на какой праздник – религиозный ли, светский или советский, – тем паче. На него и повесили это «мокрое дело». Он даже не пытался спорить, а смиренно отправился в узилище. Посижу, говорит, а то на свободе надо пропитание добывать, а в камере жратва и нары есть, а больше ничего не надо: «Я человек нетребовательный – на таких Русь держится».

Казалось, все понимали, что этот хлипкий спившийся человечек, бывший по габаритам в два раза меньше убитого, не смог бы так заколоть здорового и сильного мужика высокого роста. Сделать это мог зверь крупнее, так как убитый если и сопротивлялся перед смертью, то весьма невыразительно. Но следователь сказал, что при запое иными алкозависимыми овладевает такая ярость, что самый щедедушный человечек может продемонстрировать чудеса силы.

– В соседнем городе мужик в запой ушёл, – рассказывал он уже ночью собравшимся во дворе жильцам дома, где случилось убийство, – а потом жену и сына с балкона выкинул. С виду мозглявый, метр с кепкой, ручки тонкие, позвоночник слабенький, а, поди ж ты, всё семейство пошвырял. Как работать или что полезное для семьи и общества сделать – сразу больным скажется, сволочь. А как бутылку спирта раздобыть, тут и смекалка просыпается, и силища неуёмная невеста откуда берётся. На вид subtilen и тощ, а в пьяном исступлении словно какие потаённые запасы энергии раскрываются! Как в остервенение войдёт, так и слона не проблема в окно выбросить.

– Ай-яй-яй!

– Да, такие вот дела. Хорошо, что четвёртый этаж – жена-то убилась, зато сын выжил. Правда, хребет себе переломал в двух местах, но всё ж живой. А убивец этот знай отговорку прокручивает: «Это не я, а водка виновата». А в прошлом месяце один наркоман так же сестру родную порешил, когда ломка достала.

– Ай-яй-яй, – сокрушались старухи, – грех-то какой! Вербное же воскресенье.

– Им что Вербное, что берёзовое – был бы повод нажраться.

Убитого через день выдали жене для похорон, но она была настолько поражена случившимся, что не могла предпринять каких-то нужных действий в данной ситуации. Поэтому все хлопоты о погребении взял на себя Авторитет. На правах друга детства.

Волков и сотоварищи приехали на кладбище, и проделали всё довольно быстро – волкиту Константин Николаевич не любил. Никаких пышных речей, никаких пустых слов, никаких священников с кадилами – боже сохрани! Авторитет был какой-то желчно весёлый, то и дело распоряжался, а в качестве надгробной речи сказал кратко, что в этой жизни надо держаться своих, кто проверен годами дружбы и общих дел:

– Мы не все дожили до нового века, но именно нам принадлежит жизнь. Мы имеем на неё больше прав, чем другие. Не те, кто прятался от этой жестокой жизни, отсиживался до лучших времён в кабинетах и занимался болтовнёй, какая простительна только бабам. И мне очень грустно видеть, когда кто-то из нас пытается покинуть наши крепкие ряды, чтобы стать таким же заурядным слабаком и пустобрёхом.

Вдова убитого была в таком состоянии, когда потрясение настолько вышибает человека из колеи, что спасительные для застопоренных эмоций слёзы не идут, а мозг не может для себя же сформулировать произошедшее. Она всех спрашивала растерянно: «Да как же это? Да что же это?», бормотала что-то непонятное мёртвому мужу, гладила его обескровленный лоб. Тут же трясла кого-то за грудки, тыкалась в плечо Авторитету с вопросом «Чего это он? Что с ним? Как же это, Константин Николаич, а?». Авторитет хмурился и решительно отстранял её от себя, как отставляют в сторону мешающий предмет мебели, но она снова к нему подходила и спрашивала о чём-то совершенно бессмысленном. В конце концов он коротко приказал могильщикам:

– Упаковывай.

Те умело вкрутили шурупы в крышку и стали опускать гроб. И тут вдова разрыдалась, словно долго скапливающиеся тучи наконец-то разразились дождём. Её пришлось даже удерживать, она словно бы непроизвольно собралась сама последовать за гробом, за своей навсегда уходящей половинкой, так и подалась вся в могилу. И завывала. Как волчица над своим убитым волчонком. Этот вой прозвучал так контрастно среди потусторонней кладбищенской тишины, что спугнул тихо наблюдавших за похоронной процессией ворон в кронах деревьев над старой частью кладбища. Вороны сорвались с веток, как от выстрела, закружили чёрной тучей, и каждая из них в точности выполнила одни и те же движения, как в синхронном плавании, не столкнувшись друг с другом ни разу. После этого их слаженный коллектив растаял в перенасыщенном влагой туманном воздухе.

Некоторые люди Авторитета, как и он сам, нервно оглянулись на этот вороний танец, и мы поняли, что они нас заметили. Волков сначала сделал круглые глаза, но потом хищно улыбнулся и театрально изобразил нам лёгкий поклон: здравствуйте, мол. Лёха-Примус сразу куда-то испарился, Светка спряталась за высокую стелу, а остальные сделали вид, что очень заняты уборкой могилы сына Маргариты Григорьевны, хотя там и убирать-то было нечего. Поэтому Маринка схватила скребок и стала снимать толстый слой моха и каменной слизи с какого-то покосившегося памятника рядом, где даже не разобрать имени. И всё же Авторитет отделился от своей стаи, легко по-кошачьи перепрыгнул через овраг и направился к нам. За ним не отставая следовал Бубликов.

– И чего это вас чёрт принёс сюда в такую нелётную погоду, барышни? – раздражённо весело спросил Авторитет без лишних вступлений, когда подошёл к нам. – Ба, и госпожа Ерёмкина тожа тут! То-то я вижу, склеп бригадира Мочалкина сверкает за версту.

– Так ведь Пасха на носу, – объяснила Маргарита Григорьевна, – а сегодня Чистый Четверг, день наведения порядка.

– Ах, Пасха... Четверг... Чистый? – бормочет Авторитет, усаживается на установленную у могилы скамейку и спрашивает почти торжественно: – То есть сегодня, как я понял, самое время подчищать свои дела?

– Вроде того... Как жисть-то молодая, Константин Николаич?

– Да вот бандитствуем помаленьку... Друга приехали хоронить. Не люблю я эти процессии, да никак нельзя в стороне остаться... А ты, Марина, в археологи заделалась, что чужие останки разгребаешь? – обращает он внимание на отскобленную Маринкой гранитную плиту на чьей-то заброшенной могиле.

– Почему это «в археологи»? – с вызовом отвечает вопросом на вопрос Марина и косится на Бубликова. – Может, здесь мой жених лежит...

– Зачем же тебе такой мёртвый жених?

– А что? – ершится она. – Зато не обидит и не предаст. Очень удобно для идеальных отношений.

Авторитет хохочет, разбудив эхо в самых дальних углах кладбища, а Серёга с готовностью подхватывает за ним. Он вообще весь какой-то несвободный и заискивающий, совсем не такой, каким был ещё полгода тому назад. Потом Волков вглядывается в стёршиеся буквы на плите и снова спрашивает:

– Какой же это жених? Это же какая-то пьянь с прошлого века тут закопана. Прости, Марина, но не поверю, что ты так низко пала, чтобы на подобное дерьмо западать.

– Про покойников нельзя плохо говорить, – обиженно замечает Марина.

– Это тебе нельзя, а нам можно, – уже без иронии в голосе говорит Авторитет и вальяжно откидывается на спинку скамейки. – Нам всё можно. Верно, Сергей Алексеевич?

– Так точно, Константин Николаевич, – с готовностью отвечает Бубликов. – И вообще, что за глупые предрассудки? Почему про человека нельзя правду сказать только на основании того, что он умер? Это просто правда, и ей безразличны категории «плохо» или «хорошо».

– Вот, хоть одна ясная мысль за сегодняшний день, – хвалит его Авторитет, отчего Серёга вовсе становится похож на собачку, которой дали команду «служить», и решает ещё раз подать голос:

– Что же ты, Марина, не сказала мне, что у тебя такой завидный жених есть? А то я к ней и так и этак подкатывал, а она мне целую лекцию прочла, что ей *всё это* было нужно в девяностые годы.

– Да? – живо заинтересовался темой Авторитет. – А почему я об этом ничего не знаю? Так поведай нам, чем дело закончилось.

– Дохлый номер, – смеётся Серёга. – Я, говорит, уже стара для таких дел. Биологические часы у неё какие-то оттикали...

– Заткнись! – вспыхивает Маринка, и на глаза ей наворачиваются слёзы, что крайне редко бывает.

Бубликова это ещё больше смешит, а Авторитет говорит нам с нравоучительной миной:

– Видите, девки, какие мужики сволочи. Вот свяжись с таким – осрамит на всю губернию.

– Не ругайтесь вы хоть на кладбище-то, – ворчит Маргарита Григорьевна в адрес цапающихся друг с другом Бубликова и Маринки.

– И то верно, – соглашается Авторитет. – Не умеешь ты, Серёня, к бабам подкатывать. У них ведь вся жизнь расписана по годам, дням, часам – так уж жестокая природа им диктует. Сунулся к ней не вовремя и получи по лбу вместо взаимности. Как говорится, кто не успел, тот опоздал... Ну, не зли ты её, не зли! Баб злить – всё одно, что вулкан будить: мало того, что жажнет, так ещё в самый неподходящий момент... Ладно, пора нам, – он хлопает себя

по коленям и быстро встаёт. – Вы тут тоже не засиживайтесь, девушки, а то мало ли какой «жених» из-под камня вылезет и утащит с собой. А нас рядом не будет, так что отбить некому.

Они оба хохочут и неспешно удаляются, ненадолго останавливаясь у некоторых попадающихся им могил и что-то в них обсуждая. Вскоре весь их похоронный кортеж уезжает с кладбища так же слаженно и организовано, как и приехал сюда. Мы тоже решаем идти домой. Туман окончательно перешёл в морозящий и усиливающийся дождь, словно это Чистый Четверг собирается мыть землю перед Светлым Воскресеньем.



– Вот сволочь! – фыркнула Маринка, когда мы выходили с кладбища.

– Почему это? – удивилась Светлана.

– А чего он так стелется перед Авторитетом? Не идёт ему это!

– Ты про Бубликова, что ли? Я думала, про Константина Николаевича...

– А чего тебе до Константина Николаевича? И вообще, какие у тебя с ним дела? Ты давай, колись, – перевела Марина разговор на нейтральную для себя тему.

– Да никаких у меня с ним дел! – испугалась та. – Какие у меня с ним дела могут быть? Такие же, как и у тебя.

– Но это же он тебя на почту устроил?

– Ах-ах, ценная вакансия! Ну и что? Сама к нему бегала, когда твою библиотеку грозились закрыть.

– А что делать, если существующие системы управления ему проигрывают? – умничают Марина. – Приходится придумывать собственные способы безопасности, коли официально принятые перестали работать адекватно.

– Учёная ты наша, ха-ха! Прямо как министр. Даже круче!

– А вы как думали! И я же не к Волкову, а к его жене обращалась. А уж к нему обращаться – не дай бог никому.

– Да хороший он мужик! – не согласилась Ерёмина.

– О-о! Ха-ха-ха!

– Нет, в самом деле, – покраснела Света. – Вы даже не знаете, как он мне помог.

– Ой, расскажи, расскажи! – мы начинаем её тормозить, так как нам страшно интересно.

– Случайно его в Москве встретила. Мне тогда помощь во, как была нужна, а обратиться не к кому.

– А чего ты Москву бросила? – допытывается Марина. – Сколько лет тебя знаю, ты всё мечтала: в Москву, в Москву, в Москву.

– Скажешь, сама не хотела бы в Москву?

– Я? Да я бы Москву наоборот расселяла, а не напускала туда всё новых и новых пройдох. Меня бы мэром туда: расселила бы до численности нашего городишки. Рядом Россия пустая стоит – пуцай туда катятся. Учёные высчитали, что жить в поселении, где больше ста тысяч человек, опасно во всех отношениях, от гигиенического и экологического до кри-

минального и экономического. Все деньги, все умы, все ресурсы стягиваются на столицу, а в России ничего не остаётся. По парочке-троечке столичных миллиардеров в каждый регион прислали бы, глядишь, они бы и тут навели лоск, раз Москву сумели так отделать. Европейские переселенцы создали в США прототипы родных городов, поэтому и получилось заглянуть в будущее. А почему наши не могут прототип той же Москвы где-нибудь за Уралом или хотя бы тут у нас отгрохать? Все о Москве мечтают, а у себя дома ничего не могут, как ноль без палочки. Ты так и не сказала, чего из Москвы удрала? Мечтала же там жить.

– Мало ли о чём я мечтала, – пожала плечами Светка. – В юности мечтаешь об одном, а с годами начинаешь тянуться совсем к другому... Мне просто казалось, что Москва – это город-миф, некая фальсификация. Хотелось её воочию увидеть, потрогать, убедиться, что она есть. Казалось, столицу специально придумали, чтобы людям было к чему стремиться, а её и нет на самом деле.

– Как так нет? – удивилась Маргарита Григорьевна. – У государства должна быть столица. Государство без столицы – это как человек без головы.

– Какая же это голова? – возразила Марина. – Если у человека мёрзнут ноги, голова вырабатывает план, как избавить ноги от холода. А если голова говорит ногам: «Это не мои проблемы» или «Ну и чёрт с вами!», это не голова, а какой-то отдельный организм.

– Где же тогда голова нашего государства?

– А нету.

– Ха-ха-ха!

– Не в этом дело, голова она или не голова, – продолжила Светка. – Она на самом деле существует!

– Да что ты говоришь?! – изобразила притворное изумление Маринка.

– Ой, девочки, существует! Это просто другая страна... Нет! Другая планета, другая галактика даже. И поначалу так странно увидеть в этой галактике обыкновенное такое... земное говно.

– Ха-ха-ха!

– Да ну вас!.. Нет, я почему о Москве мечтала? Потому, что у нас все только о Москве и говорят, словно других городов нет. Даже самая народная группа поёт: «За нами Россия – Москва и Арбат». Не Урал и Камчатка, или для рифмы к слову «комбат» могли бы упомянуть Волгоград. Нет, вся страна огромная в нашем сознании ограничивается Москвой и её самой известной улицей. Фильмы снимают о столичных баловнях судьбы, про их жизнь и прочие выкрутасы. Иногда только прибегают к образу остальной России в качестве сарказма или пародии на людей. На днях была передача про какой-то посёлок на Урале, где нет ни света, ни дорог, ни прочих норм третьего тысячелетия даже для стран Третьего мира. И репортёр обитателей этого посёлка мучает одним вопросом: чего они тут сидят и никуда не уедут? С какими-то нотками иронии и недоумения в голосе спрашивает, словно они от нечего делать такой дурью маются и хорошо жить не хотят, когда кругом сплошная роскошь. Дескать, какие странные люди: чего они в России живут? А куда им бежать со своей Родины, кто и где их ждёт, кому они нужны? Одна шестая часть мира почти пустая стоит, все за бугор или в столицу драпают – власть должна бы приплачивать таким, кто продолжает в стране жить, несмотря ни на что, а их откровенно выставляют каким-то отстоем. И как уехать, если даже дороги нет? Только одна узкоколейка с прогнившими шпалами и шатающимися рельсами связывает посёлок с «большой землёй». По ней можно добраться только на самодельной вагонетке «Пионерке» с моторчиком, который заводится, как на лодке, дерганием за шнур, а управляется вагонетка рулем-палкой. Перевозчик с людей денег не берёт, потому если взял деньги, значит, обязан доставить пассажиров целыми и невредимыми, а на такой кривой колее в любой момент колесо может соскочить. Он их даже инструктирует: чуть что – сразу спрыгивайте. Рельсы на узкоколейке старые, но крепкие, из легированной стали –

такие на вторсырьё принимают по восемь рублей за кило. Один раз какие-то лиходеи больше ста метров полотна украли, так люди вышли стар и млад с кайлами и лопатами восстанавливать свою дорогу. Берегут эту колею как зеницу ока, а местные власти над ними смеются: «Нам вас выселить дешевле, дуралеи, чем дорогу к вам прокладывать».

– Ещё и власти имеются в таком развале?

– А как же, где их сейчас нет? Над любой чахлой деревней в три двора администрация в три этажа высится. Тамошняя власть, конечно же, в такой дыре сама не живёт, но изредка приезжает, держит руку «на пульсе жизни». Народ просит нормальную дорогу, власть мудро отбивается: «Ещё не пробил час, товарищи – не все ангольские детишки накормлены». Всё, как и везде. Народ до такого отчаяния доведён, что местные мужики конструируют всякие болотоходы, мастерят какие-то мини-танки, чтобы наладить нормальное сообщение с внешним миром. Им бы помочь не словом, а делом, но сейчас все только языком работать специалисты. Столичные журналисты приехали, как боги, на свой столичный взгляд ситуацию оценили, что, дескать, эти патологические мазохисты САМИ хотят в таком дерьме жить, вместо того, чтобы смыться за границу. И власть такая же сидит, совершенно оторванная от реальности, судит о жизни в стране по гламурным журналам и передачам, из которых следует, что все нормальные люди обязательно должны куда-то уехать. Если не за границу, то хотя бы в Москву.

– А кто же в России-то жить будет? – задумалась Маргарита Григорьевна. – Не может же в самом деле всё население куда-то уехать. Говорят, что в Дальневосточном федеральном округе населения в два раза меньше, чем Москве! Это третья часть территории страны.

– Потому что уехавший с периферии в столицу считается счастливым, а оставшийся в родном городе

– неудачником. Наверно и я поэтому хотела в Москву уехать. Сейчас даже реклама вся из московской и для московской жизни. У нас же ни у кого нет ни квартир, какие там показаны, ни офисов, ни автомобилей, ни банков. Нас вообще словно бы нет. После Перестройки сейчас только военным начали квартиры осторожно давать, с разрезанием ленточки, с оркестром. Красиво! Нам это даже не светит, новых зданий вообще не строят. Президент вот подарил фигуристам квартиры в столице, а они... уехали работать за рубеж, потому что там спортивная база лучше, а отечественную, оказывается, полностью развалили. Мы здесь живём, никуда не уедем – подари нам квартиры! Хоть бы одну новую пятиэтажку на весь город.

– Ты тройной тулуп не умеешь выполнять, – сострила Маринка.

– Я бы научилась! Ради такого дела люди и не так в узел завязываются. Мы полгода по такому гололёду ходим, можно на практике любой элемент фигурного катания освоить.

– Вся Россия по такому же гололёду и бездорожью целый век чапает. Где на всех жильё напасть, пусть даже за какие-то кульбиты? Да и за что нам жильё давать? Мы же кишки свои на полях сражений не оставляли и у мартена по полвека не задыхались. Тем более, что ветераны войны и труда сами до сих пор в бараках живут.

– Выдали бы просто так, потому что мы здесь живём. В России жизнь такова, что за неё людям надо приплачивать, причём постоянно и помногу. Чтобы окончательно не разбежались, не уехали в другие страны, где зарплаты выше, качество жизни лучше, да и погода не такая мрачная. Как перелётных птиц егеря прикармливают, потому что те могут улететь в другие края, если на данном месте обнаружат плохое обращение.

– Ага. А потом этих птиц перестреляет в сезон охоты сытая элита, которой и без охотничьих трофеев голодная смерть ну никак не грозит. Они преимущественно для этого своё тело за пределы Садового Кольца и вывозят периодически.

– Но власть хоть как-то должна обратить внимание на тех граждан страны, что не спились, не уехали отсюда, не перестали работать, не хотят бороться со своими же соотечественниками за выживание и нарушать ради этой борьбы юридические и человеческие законы!

– Светка, ты странная такая. В Москве пожила и наивной осталась. Это ж нынче не заслуги, а самые крупные недостатки. Как раз пьяницы, космополиты, хапуги и прожигатели жизни – главные герои нашего времени. А уж про нарушителей закона вообще молчу – все карты им в руки. Миллиардами воруют, а потом закон под себя переписывают – вот и вся твоя законность.

– Но таких людей в стране очень мало, просто сказывается массированная информационная атака. Восемьдесят процентов россиян живут так, как мы или того хуже, а баловней судьбы, чей образ жизни в рекламе и кино показывают – доля процента! Подавляющее большинство глазееет через СМИ на жизнь этой блистательной доли процента, которая «сходят с ума, потому что нечего больше хотеть», и думает, что вся Россия так живёт. Вчера вечером фильм по телику шёл из разряда «для обязательного показа в российской глубинке, если там, конечно же, дадут свет». Жена олигарха «работает», владеет магазином нижнего белья и устраивает презентацию духов со своим именем. Уж так уработалась, бедолага, что для релаксации завела роман с каким-то школьником. Потом выясняется, что он – любовник её мужа, а она беременна от грузчика из своего магазина. Кончается тем, что все застреливаются-вешаются и играет музыка, как будто что-то эпическое показали. Сколько такого барахла сейчас наснимали! Не фильмы, а фотосессии для глянцевого журналов по дизайну квартир с рекламой дорогих авто. Или закрутят ток-шоу, где фотомодел ь сбежала в Майами от отечественного мужа-бизнесмена, а теперь на весь мир по телемосту орёт: «Товарищи-граждане, он мне усега две тыщи баксив платил на илименты».

– Ха-ха-ха!

– И такой ажиотаж на всю студию, словно речь о начале Третьей мировой войны идёт! Всё с таким эпатажем, что и Сальвадору Дали не снилось. Муж-дурак рвёт на попе волоса и оправдывается: «Зато я её почти не бил ни разу». В зале улюлюкают, свистят, те – за этих, эти – за тех. Раньше телемосты только генсекам доступны были, а теперь там обсуждают отклонения в интимной сфере какого-нибудь дурака при деньгах. Есть серьёзные передачи, где обсуждают проблемы отношений с нянями и гувернантками. А у кого они есть-то? Даже у детей нашего Авторитета никаких нянь не было, потому что он посторонних терпеть не может. Кто идёт в гувернантки? Нищета, грубо говоря. Пусть образованная, интеллигентная, языки знает, но нищая барышня попадает в богатый дом. А потом его хозяйка бежит жаловаться на телевидение, как домашняя прислуга мелко гадит. Чего ж вы хотели, это классовая борьба, она ещё у Ленина подробно описана – почитали бы на досуге вместо глянцевого журналов, чтоб больше так не облажаться. Муж прилично где-то в министерстве ворует, так сиди дома, сама детьми занимайся, чем всякую рвань нанимать. Она жалуется, когда сидела дома, муж считал её мебелью и бил. Пришлось ей начать своё дело, но тогда муж стал пить и изменять. Пришлось развестись.

– Общество каких-то умалишённых, – вздохнула Маргарита, – сами не знают, чего хотят.

– В колхоз они хотят. Их бы на годик в тот посёлок на Урале, где кроме узкоколейки дорог нет, сразу мозги на место встанут. Потом будут успевать без всякой прислуги и посуду за собой мыть, и шнурки завязывать, и детей воспитывать. Их в стране всего ничего, а все передачи им посвящены, как прислуга плохо за барскими детьми ухаживает, пока बारे «работают» на светских раутах да в тех же ток-шоу снимаются. Обычные бабы, которые в одиночку детей растят, пока их непросыхающие сожител и по канавам и чужим койкам валяются, как и положено истинным мачо, посмотрят на это и в петлю полезут. На комбинате сгорел архив и теперь пенсию назначают минимальную тем, кто отработал на нём всю

жизнь, потому что у них нет никаких доказательств, что они вообще работали. И поговаривают, что уже три человека руки на себя наложили из-за этого, не прожить на такую пенсию. Сейчас это вообще проблема для большинства бывших советских граждан: предприятия советской эпохи почти все ликвидированы, а архивы с документацией чуть ли не на помойку были выкинуты. Ищи-свищи свои документики, чтоб тебе нормальную пенсию начислили. А по телику в это время очередной анонс, как в Москве собираются снимать фильм, где два молодца будут биться в чане с красной икрой. Икры не баночка какая-нибудь, а целый чан! Это вам не на компьютере икру рисовать – всё натуральное будет. Всё масштабно, на пределе возможностей прямо-таки. Много вы встречали людей, которые имеют возможность в красной икре купаться? Их единицы, но если верить СМИ, в России население поголовно так беснуется. Москва только для себя живёт и выдаёт свой шик за успехи всей страны. Там сейчас ветхие хрущёвки заменяют новыми домами, а газеты провозглашает: «Благодаря гуманной политике в России ведётся активное строительство жилья, отвечающее нормам нового века».

– Ага, прямо не пройти стало, как застроили Россию жильём, отвечающим нормам позапрошлого века, – хихикнула Марина.

– Вот-вот, нам от этой политики «тепло», как от Сириуса. Поэтому мне и захотелось приблизиться к этому миру «хронического успеха», побыть хотя бы немного москвичкой. Ведь про Москву все знают, а назови там хотя бы наш Райцентр – никто даже не слышал. Они там думают, что за пределами Москвы жизнь заканчивается. Даже те, кто вчера туда прибежал из тундры, сегодня уже столичный лоск приобретают и берут на себя право говорить: «Да знаю я *наш* народ – сволочи и пьяницы, а бабы – все шлюхи. Мало того, что безотказные, так ещё и бесплатные». Это я читала мнение одного светского льва о русской глубинке, хотя он сам за Полярным кругом родился и даже все зубы там потерял от авитаминоза. А какой-то редактор столичного глянцевого журнала для озабоченных кобелей пишет о нашей провинции, словно бы её с каких-то дешёвеньких американских фильмов о «плохих парнях» списывает. Они же про нас думают, как американцы в советское время думали, что в России все в лаптях ходят под ручку с медведем, который на балалайке бренчит. Россия им вообще какой-то фантастикой кажется, другой планетой, четвёртым измерением... Нет, всё-таки мы живём в безнадёжно огромной стране и почти не используем её громадную территорию. Растеклись по ней кое-как, а освоить не умеем и не хотим. Надеемся как всегда на наш любимый авось, что всё само собой сложится как-нибудь, кто-то за нас обустроит и нам отдаст. И завоевали-то такую громаду не для того, чтобы туда переселиться, застроить красивыми городами и жить в них, как это сделали переселенцы в Америке. А чтобы всем кузькину мать показать, залезть в бараки по двадцать человек в комнате, как в камере СИЗО и орать друг другу, какие мы крутые, что всем чего-то показали. Переселенцы с индейцами воевали, но знали за что, хоть какой-то результат получился, а у нас только вот эта кузькина мать впереди любого подвига бежит. Но с землёй так нельзя – вот она нам и мстит...

– А чего это наш Райцентр в Москве не знают, я не поняла, – возмутилась Маргарита Григорьевна. – Можно подумать, что город совсем без истории и славы.

– Знают, где Нью-Йорк, и слава богу, – зевнула от холода Маринка. – Чего голову лишней информацией забивать? Давно замечено, что россияне плохо знают свою же географию и биографию. Могут бегло перечислить все штаты США, но не скажут, сколько районов в их родном городе или области, и как они называются. Знают, кто из знаменитостей живёт в Малибу или на Лазурном побережье, как будто речь идёт о родне, но не ведают, где находится и чем славен город Таганрог, где жили их прадеды. Все хотят в Малибу осесть или в пределах МКАДа на худой конец. Наш новый мэр тоже, поговаривают, хочет справку себе выхлопотать: «Рекомендуется жить и работать в пределах Садового Кольца». Кто-то в пределы Третьего Транспортного Кольца хочет угодить, кому-то не дальше Земля-

ного Вала место жительства подавай, есть и такие, для кого уже и Бульварное Кольцо окраиной мира кажется, а кому-то уютно только в Китай-городе. И мало кто из его обитателей знает, что слово «китай» в названии не имеет никакого отношения к государству Китай¹. И никто не скажет, где же Москва заканчивается и начинается Россия: за Бульварным Кольцом, за Земляным Валом или за МКАДом? Россия Москву костерит на все лады за её роскошь посреди бескрайней нищеты и в то же время о ней мечтает! Получается, как в фильме «Свой среди чужих...», где главный герой говорит: «Бая ругаешь, а сам баем стать мечтаешь. Наберёшь себе батраков, будешь их нагайкой стегать. Бу-удешь. Это, брат, наука, марксизм», – и Маринка ядовито спросила у Светки: – Ты потому из Райцентра и убежала, что не весь мир о нём знает?

– А чего мне там было сидеть на чужой жилплощади? Это мне поначалу квартирка в двадцать два квадратных метра дворцом казалась, а из больницы с дежурства придёшь: руки не помыть, в уборную не зайти, поесть не приготовить, не прилечь, не отдохнуть. В санузле на полу наблёвано, на кухне пьяный свёкор спит, в одной комнате свекровь сериалы без конца смотрит, в другой – золовка с друзьями музыку слушает. Золовка вообще злющая была, бесилась, что замуж никто не зовёт: вместо женихов одни наркоманы да пьяницы. Это в наши годы природа уже засыпает, а в двадцать лет у невест самый мандраж начинается: хочется замуж, хочется детей, хороший дом, хорошую зарплату, мужа хорошего, а не падлу какую-нибудь. Это потом уже ничего не хочется, сволочи всякую охоту бабе отобьют. Я ей говорю: «Это надо пережить, как прыщи, лет через десять пройдёт». Как Фаина Раневская где-то высказалась насчёт женских дум и мечтаний о любви: «Когда мне было двадцать лет, я думала только о любви. Теперь же я люблю только думать». Она ревёт и ещё больше бесится, что из-за меня ей некуда жениха привести. Да ещё периодически свояк к свекрови приезжал. Напьётся с её мужем и гоняется за нами с топором. Я как первый раз это представление увидела, так у меня первый выкидыш и случился, а им смешно: «Как тебя в Россию-то жить занесло такую неженку, тьфу!». И это ещё нормальная жизнь считается, почти повезло, потому что других послушаешь, а там ещё страшнее живут. Пришла я к выводу, что муж меня не любил никогда, да и не умеет никого любить. Свекровь меня ненавидит, золовка отравит когда-нибудь, свёкор вообще каждый день глаза разлепит после упития и хрипит: «А ти хто такое?». Думаю, что я, в самом деле, как негр среди белых расистов затесалась, зачем мне оно надо? Гораздо спокойнее среди своих жить. Но я их понимаю, даже в какой-то степени на их стороне, что меня так и не прописали. Представляю, как это тяжело, когда вчетвером ютишься в двухкомнатной конурке, а тут сын и брат приводит ещё бабу, которая собирается рожать. Не живём, а только давим друг друга, ненавидим из-за этой тесноты в крупнейшем государстве мира по территории и богатейшем по строительным материалам. Как подумала, что и мои дети будут в обстановке ненависти и бесконечной грызни жить, так у меня второй выкидыш случился. Примитивный бабий организм взбунтовался против таких идиотских условий бытия! Потом свекровь стала нервы мотать, когда я жилплощадь освобожу вместе с её сыном, как будто я на зарплату медсестры могу заработать на квартиру! Она-то сама в советское время квартиру от Химического комбината получила. Говорят, даже с кем-то из администрации переспала, чтобы не двадцать пять лет в очереди стоять, а только двадцать. Свёкор её за это исключительно шлюхой звал, а она говорит: «Сам бы тогда переспал. А то гуляешь налево каждый квартал, а толку нет». Она вообще женщина пробивная, добытчица. Только с мужиком ей не повезло, типичный рохля, но с претензией на звание главы семьи.

– А твой муж что же? – спросила Маргарита Григорьевна.

¹ По одной из версий название Китай-города происходит от слова «кита» – связка жердей или прутьев, применявшихся в строительстве дерево-земляных укреплений

– Не знаю. Я не удивлюсь, если выяснится, что он до сих пор развод и мой отъезд не заметил. Это потрясающе, но наши мужики жён вообще не замечают! Мне раньше говорили, но я не верила, а на самом деле впечатление такое, словно в шапке-невидимке ходишь. Что-то ему скажешь, потом выяснится, что он не слышал, тарелку подашь – он не видел, расписание автобуса напостишь – он выходит мимо этого расписания и орёт, почему не подсказала. Говоришь не делать чего-то, не ходить туда-то, потому что это может плохо кончиться, козлёночком станешь – нет, он делает с точностью до наоборот. Потому что настоящие мудилы всегда делают поперёк бабе: выслушай эту дуру и сделай наоборот. Обувает летние ботинки вместо зимних, идёт в метель, промокает ноги, заболевает, провалится под лёд – виновата жена-сволота. Не предупредила, не проследила и так далее. Я раньше не понимала, почему бабы, которые замужем побывали, постоянно орут, как фронтовики, почему у всех нервная система такая измочаленная? Даже думала: бедные мужчины, каково им с такими мегерами! А как сама туда угодила, дошло-таки, допёрло: постоянно приходится орать, как на фабрике, чтобы грохот станков перекричать. Надо до него доораться, несколько раз повторить, убедиться, что он тебя заметил, навёл фокус, но пока ещё не слышит, потому что понять не может: а кто это?

– Ха-ха-ха, ну, Светка!

– Смех смехом, а очень устаёшь от таких отношений, если это вообще можно назвать отношениями. Особенно, когда понимаешь, что всё напрасно: он всё равно тебя не видит и не слышит. Я одно время считала, что мужики, действительно, слишком умные, думают о чём-то великом и высоком, так что некогда бабам-дурам внимать с нашими приземлёнными надуманными проблемами. А потом в учебнике по наркологии прочла, что такое поведение обусловлено банальным алкоголизмом, и так мне грустно стало! Грустно и смешно, на что мы жизнь тратим. Подстраиваемся под тех, кто нас в упор не видит, подыгрываем тем, кто сам себя разрушил. Мы живём не просто в пьющей, а в катастрофически пьющей стране, поэтому похмельная заторможенность сильного пола, когда он по жизни «не догоняет», стала нормой. Даже непьющие мужчины копируют такую модель поведения со спившихся отцов и прочих образцов для подражания, а в тотально спивающемся обществе других просто не найти. На самом деле, если мужчина горячо доказывает, что он не способен понять женщину, которую считает в разы глупее себя, это всего лишь доказательство, что он сам глупее её. Если так пить, как у нас пьют, то нервные ткани начинают отмирать, высшая нервная деятельность нарушается, психика всё время заторможена, человек не способен своевременно и адекватно реагировать на внешние сигналы. Ему жена что-то говорит, до него только через сутки доходит и то пунктиром. Именно поэтому мужики в России так любят тему, какие бабы дуры и что «женскую логику» невозможно понять.

– Вот я не понял! – мы с Маринкой стали пародировать слова из популярной песни группы «Несчастный случай». – Нет, всё понятно, ёлки! Но шо конкретно? Что ты имела в виду, что ты имела? В виду!

Но Светке не смешно, она продолжает переосмысливать драму своей жизни:

– Странно, что у нас баб бьют, а не мужиков. Не для нанесения увечий и вымещения озлобленности, а чтобы банально разбудить его от этой заторможенности, растолкать, вернуть в реальность. Свекровь мужа была скалкой, когда объясняла, куда ему надо сходить и что сделать. Многие её осуждали за это, а ведь он только так вспоминал, где находится, как его зовут, что у него жена есть и даже дети. Такие мужчины влюбиться могут только в наркоманку какую-нибудь или проститутку, обычная нормальная баба им не интересна. Точнее, они её не замечают, даже когда она их женит на себе. А заметить они могут только такую, которая введёт в ещё больший шок, чем он сам способен создать для окружающих. Свёкор всю дорогу от жены гулял, она его в лоно семьи возвращала, словно бриллиант тонкой огранки обронила. Однажды он гулять сам так устал, что ушёл в кочегарку ночевать к

истопнику. Свекровь его потом на всю округу «ославила». Мой-то кобелина, говорит, уже до мужиков добрался!

– Ха-ха-ха!

– Потом он привёл домой цыганку, она торговала наркотой по району, у неё было десять детей, половина в тюрьме сидела, другая половина умерла от героина. И вот он на такую «красавицу» запал. К жене привёл, говорит, жить с ней в любви и счастья жалаю! Жену вообще не воспринимает как жену, женщину, с которой у него личные отношения. Как в анекдоте про гулящего женатика: «Вот с *этой* у меня как раз ничего не было». Сейчас некоторые сморчки до того допили, что в многожёнство ударились. Да на здоровье, но тащат своих сожительниц... к жене. Просто, как и всё генитальное! Он огуливает, а жена должна его подстилок кормить, подмывать, содержать, терпеть. Как и положено прислуге. Чисто барин с кокоткой в своё имение завалился, желает весело время провести. Потом эту цыганку местные бабы ножом пырнули, что их сыновей на иглу подсадила. И она прямо с ножом в боку к нам пришла! Умоляла, чтоб врачей не вызывали: они же ментам сообщат. Я ей рану зашивала, со свекровью её выхаживали, свёкор в запой ушёл. Я к мужу сунулась: отреагируй ты хоть как-то, это же твои родители, твой дом, в конце концов! Ноль эмоций. Телевизор погромче сделал и орёт, что мы ему мешаем сериал про крутого Уокера смотреть. Золовка в своей комнате музыку врубила на полную катушку, муж с ней драться полез. Я сказала, что сейчас не самый подходящий момент, он меня за горло взял: «Чё ты меня по жизни достаёшь, сука бешенная! Я на работу ходил – чего тебе от меня ЕЩЁ надо, тварь!». Говорю, что у нас семья вообще-то с тобой, а он даже не понял, что это такое и зачем. Мне иногда казалось, что я с трупами живу, как в морге каком-то! Холодные, равнодушные, как дохлые мороженные рыбины. И эту неспособность испытывать эмоции считают признаком силы характера. Оживают только от водки или порнухи, а если у них какие-то эмоции, то на грани истерики. Свекровь одна живая была, мгновенно реагировала и на утечку газа, которую мужёнок устроил, и на горящий ковёр, на который заснувший сынок сигарету уронил.

– Господи, это в Райцентре так погано живут? – ахнула Маргарита Григорьевна.

– Не скажу за весь Рай, но когда Химкомбинат закрыли, для его бывших работников чёрные дни начались, а мы как раз в «химическом» квартале жили. Ещё ко всем родня из деревень драпает. Казалось бы, от голода и безденежья лучше в село, там хотя бы огородами спасаются, без денег можно жить. У нас в подъезде один мужик всю родню топором покрошил, не выдержал. Шесть человек в одной комнате жило, да ещё дочь рожать собралась, а к матери племянник решил приехать из совхоза, чтоб ближе в институт поступать. У нас жилищная политика такая, словно специально ждут, когда население начнёт друг друга давить, ещё и к совести призывать начнут, кто не смог вдесятером на одном унитаза уместиться, не захотел из одной кастрюли на три семьи баланду хлебать. Кто просто хотел оставаться человеком, да вот не дали такой возможности. Словно опыт какой ставят над людьми, сколько их можно напихать в картонные каморки. Из районной администрации бобры в соболях пожаловали, у каждого по три-четыре квартиры на харю, но очень удивлялись, как рядовой холоп зажрался: вшестером не смог ужиться, когда в иных притонах по двадцать человек в комнатке пердят. Ну, так людей ещё не так оскотинить можно, а этот не захотел в скот превращаться. Поместили его в отдельную камеру, как особо опасного душегуба, а он там... отдыхает! Наконец-то появилась отдельная комната, хоть узнал, как хорошо жить одному. Его на суде спрашивают, как он теперь с таким пятном с биографии существовать собирается, а ему после нашего коммунального ада ничего не страшно. Жена у него из нашего города была.

– И чего наши невесты туда ломаются? Таких неуравновешенных проще в родной деревне найти и ездить так далеко не надо, только на автобус тратиться до этого Центра Рая.

– Бери выше, такие и в Москве есть! Там и притонов больше, и миграция населения активней, поэтому спившихся и убитых сразу заменяют вновь прибывшие. Это у нас на окраине уже пустые многоквартирные дома стоят, а в столице сразу новые жильцы сыщутся.

– И чем твоя районная эпопея закончилась?

– К нам ОМОН пожаловал. Цыганка эта пакетики с наркотой в сливном бачке у нас хранила, всех на пол уложили, золовка со страху такую лужу сделала, лежит рядом с братом, он её лягает: «Какого хрена нассала тут под меня, курва!». Ужас! Как чужие друг другу, хуже врагов. Их убивать пришли фактически, а они и тут собачатся, никогда не поддержат друг друга ни добрым словом, ни нужным делом. Я золовке говорю, чтоб ко мне придвинулась, а мне один омовонец как даст прикладом! Муж аж ликом посветлел: дескать, так её, падлу, чтоб своё место знала. Там ещё какие-то собутыльники свёкра буянили, но прикладом приложили именно меня, как главную угрозу правопорядку. А я как раз на третьем месяце была, тут у меня третий выкидыш и случился. Ну, думаю, перебор – с меня хватит. И самое ужасное, что все такую жизнь считают нормальной, в порядке вещей! Я себя иногда чувствовала, как идиотка, которой хочется вопить от ужаса, а мне доказывают, что всё о'кей, что я сгущаю краски. Точнее, меня считали идиоткой, что я не хочу в этом скотстве жить. Через стенку семья жила в однокомнатной квартире, они нам завидовали, что у нас две комнаты. А у них на двенадцати метрах семь человек прописано, живёт ещё больше. Мужики все пьют, естественно – нынче они ничего кроме этого не могут. Невестка умудрилась троих родить, залетала даже после того, как её мужа в пьяной драке убили. Даже не знает, от кого! Оказывается, теперь это знать необязательно, лишь бы родила на страх всем врагам. Откуда там знать, если все жильцы спят друг на друге, групповуха чистой воды! Она спит, тут же рядом вечно пьяный деверь храпит, а с другого боку дед от рака лёгких погибается, кровью харкает. Когда у неё старший ребёнок от туберкулёза умер, им улучшили жилищные условия – выделили ещё такую же комнатёнку. Она умничать начала, меня вздумала жизни учить: «Ты что, забыла, в какой стране живёшь? В великой, вот в какой! Зато мы всему миру помогаем». Гляжу, а она опять с брюхом, «помощница» неутомимая. И опять не знает, от кого. В таком смраде, где у людей всякая этика разрушена, и не важно, кто там её на лестнице драл, лишь бы водку мимо не пролили. Так мне душно в этом «В мире животных» стало, что уехала, куда глаза глядят.

– И куда они у тебя на тот момент глядели?

– В Питер. Встретила того омовнца, который меня прикладом двинул. Точнее, он меня сам нашёл. Оказалось, это я ему понравилась, вот он прикладом восхищение и выказал. Ещё больше влюбился, когда я на него с кулаками набросилась: ты в курсе, сволочь, что я от твоего удара ребёнка потеряла! Он совсем обрадовался: «Вот и хорошо, зачем ты мне с ребёнком? Это от того обоссавшегося мяса, которое там с какой-то бабой за место на коврике воевало? Зачем тебе дети от такого неполноценного материала?». И забрал меня с собой. У него служебная квартира была в Девяткино, мы с ним неплохо жили – он всё время в командировках, я дома одна. Красота! После того дурдома, в каком я жила, как в рай попала.

– И первый муж тебя не удерживал?

– Маргарита, ты мексиканских сериалов насмотрелась, что ли? Мужья сейчас никого не держат – это почётная бабья обязанность. Куда ни глянь, а всюду советы и статьи, даже толстые книги «Как удержать мужчину», «Как вернуть мужчину», «Как понять мужчину». И никто не удивится, не спросит: на фиг он, такой мужчина, которого невозможно понять, нужно удерживать, возвращать, привлекать его внимание, если он на тебя смотреть не хочет? Не хочет – не надо. Глобус ему в руки – пусть идет с миром. Десять лет страна завалена Карнеги, как привлечь к себе людей, и никто не спросит: а на кой оно мне? Неудачник и так тянется к неудачнику без всяких премудростей. Я посмотрела на ситуацию со стороны и увидела, что два горя луковых по недоразумению оказались вместе и рискуют создать классиче-

скую нищевродскую семейку: папа-алкоголик, мама-психопатка, дети неврастеники. Нельзя таким вместе соединяться. И у меня всё плохо, и у него ещё хуже, словно соревнуемся, кто больше прав для нытья имеет. Надоели эти мамки, тётки в чёрных платках, всё время скулящие, как у них спился очередной сын, брат, сват. Зае...ли, честно слово, плаксивые душные дуры!

Маргарита Григорьевна при этих словах вздрогнула, но Светка этого не заметила:

– Вся страна завалена литературой, как жить с мужиком, чтобы ему было удобно, уютно, комфортно, и ни одну дуру мысль не посетит: а тебе самой-то это удобно? Все штудируют инструкции, что делать, чтобы он не сбежал, словно это враг какой-то, и никто не догадывается, что сама от такого побежишь. И вслед будут недоумевать: «Такую семью развалила! Чего этим бабам-дурам надо?». Он домой пришёл, на диван упал – предел мечтаний. Ему удобно, а прислугу никто не спрашивает, как её в такой «семье». Пролежали в одной кровати, как два куска мяса на сковородке, а по сути абсолютно чужие друг другу люди. Да и жить приходится не столько с мужиком, который тебя попросту не замечает, а с его мамой и прочей роднёй. Эти тебя всюду заметят: куда пошла, чего так вырядилась, не иначе, задумала нашему дураку рогов понаставить! На книжном развале у вокзала видела книгу «Как ладить со свекровью». Только в нашей стране такие учебники возможны. Собираешься жить с мужем, а приходится со свекровью и ещё кучей посторонних «родственников», в пору учебники выпускать «Как ладить с двоюродной тётей мужа», можно целую серию залудить по всем шуринам и своякам. Мужики точно так же с тещами живут, как придурки. Набившись в одну квартиру сидят пожизненно, словно срок мотают: «Мы тебя в семью взяли, вот и заткнись». У меня уже своя семья – на кой мне ваша ущербная? Мой дурак никак от мамы отлипнуть не хотел, лишь бы от дивана зад не отрывать. Был убеждён, что я ему по гроб жизни обязана только за то, что он в районном центре родился. Жил бы в деревне и крыть нечем, бедолаге, козырей никаких, кроме маминой квартиры, переполненной полудурками всех мастей. А так повод был орать: «Сама бы попробовала заработать хоть такую конурку»! Да я бы заработала, кабы было где! Неужели мы не отработали бы пять или даже десять лет на комбинате, если бы от него давали жильё? Да за милую душу! Это намного легче, чем каждый день в тот же Райцентр или Петербург мотаться. Любой современный россиянин на такую работу побежал бы, где жильё дают, без зарплаты согласился бы работать, устав от наших поганных жилищных условий. Чем гордятся эти дураки, которые получили свои клетушки от государства и теперь шантажируют этим фактом тех, кому власть фигу показала? Все теперь гордятся, только и слышишь, как один больше другого на тысячу рублей зарплату нашёл, словно джек-пот сорвал. Словно их личная заслуга в том есть, что удалось найти место хлебное, где надрываться не надо, деньги сами капаят, а кто-то ревёт, что пашет, как раб на галерах, но заработать ни фигу не может. Потому что всё зависит от руководства местах. Разваливают власти целый город, и ничего там никому не светит, никто при таких условиях ничего не заработает и не получит, хоть наизнанку вывернись. Сейчас вообще ничего не зависит от готовности зарабатывать, от желания потратить силы на улучшение жизни, только пропаганда людей дразнит: «Сами ничего не хотите, бездельники!». Людей ставили, а они и рады стараться, глотку друг другу рвать: «Да я своим потом и кровью сервант и трельяж заслужил». В том-то и дело, что потным надрывом никто ничего путного не зарабатывает. Сервант урвал и помер, так себя надорвал. Один жилы рвёт на трёх работах, но остаётся нищим, другой в просторном кабинете телевизор смотрит и прилично получает, словно вся страна в лотерею играет, а выигрыш только двум-трём человекам достаётся. Как у меня папаша всю жизнь лотерейные билеты получал к зарплате, посадили его власти на азарт, он потом сам их покупал и шутил: «Я часто выигрываю сумму с большим количеством нулей. Но только нулей. Эх, к таким-то нулям ещё бы циферку какую!». Да вот не судьба.

– На то она и лотерея.

– Вся наша жизнь как лотерея. А люди, как идиоты, да они идиоты и есть, слюной брызжут, кто успел при Советах свои квадратные метры урвать или сарай достроить с претензией на дачу. Другая распределительная система была, города разрастались за счёт строительства, и никакой их заслуги в этом нет. Они не понимают, что нынешняя власть может запросто вышвырнуть из этих «отдельных квартир», которые давно превратились в настоящие коммуналки, потому что там уже выросли внуки, которым пора своих детей заводить. Жену приведут на мамини или бабушкины квадратные метры и начинают изображать из себя барина: я богат, а ты нищета, поэтому служи. Жену берут из населённого пункта ниже статусом, из посёлка какого-нибудь или деревни, потому что городские бабы таким мудакам уже не дают. Моего дурака к рукам прибрала какая-то баба из совхоза. Теперь у неё дома на диване лежит, сериалы о крутых рейнджерах смотрит.

– Вот видишь, – покачала головой Маргарита, – прибрали мужичка-то. А просто надо было потерпеть. Тут уж ничего не поделаешь: такова их несносная мужская порода. Что касается свекрови, так я четверть века жила в коммуналке не только со своей свекровью, но ещё и её свекровь там была прописана. Весёлое было время... Перетерпеть надо.

– Замужество не понос, чтобы его терпеть. Неужели больше нечем себя в жизни занять, как вот что-то терпеть? Оно мне надо? У меня молодость уходит, а я жила как лазутчик в чужой крепости. Надо жить именно сейчас, а вы всё терпите чего-то по полвека, а то и целый век. А зачем? Через полвека-то нам будет нужна только лавочка да семечки: сиди на скамеечке, лузгай семечки да лапшу вешай прохожим о своей жизни, где ничего не исполнилось. Нет, я пришла к выводу, что вообще не надо никого терпеть, искать и ждать. Вот москвички в этом отношении мне понравились. Они совершенно не стремятся замуж! Ни одной бабы я там не увидела, чтобы замуж пыталась пролезть всеми правдами и неправдами. Это наши дуры найдут себе какого-нибудь угрюмого самодура, который бабу воспринимает как вещь, которая чуть получше – а может, и похуже – кухонного комбайна. И его больше всего шокирует, что эта «вещь» ещё и разговаривает. Мне не надо лишь бы кого-нибудь, как-нибудь, с кем-нибудь, где-нибудь только для того, чтобы нищие бабульки на лавке у подъезда вслед уважительно шептались: «Вот и эту никак замуж-таки взяли, осычастливили по самое не хочу». У нас и так вся жизнь держится на этом «как-нибудь». У власти такие же «какнибучки» сидят и думают: на дворе новый век, а в стране с претензией на великодержавность до сих пор нет нормальных дорог, электричества в домах, водопровода, но народ, чёрт бы его побрал, *как-то* всё выживает и *как-нибудь* дальше выживет. Бабы с кем-нибудь наплодят *кого-нибудь*, так что будет кого в будущем «разводить и опускать» своей *великой политикой*, будет кому мозги полоскать...

– А москвичи очень стебоватые?

– Да какое там! Нормальные. Коренные вообще очень простые в обращении и поведении. Не простецкие напоказ, не простоватые, а именно простые, без выпендрёжа. Выпендрёж нужен тем, кто сам в себя не верит. Это просто стереотип такой сложился, что столичные жители якобы на понтах, а на самом деле весь столичный гламур и лоск – это как раз приезжие, лимита, мигранты. Вот эта публика там на каждом шагу самоутверждается! Ничего нет для этой шпаны страшнее, если их хотя бы одна помойная кошка не заметит и не оценит. Говорят, что у столичных бизнесменов теперь появилась мода искать себе жён в провинции – дескать, там одни скромницы живут, а москвички такие избалованные, в квартире с санузлом жить хотят. Бабки заколачивать научились, а не понимают, что как раз у провинциалки от резкого контраста в смене реальностей может башню начисто снести. Так сносит, что любая светская львица ангелом покажется! После беспросветной нищеты в такой роскоши хочется всего и сразу, как человеку, который был вынужден долго запах клозета вдыхать, а теперь хочется надышаться свежим воздухом.

– С примесью хрэнцузских духов, – подсказала Марина.

– Вот-вот. Сразу хочется платье с «наглой» спиной и не одно! И гарнитур с коньячными бриллиантами, и туфли на противоестественном для женской ноги каблуке. Чтобы сразу пар пять-шесть, чтобы разом всю обувную полку занять. А полка-то не абы какая, а из дорогих пород дерева! Этот лох столичный думал, что она, скромно потупившись, будет на кухне кастрюли чистить, так пусть засунет себе эти кастрюли туда, откуда не возвращаются. Она на эту сволочную кухонную жизнь в своей деревне насмотрелась на три жизни вперёд, и такую кастрюлечную романтику могла в родном колхозе с любой пьяницей получить. То есть такие тигрицы получают, что даже бывалые львицы расступаются! Сама видела, как на переходе из навороченной тачки с личным водителем выскочит этакая расфуфыренная коза и начинает отчитывать пешеходов, как смеют они переходить дорогу, когда она тут едет. А в речи и говорок, и беспричинное хамство по схеме «кусайся первой, пока тебя не покусали», и провинциальный страх, что в любой момент могут дать пинка под зад и покатишься ты в свой Говногорск, который даже на подробной карте нашей Родины не обозначен.

– Ха-ха-ха! Тонкое наблюдение жительницы нашей деревни!

– Но таких там не так и много. Шуму от них ой, как много, поэтому и кажется, что все там такие. А в основном бабы в Москве зарабатывают деньги хорошие, интересно проводят досуг, развиваются: меняют тачки, ходят в клубы, молодеют день ото дня. Это в нашем городе уже в тридцать лет на тебя смотрят как на древнюю старуху, которую впору сосватать какому-нибудь вдовцу, который свою прежнюю жену раньше времени в гроб загнал хамским отношением и невозможной эксплуатацией... Нет, я поняла, что надо искать ни *кого-то*, а *что-то* определённое. На человека, каким бы надёжным он ни был, никогда нельзя рассчитывать. Нельзя претендовать и на *его* имущество, а надо иметь *своё*. Зачем каждый день выслушивать от кого-то, что «ты, тля, за мой счёт живёшь» и тэ дэ и тэ пэ? Я уже в таком возрасте, когда пора владеть *своим* имуществом и *своими* деньгами.

– Выходит, что мы все – ненормальные? – усмехается Маринка.

– Выходит, что так.

– Ты лучше расскажи, как ты до Москвы добралась?

– Как ни странно, но очень просто. Это было даже проще штурма Райцентра и завоевания Питера. Омоновца моего убили при какой-то антитеррористической операции, пришлось из служебной квартиры выметаться. Поехала в Москву, устроилась в больницу медсестрой – младший медперсонал повсюду нужен, а в столице больных вообще море. Недалеко снимала квартирку ещё с двумя приезжими бабами. Потом нашла в газете объявление об уходе за больными на дому: уколы ставить, капельницы делать, иногда шей-борщей сварить, полы помыть, когда кто-нибудь из стариков просил. Ведь столько повсюду брошенных и больных стариков, что даже чашку чаю им никто не подаст! И попала к одному деду восьмидесятилетнему. У него жена умерла, потом сам слёг, вот и понадобился уход. Сначала он мне не понравился: строгий очень, на меня иногда покрикивал. Но однажды говорит: «Помру скоро, а у меня никого нет. Жену мою во время войны ранило осколком в живот, всё по женской части удалили, так что детей у нас не было. А я не хочу государству квартиру оставлять – оно и так нас всех обворовало. И мазурикам каким-нибудь конторским тоже не желаю отписывать – у них и так уже из жопы торчит. Давай я на тебя квартиру оформлю». Я аж испугалась! Думаю, дед бредит или прикалывается. А он в другой раз и вовсе заявляет: «Давай с тобой распишемся, и тогда тебе всё по закону достанется». Я говорю, за что мне такое счастье? Я баба вредная, злая, а он мне: «Да какая ты злая? Несчастные вы все, со сволочами живёте, о счастье мечтаете, а сволочь может дать только несчастье, оттого и злость». Я отшучиваюсь: «Мне бы женишка с капиталом», а он говорит: «Не мечтай ты о женихах с капиталами! Наши граждане приучены к нужде и нищете, а к деньгам совсем не привыкли, поэтому деньги их шибко развращают и ожесточают. Очень быстро они от денег превращаются в свирепых зверей. Чем больше денег, тем больше гонора и говна из наших людей

лезет. Оглядишься вокруг и увидишь, как богатые господа своих ближних при любом случае куском хлеба попрекают. Вон в газетах какие ужасы описывают, как муж-богач жену и детей из дома выгнал, гарем себе завёл, самый настоящий публичный дом устроил, а надоевших ему девок за волосы таскал и ногами избивал. Откуда это в бывшем комсомольце, который когда-то чистым и светлым студентиком был, своей будущей жене-сокурснице стихи читал? Откуда это паскудство из людей такими ломтями лезет? Казалось бы, есть у тебя всё, денег полные карманы, дома, машины, курорты, рестораны, так живи и жизни радуйся, помогай иногда хотя бы родителям, детей достойными людьми вырасти на своём примере. Ан нет, не до радости почему-то становится. Наоборот, злоба и низости всякие из человека начинают выпирать. Родителей забудут, детей вместо воспитания задабривают и балуют деньгами, или ушлют за океан в престижный колледж от себя подальше, чтобы никто тут не мешал предаваться разврату и пьянству. Перестает человек видеть и замечать других людей. Не знаю, как в других странах и у других народов, но у нас почему-то именно так происходит с обладателями хоть какого-то капитала. А я тебя обижать не собираюсь: не вижу в этом никакой радости. Я сам жизнь очень трудную прожил, но хоть что-то нажил, а вашему поколению вообще ничего не достанется, всё олигархи по своим закромам распихают. У меня хоть и небольшая квартирка, но зато будет у тебя свой надёжный угол. Хоть и не в центре Москвы, но прописку получишь, работу хорошую найдёшь. Да и мне спокойней будет, что хоть похоронишь меня по-человечески». Я подумала, да и согласилась. А что? Хоть и старый, но зато человек хороший, а не прощелыга какой-нибудь. Он позвонил куда-то, к нам работница ЗАГСа приехала и расписала нас.

– Ну, Светка, ты даёшь! А у нас тут болтали, что ты за какого-то столичного генерала замуж вышла.

– Так это я специально матери врала, чтобы антураж создать, чтобы поинтересничать. Но можно было и без этого, хотя в нашем бабьем деле без антуража трудно. Иная дура выйдет за какого-нибудь раздолбая, а уж насочиняет таких красивых сказок про свою жизнь, что жена президента завидовать начнёт... Короче говоря, прожили мы с моим «генералом» год. Я так счастлива была, даже самой не верилось, что стала москвичкой! Дед мой даже вставать с постели начал, гуляли с ним по бульвару. Самое лучшее моё замужество: ни тебе свекровей осатаневших, ни соседских детей орущих, ни омовцев контуженых! Я ремонт сделала, деда своего придела... Потом он помер, и начались проблемы. Объявился какой-то двоюродный племянник его жены. Пока она и «генерал» мой живы были, он и носа не казал, а как преставились оба, явился, словно ждал. Прикатил и с порога заявил, что я обманом деда на себе женила, чтобы квартирой завладеть...

– А велика ли квартира-то?

– Тридцать метров. Нет, в целом для Москвы жилплощадь не очень большая, но там же идёт война за каждый метр! И вот *пельмянник* этот, чёрт его дери, стал мне в открытую угрожать. А уж как я его жену увидела, сразу поняла: порешат они меня за квартиру-то. Не баба, а атаманша из «Снежной королевы» в исполнении артистки Викланд! Она, как я потом узнала, даже судимость имела – мачеху отвёрткой пырнула. Ко мне пришла и рявкнула: «Метры не отдашь, я тебе глотку вырву!». И так мне страшно стало: знакомых никого нет, в милицию идти не с чем. Решила я квартиру быстро продать и домой вернуться.

– В Райцентр?

– Сюда! Домой... Мне и цыганка, которая со свёкром жила, нагадала, что я до Москвы дойду, но потом вернусь туда, откуда и начала свой забег к успеху. Я смеялась, не верила: уж если до столицы дойду, то вцеплюсь мёртвой хваткой – не оторвёшь. А ведь так всё и вышло... Но тут новая проблема возникла: поняла я, что меня хотят здорово облапошить на продаже квартиры. И опять ничего сделать не могу! Все приучены к страху, а как стало некого бояться, закон не работает, никого не контролирует, отовсюду мошенники полезли.

Видят, какая-то баба-дура одинокая, заступаться за неё некому, сам бог велел обворовать. Моя московская соседка, когда свою квартиру покупала, специально просила знакомого своих знакомых, чекиста какого-то, чтобы он с ней в эти риелторские конторы ездил. Думала, там испугаются и провернут всё без обмана с соблюдением закона. А он ей говорит, что его начальника, целого полковника Госбезопасности на продаже квартиры развели, как не фиг делать, и концов не найти, вот что делается! А одиноких пенсионеров, инвалидов, пьяниц или полумилитру вроде меня они пачками на помойку выкидывают из квартир без денег. Откуда столько бомжей в крупных городах? Это всё жертвы махинаций с недвижимостью. В городах типа нашего нет бомжей, потому что здешняя «недвижимость» никакой цены на рынке не имеет, её давно сносить пора. А в столице обладатели престижных квартир бесследно исчезают, и не ищет никто! И так мне захотелось сбежать оттуда. Думаю, зачехну я в этой Москве-мозге, как таёжный мох на слишком плодородной почве. Всё-таки, что ни говори, а есть у человека сердечная привязанность к своей земле, к дому, к друзьям... Да и на могилу к моему Мочалкину тут ближе ходить. И понимаешь это только на расстоянии, сквозь года. Я ведь кроме него никого по-настоящему не любила, а он ещё в школе переживал, что я замуж за него не пойду: «Ты же не захочешь стать Мочалкиной». Последний раз его видела незадолго до смерти, он уже совсем ненормальный был, сказал, что всегда своей фамилии стыдился, а зря. Потому что она от слова «мочилово»...

– Он это всему городу говорил, – перебила Марина. – Чем всё закончилось с квартирой-то?

– Всё очень удачно закончилось. Шла я как-то с работы вся погруженная в свои невесёлые мысли – мне как раз накануне этот чёртов племянник звонил с угрозами. И не замечаю, что мне наперерез какие-то господа из машин вываливают, и я кому-то даже под ноги подворачиваюсь. Он меня за шкуру хватает и говорит: «Не переходи дорогу перед скоростным транспортом, девушка». Смотрю, а это наш Авторитет. Думала, не узнает меня, отшвырнёт и дальше пойдёт, а он прищурился: «Ну-ка, постой-постой, что эта карельская берёза в центральной полосе России делает?.. Ба, да ты часом не из моей ли деревни». И тут же вспомнил, как меня зовут, кто мои родители и где я в нашем городе жила! И чего это у нас одно время болтали, что ему где-то на войне память отшибло? Да такой памятью, далеко не каждый современный компьютер обладает. В Москве себя чувствует, как рыба в воде, так что и не догадаешься, кто он и откуда. Потасил меня куда-то с собой по каким-то дворам, по закоулкам. Я-то по Москве всё время с картой ходила и только по указанным улицам, а он нырнёт в какой-то двор и уже на другой улице выныривает, войдёт в один подъезд, а через чёрный ход уже в другом дворе выходит! Прямо, как местный дворовый кот. И говорит мне по дороге: «У тебя здешняя прописка? Паспорт есть? Вот ты-то мне и нужна». Ну, думаю, всё: сейчас тут и закончится жизнь моя несуразная. А он привёл меня в какое-то отделение банка, приказал перевести какие-то деньги на какой-то счёт. Всё мне объяснил, как бланки надо заполнять, а я как в тумане. Потом уже на почте какую-то посылку сказал отправить.

– Ничего себе! – ужаснулась Маргарита. – А если он тебя во что-нибудь криминальное втянул? А вдруг там в посылке...

– Ага, отрубленная голова конкурентов!

– Ха-ха-ха!

– Ой, да ну тебя! Мне в тот момент так плохо было, что я подумала: а не всё ли равно? Так весь остаток дня с ним и проходила. Только подумала, а не дать ли дёру, как он меня снова за шкуру взял и усмехнулся: «Даже не думай – убью. И не сразу, а медленно». Страшный человек, что и говорить... Потом привёл меня в какую-то забегаловку и говорит: «Я тебе ничем не обязан, но с меня ужин за твои дневные страдания». Стал меня расспрашивать, как я в Москву попала, ну я ему и рассказала про дедулю своего. Он сначала надо мной стал издеваться. «А чего это, – говорит, – вы все нынче так страдаете если не тягой к совращению

детей, то геронтофилией уж непременно? Куда взор ни обратишь, а молодые под стариками и старухами лежат, которые в два-три раза старше. Тебя вообще угораздило замуж выйти за человека, который в прадеды годится. От такой связи дети не родятся. Хотя, агонизирующему обществу это не поможет. Раньше такие вещи считались извращением и преследовались по закону, а теперь дали свободу запуганному быдлу, оно и не знает, на кого ещё залезть». Чуть до слёз меня не довёл своими едкими оскорблениями! Я даже уйти хотела, но он пальцем по столу стучит: «Встанешь, когда я разрешу»! Я возьми и ляпни, что он сам моложе жены на восемь лет. Он глаза вытаращил: «Что-о?! Ты имя жены моей не упоминай всуе, поняла? Восемь лет – это только в школе большая разница, а когда тебе за сорок, совершенно не ощущается. И это даже нужно, чтобы баба старше была, чтоб могла мужика на место поставить, когда он слишком борзеть начнёт». И без переходов спрашивает, почему не ем ничего. А я говорю, что у меня такие проблемы, что и кусок в горло не лезет. Он хохочет: «Меня как кто из земляков увидит, непременно это говорит... Ладно, излагай свои проблемы». Я ему и рассказала про квартиру, вороватых риелторов и двоюродного племянника покойного мужа. Он мне отвечает: «Я такой мелочью не занимаюсь. Решай свои проблемы сама... Хотя, у тебя документы на квартиру не в этой ли папке лежат? – В этой. – Покажи-ка». Посмотрел бумаги, обругал меня дурой, говорит, что цену можно в четыре раза накрутить. А я реву: я же не умею! «Если не умеешь, надо в родном городе сидеть, где ещё позапрошлый век не закончился, а не в столицы третьего тысячелетия соваться. Это у нас по улице больше трёх машин проедет – уже событие, а здесь видишь, какие пробки? На сутки можно увязнуть, и будь ты хоть сам Господь Бог – не поможет. И таким тургеневским барышням, как ты, здесь делать нечего. Эти бабы слёзы для романтического девятнадцатого столетия хороши были, а в двадцать первом веке даже взятым в заложники детям не простительны». Это я-то тургеневская барышня? Раньше себя такой деловой стервой считала, когда в Райцентре обосновалась. Свекровь мне нагадит, я ей тоже какую-нибудь пакость устрою, и после этого обе чувствуем себя такими продвинутыми акулами, такими современными вамп-вуменс!.. И вдруг это таким убожеством показалось, какой-то мышиною вознётся в отдельно взятой клетушке. Никакие мы не вуменс, думаю, а обыкновенные замордованные бабы-дуры, воюющие друг с другом за то, что нормальным людям и даром не надо... Спросила Волкова, как мне теперь быть? Он велел из квартиры вещи забрать и уезжать, сказал, что возьмётся за это дело, но с условием, что третью часть денег себе возьмёт. Оказывается, он работает за половину, но мне сделал скидку, как землячке, да и отца моего знал. И вот не поверите, пусть он и бандит, а деньги за квартиру мне прислал-таки! И даже больше, чем я могла себе вообразить. Теперь будет свой капитал на чёрный день.

– Смотри, женихи ещё повалят к такой богатой невесте.

– Ай, невесты сейчас никому не нужны, сейчас только женихи в цене. Нынче они с голой жопой придут, но с таким видом, словно одолжение великое сделали. Женихи в России как дороги: много, но в пригодном состоянии – единицы. Баб обязали придавать им хоть какой-то вид, иная жена всю жизнь на него угрожает, как асфальтоукладчик, как путеец с кайлом. Превратится в развалину, постареет раньше времени – не зря в цивилизованных странах для женщин запрещён тяжёлый труд. Он и для мужчин там запрещён. Но наша сделает из своего горя лукового что-то путное, проложит к нему дорогу, а катаются другие. Нищую невесту они шпыняют: кому ты нужна, у тебя же нет ничего. Невесту с приданым точно так же ошпылят и недоумевают: кабы не твои барыши, сроду бы с тобой не связался. Сама баба никому не нужна, всё мимо неё, так что хватит с меня приключений. Много ли мне надо? Мы с маманей купим себе на неделю буханку хлеба, и нам хватает. Да и вообще после тридцати ничего не хочется, это лет десять тому назад всего хотелось попробовать... На красивые тряпки нет смысла тратить. Кому их здесь демонстрировать, кого прельщать-то?

– Как кого! А как же Примус?

– Зачем мы ему? Бабы для таких, как операционная система для кочерги – без надобности.

– Так ты не спросила Авторитета, на что он деньги за твою московскую квартиру потратит? – спросила Маринка.

– Смерти моей хочешь? Найдёт на что, у него планы наполеоновские. Он вообще будто бы собирается свою Лесную улицу асфальтировать. Нет, что ни говорите, а не такой уж он и плохой, каким кажется.

Так за разговорами мы дошли до родной Загорской улицы. Дождь за это время превратился в настоящий ливень. Мы промокли и замёрзли. Под скамейкой у входа в библиотеку валялся уже в стельку пьяный Лёха и храпел на весь квартал распахнутой в небо пастью.



Авторитет в самом деле подумывал приблизить свою Лесную к европейским стандартам. Ей было несколько веков. Она появилась, должно быть, когда здесь возникло самое первое поселение. Люди пробивались вглубь леса, осушали болота, валили деревья и выкладывали ими дорогу. Они и в двадцатом веке верой и правдой держали грунт, хотя ушли глубоко под землю. Благодаря им Лесная улица оставалась одной из самых сухих в городе, хотя бы в сравнении с тем же Мировым проспектом. Но с началом третьего тысячелетия и она раскисла, ничто не вечно. Годы пошли дождливые, да и болота начали наступать, забирая назад без боя некогда свои владения, с большим трудом отвоёванные у природы предприятиями по добыче и переработке торфа. Предприятия эти приказали долго жить ещё в идиотские девяностые, когда государству словно бы всё стало без надобности, включая топливо, удобрения и много ещё чего, что даёт торф.

Авторитет жил в самом конце этой улицы, поэтому каждый день ездил по ней, но до недавнего времени не обращал внимания, что там под колёсами: машина у него такая, что проехала бы и по трясине. УАЗ обыкновенный. Точнее, не совсем обыкновенный, а «Симбир», предшественник «Патриота», а слово это он понимал буквально: пригодный для родной страны. Назвался патриотом, так изволь соответствовать. Даже УАЗ не всегда справлялся с этой задачей, хотя что можно требовать от машины, когда ей приходится ездить по отвратительным дорогам. Не дороги даже, а их полное отсутствие! Авторитет не любил сорить деньгами, и не понимал, почему россияне так комплексуют по поводу иномарок, и если кому удаётся отхватить свой первый лям, сразу тратят его на японские и немецкие машины, к которым требуется одно небольшое, но важное приложение – великолепные автотрассы. Которых нет. А уж брать нежную «французенку» с коробкой-автоматом это вообще на грани! Это всё равно что нежную утончённую барышню за свирепого алкаша и садиста выдать. Видел он этих «счастливчиков», которые ловили свою чудо-коробку после первой же колдобины, иногда себе на колени.

На выезде из города он специально для себя поставил мойку с независимым от городского водоканала водопроводом, а то рвачи из руководства повадились отключать воду в любой момент и без предупреждения. Простые смертные перебьются и без мытья, а Авторитету, согласитесь, совсем несолидно выезжать из города на ежедневный промысел в уделанном до крыши автомобиле. Но тут он подумал, что и в черте города как-то не по рангу

возить на капоте ошметки грязи. Уж ладно, когда какой-то «жигулёнок» гребёт ушами по дорожной каше, или «москвиченок» на каждом ухабе ныряет носом в серо-зелёную пыль, но ты-то не абы кто, а самый главный человек в городе, можно сказать! Меньше всего он думал, что дорога нужна и другим людям.

Но он думал о своих детях. Вынужден был думать. Только теперь он понял, почему по канонам преступного мира криминальный авторитет не должен иметь семьи. Потому что он должен оставаться вечным подростком, которому не надо тратить на мирские заботы, которого ничего не будет отвлекать от дел. Есть такое слово «оторва», означающее неприка- янное, оторванное от всех и вся существо, живущее, как ему заблагорассудится. Но, будучи отцом, человек уже не может исповедовать философию бездомных и безродных искателей приключений. Нельзя не учитывать того обстоятельства, что на этой огромной земле помимо сплошных врагов у тебя есть несколько дорогих людей. Ужасное и великое изобретение – семья, когда мужчина или стонет и бежит от заботы о своих, или хочет быть нужным и самым лучшим для них. Авторитету хотелось быть самым. Он словно бы опроверг расхожую теорию, что бандит и убийца обязательно неустроен в личном плане, что у него срабатывает какое-то там генетическое вырождение и всё такое прочее. На Востоке есть такие голово- резы, с какими европейской цивилизации и сопоставить-то некого. Основатели мирового терроризма были людьми семейными и даже многодетными, доживали до глубокой старости и умирали спокойной, благородной смертью в собственном доме и при хорошем уходе внуков и правнуков. Их дети вырастали людьми утончёнными и образованными. А русские верят в судьбу и возмездие только потому, что законы и власть хронически не работают. Пусть верят – каждому по вере его.

Когда Авторитет был молод, ему казалось, что его дети всегда будут желторотыми цыплятами, которых он в любой момент сможет спрятать под крыло. Но дети выросли, ему приходилось задумываться, как они будут жить здесь дальше. Он в какой-то момент понял, что его дети будут жить именно *здесь*. Они не собираются уезжать из этого забы- того всеми богами города. Он мог бы насильно отправить их в Европу, где у него была при- куплена недвижимость на случай непредвиденного отступления, но будут ли его дети при этом счастливы? Они ведь так и не приросли к чужой почве, как не смог прирасти он сам. Авторитет одно время подумывал услатить их куда-нибудь «в Сорбонны да Гарварды», как это нынче модно у богатых русских, но что это будет за семья? Ещё дед говорил, что семья – это кулак, и пальцы его должны быть сжаты вместе. Он не понимал таких зашкаливающих, когда жена какого-нибудь русского денежного мешка хороводится сама по себе в какой-либо евро- пейской стране. Дети вообще на другом континенте не столько учатся в «самом престиж- ном университете Америки, который находится в самом университетском городе Англии», сколько маются дурью на отцовские деньги. А сам глава семьи успешно ворует в России, пока в ней ещё хоть что-то осталось. Не осталось только своих. Свои все высланы за бугор, включая деньги. Именно потому богатые россияне с большими возможностями ничего не делают для России. Не для кого. Свои – все *там*, в эвакуации подальше от этой дикой страны, не пригодной для жизни, а для чужих *здесь* стараться незачем. Они так и говорят, что «сейчас все нормальные люди увозят детей учиться за границу, потому что у России нет никакого будущего, и в ней можно быть только ненормальным», и даже мысли не допускают, что сами лишили свою страну будущего. Россия для них стала какой-то старой покинутой квартирой, в которую можно иногда наведаться для постоя, или чтобы отыскать в затянутой паутиной кладовке что-нибудь ещё имеющее ценность на мировом рынке, но не более того. Можно было бы в этой квартирке поклеить свежие обои, пусть даже самые дешёвые, хотя бы для элементарной гигиены, но всё же незачем – и так сойдёт. Чулан – он и есть чулан.

Это поразительное нежелание богатых и влиятельных соотечественников заниматься собственной страной давно стало полноправным пунктом в перечне прочих странностей

«загадочной русской души». Кажется, если им предложат взойти на эшафот или что-то построить и создать в России и для России, они не раздумывая выберут первое. Экономисты и психологи во всём мире ломают головы, что за причуда такая, почему русские чиновники и крупные предприниматели выводят миллиарды долларов из отечественной экономики через липовые фирмы, открывая вклады в европейских банках и скупая недвижимость за рубежом? Для чего? Нанимают на работу выходцев из беднейших стран мира, объясняя это дешёвой приезжей рабочей силой в отличие от «зажравшихся» соотечественников. И не замечают, что в Европе к таким странам относится уже и сама Россия, что дешёвый наёмный труд – это, как правило, отсутствие квалификации, то есть без качества выполненных работ, которое просто не с кого спрашивать. Миф о нетребовательности гастарбайтеров так раздут, что они выступают чуть ли не жертвами злобных русских бездельников, которые сами не хотят заниматься тяжёлым физическим трудом. Ложь, рассчитанная на безграмотность и безразличие уставшего коренного населения. Тем не менее, выходец из Средней Азии на стройке в Москве в начале века получал двадцать-тридцать тысяч рублей, тогда как средняя зарплата по России составляла пять тысяч рублей даже у квалифицированных работников, людей с профильным образованием. Хорошо помню передачу в конце девяностых, где журналисты и общественные деятели плакали, как мало платят дворникам-киргизам в Москве, «всего-то пять тысяч рублей». Когда инженер в Петербурге получал две тысячи, квалифицированный рабочий – полторы, технолог – семьсот рублей. Россияне теряли дар речи, когда слышали такие «рыдания». В российской глубинке гастарбайтеров нет, их там некому нанимать, у населения нет денег, да и строительства никакого не ведётся. Дворники и грузчики все русские, работают за копейки. В то время как гастарбайтеры вывозят и переводят деньги из России себе домой, а это миллиарды долларов. Например, в Таджикистане денежные переводы мигрантов, работающих в России, составляют 48 процентов ВВП страны, это самый высокий показатель в мире.

На Руси испокон веков бормочут о каком-то мировом заговоре против их «горячо обожаемой» Родины, в которой сами авторы этих обвинений не живут и никому не желают. Да ни одному лазутчику или оппозиционеру не по зубам повернуть «на законных основаниях» такие глобальные финансовые операции по выведению крупнейших предприятий из строя, по развалу и сворачиванию целых отраслей, по разгону специалистов и разбазариванию трудовых ресурсов! Чтобы вырученные деньги тут же положить в швейцарский банк, естественно. Они вкладывают деньги за нефть и газ в чужую экономику, объясняя, что «в этой России нет хорошей банковской системы, в любой момент любые сбережения могут лопнуть». Так создайте эту систему, на то вы и влиятельные люди! В США и Швейцарии она не сама собой возникла – люди её создавали, власть, управление. Но похоже, что у них и мысли такой нет. Они точно так же заявляют, что в России нет «интересной» недвижимости за пределами столицы, даже не догадываясь, что её можно было бы создать. Причина в том, что они не считают себя властью, а ощущают какими-то мелкими щипачами, которым выпала возможность слегка пощипать бюджет и казну, так чего ж не воспользоваться. Главное, вовремя смыться. За бугор, ага, туда. Там для этого всё готово. Русские богачи скупают Лазурное побережье и целые улицы Нью-Йорка – такие заголовки уже перестали быть сенсационными. Они стали нормой. Построить такую улицу в родном Урюпинске – не-а, не катит. Да что там построить – уже находятся русские градоначальники, которые... не живут в родных городах, что возглавляют. Всё по той же причине: «В этой дыре жить невозможно». Сделать из «дыры» уютный комфортабельный город с привлекательными условиями жизни – руки не доходят, да и вообще оно мне надо, когда в Европе уже есть готовые для этого города. Проще туда уехать и семью увезти.

Нет ни одной другой нации на планете, ни одной популяции в животном мире, которая бы так странно себя вела: выкладывала ресурсы из своего ареала в чужую среду обита-

ния, словно бы желая её задобрить или даже шокировать нездоровой щедростью. Именно поэтому в показной русской моде сорить деньгами за бугром всегда проглядывает некая пришибленность и ущербность. При этом нет ни одной нации, которая с таким остервенением вела бы разговоры о своём патриотизме и вопила о любви к Родине. Нигде вы не найдёте такого, чтобы американские политики жили за пределами США, чтобы испанский депутат или мэр Парижа прикупил себе огорожок под Самарой и проводил там львиную долю своего рабочего времени. Но депутаты из Сибири или чиновники с Волги, безвылазно живущие в той же Испании или под Парижем на деньги российских налогоплательщиков, давно стали обычным явлением, которому никто не удивляется. Чего они там делают, эти перелётные птицы, эти Иваны, родства не помнящие? Они там живут! Потому что, видите ли, «в этой дыре России» нормально жить невозможно. Их же стараниями.

С другой стороны, такое поведение вполне объяснимо, если учесть, что эти люди стали богаты воровским путём. Такое стихийное обогащение было возможно только с помощью нарушения закона и при поддержке... со стороны закона. И не бывает, чтобы вор украденные средства потратил на обустройство жизни ограбленных. Это противоречило бы самой логике воровства и психологии преступника. Именно поэтому у нас так трудно выбить хотя бы косметический ремонт подъездов или запуск автобуса для школьников, вынужденных ходить в школу за десять километров через лес. Разграбившие целый город деятели не выделяют и копейки на такую галиматью. Они будут изображать боль за Отечество, морщить оплывшую от обжорства и пьянки рожу, ныть и причитать, как они устали от этих зашкаливающих капризов какого-то быдла, вообразившего себя людьми. Им в самом деле некогда, потому что надо лететь в Болгарию, где они собираются прикупить симпатичный коттедж на побережье, а потом их ждёт «рабочая поездка» в Финляндию, где... А тут эти холопы, мать их, бормочут что-то о ремонте каких-то обваливающихся потолков! Жили вы при них и дальше проживёте, если это вообще можно жизнью назвать. У вас всю дорогу если не потолки осыпаются, то полы проваливаются или асфальт под ногами крошится. Мы чем виноваты, что вы так ходите? Ох, дикая страна! За что, Господи, за какие такие грехи нас сюда закинуло?

Человек, ставший миллиардером на развале и распродаже нескольких промышленных предприятий, на обмане десятков тысяч земляков, оставшихся без работы и зарплаты, не будет ничего для них делать. Не для того он воровал и дрожал как лист осиновый, как бы не спалиться, не для того нервную систему расходовал и валидол глотал, запивая водкой. Ему дешевле и проще вывести деньги и ценности из «этой помойки», выслать всех, кто ещё дорог, чем попытаться из устроенной им помойки сделать оазис. Это в самом деле противоречит всякой логике: восстанавливать то, что было тобой же умышленно разорено и разрушено только что.

Но у нашего Авторитета *свои* все были *здесь*. И он всё чаще приходил к странной для себя мысли, что ему не всё равно, какая жизнь здесь царит сегодня и какой она будет завтра. Ему надо обустраивать жизненное пространство для своих детей. И ни где-нибудь, а вот *здесь*. Не в Европу везти на всё готовое, созданное кем-то другим, а создавать приемлемые условия жизни самому. Здесь, где царит такой упадок, что от безысходности пачками спиваются здоровые и сильные мужики, а бабы превращаются в бесполоую тяговую силу. Его дочь одно время училась в Петербурге, но потом решила, что хочет жить и работать в родном городе. Авторитета это в какой-то степени напугало, потому что наш город на его взгляд не был предназначен для жизни.

— Зато у нас жить интереснее, — объяснила ему дочь. — Живёшь и не знаешь, чем всё кончится. А неизвестность всегда лучше, потому что есть надежда, что всё будет хорошо. Жизнь в большом городе беспокойная и нервная, а наша успокаивает и разгоняет мрачные мысли. В мегаполисе существует множество сообществ, и каждый человек вращается в своём кругу, имеет обязанности перед ним. Времени не остаётся даже на родственников. Сосед не знает

соседа, жители одного подъезда имеют самые смутные представления об обитателях соседнего. А я знаю почти всех поимённо, кто живёт рядом, кто чем занимается. И меня все знают!

– Давай, я тебя в Англию отправлю учиться, – предлагал ей Авторитет, – раз в Питере не хочешь.

– Нет! – топнула она ножкой. – Папка, ты меня не слушаешь!

– Слушаю тебя внимательно...

– Не слушаешь! Ты до сих пор считаешь меня птенчиком, который расчирикался не по делу, а я хочу жить *здесь*.

– И сейчас?

– Да! Здесь всё ближе к жизни. Там идёшь по улице: кругом чисто, всё ухоженно, дома красивые, как собранные из конструктора игрушки. А здесь дома серые, грязные – сразу видно, что в них живые и несовершенные люди живут. На верёвках ползунки висят или чьё-то бельё застиранное – пусть это безалаберно, но как-то теплее. Кто-то в трусах на балконе курит, кто-то с соседями через окно разговаривает. То есть слышен какой-то пульс у дома. Сбивчивый, аритмичный, но пульс. А там нет пульса. Всё правильно и идеально. И вот с кем я там буду дружить?

И он смирился, что его дети не всегда будут детьми, что они уже сейчас имеют право и на свои мысли и дружбу. А такой тесной дружбы, как в небольшом городке, не бывает в мегаполисе. Это даже не дружба, а своеобразное родство, потому что все знакомы именно с рождения: все родились в одном роддоме у одного акушера. А сама детская дружба складывается в такие годы, когда всякое притворство исключается, когда в сердца ещё не закралась корысть и неискренность... Авторитет давно не верил в дружбу, даже в детскую, но не мог запретить этого детям. Он видел, что они обросли здесь своими знакомствами, интересами, учёбой, поэтому ему, как отцу, надо уже сейчас обустраивать для них дальнейшую среду обитания, в которой они смогут реализовать себя. Он должен проложить им путь, чтобы у них была возможность бодро шагать по жизни, а не устало чапать по непролазной грязи, когда цель уже не радует, а лишь бы куда-то доползти... Или хотя бы сделать нормальную дорогу на улице, где они живут и по которой каждый день ходят.

Прикинул, сколько это «удовольствие» может стоить, не такая уж и большая для него сумма. Решил отложить до следующего года, но вынуждено передумал, когда его УАЗ умудрился при своём клиренсе напороться на невесть откуда вылезшую посреди дороги корягу, да так крепко на неё подсел, что даже развернуло на девяносто градусов.

Надо заметить, что из-за такого беспробудного и беспредельного бездорожья отечественные автомобилисты тратят значительные средства на постоянные ремонты. А кто-то вообще отказывается от самой идеи обзавестись «колёсами», на которых придётся не столько ездить, сколько их чинить. Бывают случаи, когда моторы в пути отваливаются! Дороги усыпаны мелкими и крупными фрагментами автомобильных деталей, которые отлетают на ходу. Авторитета тоже стало раздражать, что периодически приходится тратить время и деньги на восстановление техники после каждого автородео по родным просторам. Вот и при встрече с этой судьбоносной для нашего города корягой он вылез из машины, присел около неё на корточки, заглянул под капот и вздохнул:

– Придётся асфальтировать.

Опять вздохнул и снова прикинул в уме, что лучше один раз потратить деньги на строительство нормальной дороги, чем сто раз заплатить за ремонт машины, а то и на вынужденную покупку новой, потому что на таких сволочных дорогах бывают поломки, после которых автомобиль восстановлению не подлежит. Даже повеселел от этой мысли и приказал своим людям:

– Найдите-ка мне тех, кто умеет дороги делать.

Первую бригаду ему нашли уже к вечеру, но он её забраковал тут же на корню: она вся состояла из узбеков, таджиков и прочих представителей некогда советских азиатских республик. Националистом он себя никогда не считал, а даже совсем наоборот – когда-то был воином-интернационалистом. Но давно ещё заметил за собой, что при виде южан у него как-то особенно начинают чесаться руки на предмет того, чтобы взять что-нибудь огнестрельное или колюще-режущее и... Такой неподконтрольный его довольно-таки сильной воле рефлекс выработался в результате лазаний по всевозможным «горячим точкам» ещё в дурные девяностые.

Тут же разорался на горе-помощников, которые должны были бы знать об этой черте характера шефа:

– Вы кого мне нашли?! Кого, я вас спрашиваю? Зачем мне эти дети солнца в *моём* городе? Что, русских мужиков уже не осталось, которые работать умеют, или все в начальники подались?

Вторая бригада его почти устраивала: южан нет. Были, правда, среди них несколько украинцев и молдаван, но на них Авторитет никак не реагировал. Один минус: мужики были склонны устраивать перекуры каждые полчаса и не прочь «заложить за воротник» прямо во время работы, отчего в первый же день работ каток оказался в канаве, а целый грузовик гравия высыпали по ошибке не на дорогу, а во двор к какой-то перепугавшейся до смерти старухе. Но от этих «простых мужских радостей» Авторитет некоторых излечил в тот же день, а другие сами о них забыли, увидев процесс «лечения». Но был и другой минус: руководитель бригады, прораб, был склонен к самому наглому и неприкрытому воровству, а от такой «радости» человека не так-то просто вылечить. Проще убить.

А корягу, на которую напоролась машина Авторитета, мальчишки оттащили на улицу Ленина и водрузили её там на небольшой расколотый постамент, оставшийся от памятника Павлику Морозову. Корягу отмыло дождями, и она стала похожа на голову огромного мамонта с мощными бивнями, который словно бы специально вылез из своего Плейстоцена², дабы обозреть, что же происходит на Земле в нынешнюю эпоху, условно названную «третьим тысячелетием». Хотя каждый мамонт знает, что наша планета прожила этих тысячелетий в миллионы раз больше. «Каждый отличный студент должен курить папиросы», ну-ну...

Новый мэр обратил внимание на эту странную композицию и даже спросил кого-то, что это такое. Ему объяснили, что в детском художественном кружке при городской библиотеке занимаются сбором всяких коряг, пней и кореньев, из которых потом вырезают разные поделки и даже целые статуи.

– М-м, это дело, – одобрил мэр и уехал на свой симпозиум градоначальников в Петербург.



² Геологическая эпоха Четвертичного периода или Антропогена Кайнозойской эры, началась 2,588 миллиона лет назад

Гроза тяжело рожала всю ночь. Не гроза, а *fata morgana*³ какая-то. Бывают грозы такие квёлые, скучные, что и грозой-то назвать язык не поворачивается. Урчит полночи, бухтит чего-то, как сварливая старуха, а так ничего и не выдаст. Ни одной стоящей ноты! Застрянет за горизонтом, словно зацепится там за что-то, чёрт бы её побрал! Сидит, как в окопе, постреливает, но не начинает бой. Нет, чтобы жахнуть, грохнуть, ахнуть, как вероломный удар вражеской армии, повергнуть всех своей мощью и быстро уйти от преследования!.. Потом выйдет радуга, а то и две, и дышаться будет так легко-легко, а это и есть счастье...

Но тут вместо нормальной грозы уже третий час вяло маяется какая-то стерва, расплывается по горизонту, как пролитое на стол черничное варенье. Только пугает всех лиловым кровоподтёком на нежном лице заката и смущает тягучим ожиданием: когда же, ну, когда ты скажешь своё веское слово! Никакой канонады, радостной и страшной, когда грохот отдаётся во всём организме, и человек так остро чувствует свою никчемность и ничтожность по сравнению с этой вечной стихией!.. Только отвратительный отдалённый скрежет, словно соседи по общежитию вдруг посреди ночи зачем-то решили передвинуть старую тяжёлую мебель, и никто не поймёт, на кой ляд им приспичило волохать по тесной комнатёнке эту неподъёмную рухлядь. Так бы и врезал тем, кто это делает, чтобы у них все зубы вылетели, да только как тут до них добраться? Железо по стеклу и то приятней звучит!..

Так Авторитет ругался про себя, как соскучившийся по буйным больным врач-психиатр, и ждал, когда же гроза начнёт сходить с ума по-настоящему. Когда все регулярные части грозы подтянутся к месту боя. Но горизонт продолжал утробно пукать и испускать слабый, словно бы отсыревший на складе фейерверк под видом молний. Он раздражённо считал, сколько секунд проходит между вспышкой молнии и ударом грома, когда скорость света, как предельную скорость распространения чего-либо в пространстве, нагоняет скорость звука, которая медленней света почти в миллион раз. Если пять секунд прошло, значит, очаг грозы находится отсюда в двух километрах или около того. Далеко. И духота! Такая духота, словно заживо в землю закопали. От воздуха одно название: весь кислород сгорел, и ты с трудом пытаешься наполнить лёгкие какой-то непонятной душной смесью из азота и пыли. А после грозы всегда такой воздух! Воздух, наполненный желанием жить дальше.

А в такой духоте не сон, а какое-то забытьё. Авторитет вспомнил, как раньше, когда-то очень давно, словно это и не в его жизни было, он любил гулять под дождём. Раньше, когда ещё ничего не слышали о кислотных дождях, люди часто гуляли под дождём, даже пили его и голову мыли. Это был кайф – пить с неба воду, которая упала на тебя с высоты нескольких километров. Трюк из разряда «не пытайтесь повторить», потому что теперь пить дождь можно только под личную ответственность. Но до сих пор в его городе в дождь мало кто открывает зонты, потому что в людях осталась какая-то почти языческая вера в святость дождя, летнего ливня, от которого не закрываться нужно, а как раз открыться ему. И ещё он вспомнил, как они непременно звали друг друга посмотреть на радугу, если кто-то замечал её первым. И небо было такое прозрачное и бескрайнее, хоть ведром его черпай...

К пяти утра в грозе проснулась, надо полагать, совесть, и жахнула настоящая, махровая стихия! Такая грозища, как разгневанная прекрасная женщина, которая в гневе становится ещё прекрасней. Молнии во всё небо стали бить в линию горизонта, раскалывая пространство, гром сотрясал воздух, ливень нещадно хлестал землю. Крупные капли дождя увесисто и часто застучали по листьям и крышам, чем напомнили звук сыплющихся гильз при плотном огне. Всё засверкало и загрохотало! Или сначала загрохотало, а уж потом засверкало безо всяких пауз между вспышками и сплошным громом? Гроза с невиданным энтузиазмом принялась за своё электро-стратегическое дело: заревела бронетехникой, закидала бомбами, пронеслась, сотрясая воздух, ракетами. Авторитет сразу как-то успокоился и уснул сном

³ Фея Моргана (итал.) – сложное оптическое явление в атмосфере, состоящее из нескольких форм миражей

младенца. Ему снилось, что у него запас на три боя, и он хорошо окопался. А хорошо окопаться в такой ситуации – самое главное. Когда хорошо окопаешься, уже ничего не страшно – как в колыбели. Так зароешься, что пусть хоть танками тебя утюжат. А если ещё с боекомплектom на три боя...

Он любил, когда ему снилась война. Желая того или нет, он возвращался туда, где чувствовал себя на своём месте, где понятно, куда и сколько стрелять, а звуки далекой канонады наполняли не страхом, а состоянием привычного душевного равновесия.

Стихия грозы давно разбросала все молнии, ночь закончилась. А он всё спал и видел прекрасный сон, как готовится к следующей вылазке врага и у него предостаточно патронов и гранат. К семи утра пришёл прораб, и жена Авторитета пошла наверх будить мужа, который любил спать на чердаке. Оттуда обзор местности лучше. Она зашла в его комнату и поняла, что к нему сейчас лучше не подходить. За двадцать лет совместной жизни она хорошо изучила повадки своего благоверного, иногда очень странные, мягко говоря. Бывало, он становился таким напряжённым во сне, как кот, которому снится охота, на которой он вот-вот сцапает мышь или воробья. Дёрганым каким-то становился и нервным, словно сейчас вскочит, выпрыгнет куда-то в окно и помчится по полю на всех четырёх, превращаясь в зверя на ходу, как проспавший рассвет оборотень. Однажды, ещё в начале их семейной жизни, она подошла к нему спящему, чтобы поправить одеяло, а он вдруг, не открывая глаз, крепко схватил её за руку и так сильно и резко дёрнул куда-то вниз, что она полетела кубарем на пол и от ужасной боли в запястье даже потеряла сознание. Потом сам наложил ей повязку на место вывиха и не знал, как объяснить такое идиотское поведение. Зачем-то рассказал случай, как его бывший сослуживец убил жену вилокй спросонья. Есть такие мужики, которые имеют привычку жрать, лёжа на диване. Вот и его сослуживец задремал с вилокй в руке. И чёрт его знает, что ему там приснилось, но, когда в комнату вошла жена, чтобы положить в шкаф выглаженное бельё, он эту вилокй метнул ей прямо в глаз. Их так в армии учили до одури, до автоматизма, до тошноты, чтобы посреди ночи тебя разбудили, а ты бы смог выполнить сей приём тихо и точно. Ещё и пошутил, как герой Юрия Никулина в «Операции Ы» до того доупражнялся с ломиком, что потом даже у калача отломал дужку. Просто хотел её развеселить. Но жена на это в ужасе прошептала:

– С кем я связалась?..

– Теперь уж поздно каяться, девушка, – снова попытался он обратить всё в шутку. – Знала б ты, сколько я этих «вилкок» засадил точно в цель.

Пошутил, называется. У жены покатились слёзы из глаз, как крупные чистые бриллианты. Он любовался на эти алмазные капли на нежных щеках: «Ты такая красивая, даже когда плачешь». Большинство людей плачет безобразно. Смеётся, впрочем, тоже. А она и смеялась красиво, тихо, как лесная птица, только для себя. И для него.

Она редко плакала, что даже удивительно, но это всегда был сигнал, что он перешёл грань допустимого. Потом понял, что ей на самом деле больно, и стал грозиться отрезать себе ту руку, которой её травмировал. Даже нож чуть ли не из-под подушки вытащил! Пришлось дать ему оплеуху:

– Я те отрежу! Мало того, что псих, так ещё и без руки будешь, – сдержанно морщилась она от боли, чтобы не провоцировать его. – Ой, с кем связалась! Только подошла, чтобы... К тебе что, и подойти нельзя?

– Можно, – виновато лепетал он и целовал перебинтованное запястье жены. – И даже нужно.

– Котя, что же с тобой сделали, – смотрела она на него внимательно.

Этот вопрос без вопросительной интонации подействовал на него отрезвляюще. Он сразу как-то успокоился и уткнулся ей лицом в колени: «Ленка, прости». Больше подобных инцидентов не повторялось.

Теперь она стояла у лестницы и думала, как же его разбудить. Увидела на полу под окном опавшие цветы бегонии, взяла один обмякший бутон и бросила к кровати. Бутон плюхнулся на пол и рассыпался на лепестки. Это шмякающий звук вынул Авторитета из глубокого сна, но не разбудил окончательно, а только переместил куда-то ближе к границе сонного царства. Он автоматически зашарил рукой сбоку от себя, там, где во сне у него лежал запас патронов. Пробормотал в ужасе, не открывая глаз:

– А где мой запас?

– Враги унесли, – спокойно ответила жена. – К тебе прораб пришёл.

Авторитет сел на кровати, всё ещё балансируя на той границе, с которой так легко упасть и снова провалиться в самый глубокий сон.

– Костя, тебя ждут, – жена уже спускалась вниз по лестнице.

– Что?.. Иду.

Тут он совсем проснулся и попытался припомнить, что же ему снилось. Что-то хорошее. А в реальности что-то раздражало. Что-то определённо его раздражало. Нет, вокруг всё нравилось, всё было так, как он любит. Но что тогда? Прораб? С ним сегодня будет разговор особый... Запас? Какой ещё *запас*? Запас, запас-с-с... Вертелось на языке это слово, а в связи с чем, он уже не помнил. Но не оно раздражало его. А что же?..

Авторитет редко болел физически, если только болезнь не вторгалась в организм в виде куска свинца или острой стали. За всю жизнь пару раз лежал в госпитале, а так отпугивал от себя любое недомогание колоссальной злостью, ненавистью к разгильдяйству и постоянным движением куда-то вперёд или даже назад, лишь бы не стоять на месте. Но с некоторых пор стал замечать за собой, что... не совсем здоров. И болело-то непонятно что! Душа, что ли? А разве она у него есть? Разве он имеет на неё право?

Ведь всё было когда-то совсем не так. Не было этих странных и страшных видений, ему казалось, что он может чётко сформулировать любую мысль. Но затем какие-то его воспоминания теряли стройность, обрывались на самом важном и становились совсем бессмысленными. Они не перегорали и не изживали себя, словно замкнули его на себе. И это что-то, не передаваемое словами, останется с ним на всю жизнь, до последнего дыхания как самое главное и неизбежное. Он очень хотел восстановить, разглядеть, разворошить, что пережил когда-то давно, но в то же время очень боялся этого. От этого уставал больше, чем когда-либо. Да-а, труднее всего работать над собой, а не над другими. Вымарать что-то из своего сознания не так-то легко. Это трудно и даже невозможно. Хорошо бы кто придумал, как из души вытащить и выкинуть весь накопленный хлам, как занозу вытаскивают из пальца пинцетом. Вот носи это в себе. И ведь носишь-то, сам не знаешь, что! Какое-то прошлое, которое иногда так захватывает ум и настроения, что не даёт дышать, словно по горлу карабкаются тысячи острых песчинок и раздрают гортань изнутри... И это прошлое может вылезти некстати и даже взорваться.

Может, этот способ давно придуман, его надо только найти? Ага, нашёл – едва сам ушёл... Ещё за границей от нечего делать Авторитет прочитал пару книг по психоанализу, даже к врачу ходил и узнал, что есть какое-то полное очищение психики, когда душа освобождается от всей той грязи и ерунды, какую она вбирает в себя в процессе жизни. Но тут же понял, что он вряд ли сможет так вывернуть себя наизнанку, потому что чего там у него только не было! Он говорил, что не всё помнит о себе, но при этом обладал феноменальной для мужчины памятью: ничего не забывал. Жена иногда удивлялась, что он никогда не пропускал «такие пустяки», как дата их свадьбы или дни рождения её родителей – все те годовщины и события, которые большинство мужчин не считают нужным помнить. Но когда он пытался обнаружить самое страшное из содержимого своей памяти, едва начинал перебирать самые болезненные впечатления и воспоминания, как они, словно бы испугавшись разоблачения, убегали от него, таяли, перемешивались и видоизменялись до неузнаваемости.

Маскировались подо что угодно, лишь бы он их не обнаружил! Он словно бы хватал их за хвост, притягивал к себе, чтобы разглядеть повнимательней, что же они собой представляют, как им так удаётся терзать его, но они всегда вырывались, выскальзывали и исчезали. Как в детских стихах про Мойдодыра, которые он читал детям, когда они были совсем маленькими: «Одеяло убежало, улетела простыня. И подушка, как лягушка, усакала от меня. Я за свечку, свечка – в печку! Я за книжку, та – бежать и вприпрыжку под кровать!.. Боже, боже, что случилось? Отчего же всё кругом завертелось, закружилось и помчалось колесом?». И в этих последних словах для него была сокрыта такая драма, что он хотел проорать их так, чтобы куски больной памяти навсегда покинули его нарушенное сознание. Но это напугало бы детей.

Потом он подумал: а стоит ли вытаскивать эти воспоминания на поверхность? В любом компьютере есть такие системные файлы, которые лучше не удалять и даже не просматривать, иначе вся система выйдет из строя. Есть программы-шпионы, вирусы, которые становятся опасными только в момент их вскрытия, а до этого они могут спокойно храниться годами где-то на жёстком диске. Человек создал компьютер по своему образу и подобию и придумал способ очистки его диска именно потому, что сам не в состоянии вот так нажатием одной кнопочки очистить своё донельзя захламлённое сознание. Он и рад бы его не захламлять, но что делать, если жизнь в избытке поставляет события, которые лучше бы никогда не видеть, никогда в них не участвовать. Засядет так в голове какая-нибудь зараза, как паразиты в кишках, и попробуй, избавься. Когда дочь училась на врача, она вычитала ему из какого-то учебника, что симбиоз живого организма с вредными микробами необходим для продления жизни, а без каких-то там бацилл были бы невозможны некоторые фазы пищеварения и обмен веществ. Что касается абсолютной чистоты организма, то это утопия, так как полностью стерильный человек существует только в абстрактных теориях. Может быть, и абсолютно чистое сознание – такая же утопия, раз жизнь постоянно поставляет человеку всякий хлам для усвоения?

Так он пришёл к выводу, что ему лучше не копаться в своём искалеченном внутреннем мире, не расковыривать плохо заживающие раны, не давить бацилл сознания, а то в психике начнётся какая-нибудь гангрена и «вся система выйдет из строя». И если самое простое определение психического здоровья состоит в отсутствии психических расстройств, то разве, по аналогии, отсутствие телесных заболеваний и физическое здоровье – одно и то же?

Но сегодня его что-то ужасно раздражало, и он хотел понять: что же. С ним такое иногда бывало. Навалится какой-то гнев на разум, а как его выпустить и на кого – он не знал. Было у него для таких случаев только одно твёрдое правило: никогда не направлять его на своих...

– Песок-то разгружать?

– Да подожди ты!

Авторитет прислушался к доносившимся с улицы голосам и почувствовал, как что-то скрипит у него на зубах. Песок! Вот что его раздражало. Сыпучее и сухое до першения в горле слово «песок», от которого у него сразу возникало смутное чувство ужаса и приказ не дышать. Поэтому он сразу задышался. Но не всегда. Иногда. Больше всего бесило, что он не может вычислить, когда же произойдёт это «иногда». А ещё больше злился на себя, что очень боится этих внезапных приступов. Получается, они были сильнее его, они держали над ним власть. Он не знал, что надо сделать, кого убить, чтобы освободиться от них.

Он не помнил, когда это случилось в первый раз, но отлично запомнил второй. Они тогда с женой были в Зеленогорске, где он увидел на залитом солнцем пляже много песка. Увидел, как отдыхающие в шутку закапывают в нём друг друга. И вдруг ему от этого зрелища стало плохо, как никогда прежде не было. Какая-то невозможная резь в глазах и сдавленность в груди, так что нельзя сделать вдох. Он запомнил, как мимо проплывали незна-

комые люди, заглядывали ему в лицо, давали жене советы, что надо делать, а он был готов убить этих самонадеянных болванов за их советы: откуда они могут знать, *что* с ним?! Жена смотрела на него вопросительно и с тревогой. Ему стало стыдно, что он постоянно её пугает, и как она выдержит, если это на всю жизнь. И страшно, что с ним происходит что-то неподдающееся контролю. Она увела его с пляжа в санаторий. Потом уже вечером он тихо встал с кровати и пошёл на залив. И ничего не случилось! Стоял на берегу по щиколотку в этом песке, испуганно прислушивался к своему организму, не отколет ли он опять какой-нибудь номер, не накатит ли удушающая боль в горле. Потом совсем осмелел, полежал на этом песке, и хоть бы хны! Потом его нашла жена, и они долго гуляли, обнявшись по полоске набегающей и отступающей волны, как и многие другие отдыхающие. И все эти люди ему тогда были ужасно симпатичны, мир нравился до невозможности... А через полгода приступ повторился. И вот он никогда не болел, но очень стыдился этой своей слабости.

Жена ему сказала, что некоторые люди боятся воды, а он боится песка, и в этом нет ничего ужасного. Просила, чтобы он перестал бороться с собой, пусть всё идёт своим чередом: «Всё равно тебя не брошу, потому что ты хороший». Так у них повелось, что она иногда читала ему вслух, а он слушал, закрыв глаза, когда уставал так, что не мог спать, но и сам читать не мог: буквы прыгали в поле зрения. Слушал не столько книгу, сколько её голос, нежный и твёрдый одновременно, глубокий, как тихое лесное озеро, в котором запросто утонуть, поддавшись на эту обманчивую тишину. Ему нравился её голос, даже если приходилось его повышать. Он как-то сразу успокаивался от его звучания, узнал бы его из тысячи.

Однажды она читала ему книгу, что раньше у представителей высшего класса была забава изображать из себя психически неуравновешенного человека. Считалось, что у низшего грубого сословия, крестьян, солдат и мастеровых, нет души, психики, так что и болеть там нечему. Эта публика создана для тяжёлого физического труда и изнуряющей службы, где душа не нужна, поэтому ею обладает только элита. Вот элита и отрывалась по полной: демонстрировала друг другу свои заскоки, словно некое соревнование шло, у кого этой души, стало быть, больше. Всевозможные эпилепсии и шизофрении были в такой моде, что ими «болели» через одного. Якобы у избранных души так много, больше всех отвесили при раздаче, аж воспалилась. Реальным душевнобольным завидовали белой завистью! Нервные расстройства считались признаком сильной личности от переизбытка психической материи. Дескать, изболелась душенька за страну и народ, будь он не ладен, довели элиту до безумия. Но поскольку подавляющее большинство всегда психически здорово, то приходилось культивировать в себе разные странности искусственно и даже насильственно. Некий граф, например, приходил в гости и поедал там не угощение со стола, разговаривая о высоком, а цветы на окнах. Все к этому так привыкли, что заранее готовили обладателю сложной душевной структуры горшочек с сочной геранью – всё ж вкуснее сухого плюща.

Авторитет редко так смеялся, даже просил ещё перечитать. Он вспомнил, как призывники жрали цветы на медкомиссии в Военкомате. Кактусы! Районный психиатр-садист специально горшки подменил, а то надоело смотреть на совершенно здоровые и хитрые рожи детей трудового народа, как они бодро жуют его любимый хлорофитум, словно салат метут. Эка невидаль – традесканцию слопал! Это любой дурак осилит, а ты попробуй колючее дитя пустыни. Один плечистый пэтэушник сожрал три штуки за подход!

– Браво, – мрачно констатировал председатель комиссии. – К службе готов. Туда, куда вас отправят, молодые люди, таких сочных кактусов, конечно, нет, но разных колючек предостаточно. И вам придётся иногда их кушать. Инструктор объяснит, как это лучше делать. Кстати, сами колючки жрать совсем не обязательно. И ещё... Вас там по-настоящему сведут с ума, так что я не прощаюсь.

И заботливо выдернул несколько иголок из носа расстроенного призывника, который потом дослужился до майора спецназа, сейчас уже на пенсии, выбил у армии квар-

тиру в ближних пригородах Северной Столицы. В буквальном смысле выбил – начальство за горло взял, когда оно крякнуло своё излюбленное: «Ещё не время сынок, не все пингвины в Антарктиде по хоккейной клюшке получили». Крышует бизнес в своём районе, иногда Авторитету помогает решать кой-какие мелкие проблемы. В преступном мире известен под позывным Кактус. До сих пор недоумевает, зачем жрал эту гадость. Напугали ребёнка армией, а оказалось, что на гражданке куда как страшней.

Бывает же такое, чтобы здоровому человеку приходилось изображать из себя безумного! У элиты и в новом веке это модно – данная публика не меняется. Говорят, что в новом веке мир переплюнет самого себя по части сумасшествий за все предыдущие столетия. Авторитету же очень хотелось избавиться от этого состояния, которое он не знал, как и обозначить. Больше всего бесило, почему он не может понять, когда это произойдёт в следующий раз. И главное, он очень много видел песка на войне, наглотался его предостаточно на Кавказе и Балканах, но там этого просто не замечал. А в мирной жизни мог запросто сделаться больным и беспомощным от одного его вида.

Сегодня на Лесную улицу должны были привезти песок для строительства дороги. Он знал это ещё вчера, и вот со вчерашнего в нём сидит ужас: «А если сейчас это повторится?». И уже давит на виски этот кошмарный звук сухого сыпучего песка: «а если... а ессли...».

– Тьфу ты, детские капризы! – он разозлился на себя и окончательно проснулся.

Встал, оделся и подошёл к окну, выходящему на улицу. Светило солнце, отражаясь в бесчисленных лужах и мокрой листве. Заметил «КамАЗ» с песком и тут же отвернулся. Посмотрел в другое окно на двор, увидел жену за странным занятием: она сачком бережно вылавливала из пруда какую-то траву. Он догадался, что это, видимо, ночной ливень смыл цветы с её любимой клумбы. Улыбнулся, вздохнул и стал спускаться вниз, где его ждал прораб – тот ещё фрукт.

Авторитет сразу заметил, что прораб от него шифруется: мусолит какие-то квитанции да бланки, чего-то высчитывает на расколоте калькуляторе. Серенький облезлый мужичонка. И зачем такому деньги? Ворует, как пить дать. Причём так самозабвенно, что даже не понимает, у *кого* ворует, и что с ним за это могут сделать. Это тебе не у государства электричество тырить, вставляя скрепки в счётчик. Я тебе такую скрепку вставляю – ни один врач не разогнёт.

Когда хозяин дома вышел, прораб опять что-то считал и пересчитывал, проверял и перепроверял. Увидел Волкова, вспотел до корней волос, поздоровался одними согласными звуками и протянул какие-то безалаберные бумаги, словно в них продукты заворачивали. Авторитет вздохнул, сел, долго смотрел в документы, повертел их так и сяк и вдруг, как бы между прочим, спросил:

– Тебе что, жизнь наскучила? – и ещё добавил, размышляя вслух: – Это и не удивительно. Такая глупая жизнь, какую ты ведёшь, не может не наскучить.

– ??? – прораб не знал, что и ответить.

– Тебе жить-то хочется? – Авторитет поднял на него свой тяжёлый взгляд: – Отвечай, когда я спрашиваю, дурак.

– Хочется, – растерянно пробормотал прораб и захлопал ресницами.

– Очень хочется?

– Да, – честно призналась бедная жертва.

– Я не чувствую, что тебе в самом деле жить хочется. Сдаётся мне, что решил ты на тот свет отправиться...

– Нет!

– Зачем тогда меня обманываешь? Ты разве не знаешь, кто только собирается меня обмануть, после этого больше двух часов не живёт?

Авторитета и в самом деле было очень трудно обмануть: он слишком хорошо знал, что почём в этой жизни. А прораб так увлёкся, что добыл где-то две тонны песка по цене трёх.

– Песок-то золотой, поди, раз по такой цене? – продолжал допрос Авторитет. – А если я тебя в нём зарою, а? Как тебе такой вариант?

– Да что Вы, Константин Николаич, Господь с Вами! – прораб хотел бы убежать, но понял, что поздно. – За что же?

– Для общей релаксации. Будешь лежать в песочке под дорогой, и никто не узнает, где могила твоя, – Волков принялся смаковать очень нехорошие вещи. – Ты же не Чигисхан и не последний русский царь, так что твою могилу никто восемь веков или восемь десятилетий искать не будет. Такие, как ты, каждый год пачками пропадают без следа. И никто не ищет, потому что никому такие не нужны.

– Про... сти... те ме... ня.

– Бог простит. Но я не Бог, поэтому не прощаю. Берегись бед, пока их нет – слышал такую поговорку?

– Н-не н-надо, а? – потерянно пролепетал прораб.

– Да отчего же не надо? – весело воскликнул Авторитет. – Надо, Федя, надо!

– Я не Федя, я...

– Это уже не имеет значения, кто ты: Федя или внук медведя. Ты у нас Сфинксом будешь. Ты знаешь, что большой Сфинкс в Гизе до начала двадцатого века был погребён под толщей песка? Даже великий Геродот по этой причине в своих «Историях» не упоминает о нём, хотя при этом подробно описывает пирамиды. И это в пятом веке до нашей эры! Представляешь себе, столько веков лежать в песках? Это страшно, уж ты мне поверь. А спустя века – не знаю, кто тут будет после нас: китайцы, корейцы, индусы – откапают тебя археологи и будут учёные головы ломать: «А чегой-то он тут под дорогой делает?». Выдвинут какую-нибудь нелепую гипотезу о переселении народов или ещё что-нибудь в этом роде: дескать, шёл человек куда-то, шёл, да не дошёл.

– Не... на... до...

– Я тебя понимаю, – сочувственно кивнул Волков. – Ещё из классиков кто-то заметил, хотя смерть и старая штука в этом мире, но каждому в диковинку. Умереть – это очень плохо, потому что это – на всю жизнь. Ты не бойся: мы тебя не больно зарежем. Мы тебя вообще резать не будем. Живьём зароем. Так даже интереснее.

У прораба похолодело внутри. Он услышал, как люди Авторитета, стоящие в дверях, тихо посмеиваются издевательским словам своего хозяина. Снова захлопал ресницами и заскулил:

– Да я же не для себя, Константин Николаич! Жена-зараза каждый год хочет на курорты кататься, представляете?!

– Да ну? – сделал Авторитет удивлённое лицо. – А что жена должна хотеть? Гнилую картошку тебе к обеду чистить?.. Да ты столько украл, что и на десятерых жён хватит.

– А вот и нет! – капризно заспорил прораб. – Не хватило: одной дай курорт, другой – машину высший сорт, третьей – квартиру, четвёртой – ремонт сортиру...

– Ха-ха-ха! – Авторитет и его люди так и грохнули дружным смехом, когда этот маленький и тщедушный человечек чуть ли не в стихах поведал им, сколько у него баб.

– Поломали они мою жизнь, Константин Николаич! – прораб уже на коленях ползал. – Погнули! Всё через их подлое бабье племя пошёл на воровство.

– На кой чёрт ты их нагрёб в таком количестве?

– А как же?.. А как же! Это же им нужно, а не мне! Я ж – мужчина редкого обаяния и физических качеств. Меня женщины пленгуют на расстоянии. Я только на улицу выйду, а они уж...

Прораб говорил это совершенно серьёзно, а Авторитет умирал со смеху. Но вспомнил про песок, сразу помрачнел и сказал:

– Жизнь не пруттик, чтобы можно было сломать. Её как ни подминай, а она всё одно выползет на ту дорогу, какая ей предназначена. Так что не хнычь, гигант секса, что слабый пол столкнул тебя в канаву с истинного пути. Быть тебе Сфинксом.

– Да зачем же так-то, Константин Николаич? – прораб уже просто недоумевал. – Третье же тысячелетие на дворе! Ну зачем такие азиатские методики? Я же всё отдам, до копейки верну. И потом, воля Ваша, а совсем без воровства в наше время тоже как-то нельзя. Совсем подозрительно было бы, согласитесь, на фоне тотальной коррупции в высших эшелонах власти, где счёт уже на миллиарды долларов идёт. Я по этим меркам взял вовсе ничего! Где это видано, чтобы нынче хороший работник вовсе ничего не присвоил, чтобы до такой степени себя не ценил?..

– Что ж с тобой поделать, любимец женщин? Кому не умирать, тот жив будет, – Авторитет встал и двинулся к выходу. – Ну-ка, покажи мне песок, мужчина редкого обаяния.

Прораб испуганно засеменил за ним. Авторитет вышел и увидел, что его сыновья и соседские дети лазают по огромной куче песка, насыпанной посреди улицы: скатываются с неё со смехом и снова заползают наверх. Песок совершенно сухой в отличие от насквозь промокшей за ночь земли. Авторитет словно бы не поверил глазам своим, подошёл ближе, потом сделал пару шагов назад, опять приблизился к песку и потянул носом. Прораб не понял, что бы это значило, поэтому испугался ещё больше, а Волков уже расслабился, сразу подобрел и сказал почти устало:

– Ладно, чёрт с тобой: вернёшь всё с процентами, какие я тебе укажу, и катись к своим шлюхам... Проценты эти не мне, а тебе нужны, чтобы ты не испытывал угрызений совести.

Прораб с радостью достал из кармана раздолбанный калькулятор и приготовился считать.



Вся наша Загорская улица после ночной ливневой грозы вылавливала свою рассадку из ручьёв и прудов. Ливень был такой сильный, что грядки словно бы закатало в асфальт: всю зелень и верхний слой земли смыло, так что огороды покрылись плотной тяжёлой коркой промокшей насквозь почвы. Стихия, одним словом. Смыла эта стихия рассадку капусты и свёклы в ручей у подножия Ведьминой Горы – огромного холма, южный склон которого был похож на лоскутное одеяло из небольших огородов, что выделяли связистам ещё в прошлом веке, вот мой отец и отхватил свои четыре сотки.

Капуста и свёкла – это щи да борщи зимой. Это наше всё! Да и вообще хорошо промозглой осенью или холодной зимой по возвращении с работы съесть тарелочку тушёной капусты, способов приготовления которой наверно больше, чем сказок народов мира, под Новый год отведать селёдки под шубой. А голубцы и пироги! А корейский салат – ну, куда ж ему без свёклы? Вот поэтому все дружно с утра вылавливали из ручья то, что к осени должно превратиться в эти полезнейшие овощи, и приводили в чувство.

Рассада была похожа на спасённых от утопления зайцев из-за двух длинных лепестков в виде ушей на каждом ростке. Их вылавливали руками и москитной сеткой, кто-то даже шумовкой орудовал, раскладывали на газету, и они лежали, безжизненно свесив свои уши. Их, бедолаг, недавно высадили, поэтому они не успели дать длинных корней и так легко оторвались от земли. Но это даже лучше, чем ситуация, когда рассада кое-где уже прижилась, окрепла, но её сломало потоком воды и земли. А смытую рассаду ещё не поздно снова воткнуть в грядку после небольшой реанимации.

К ручью и с другого берега прилегает множество огородов, но уже работников местного деревообрабатывающего комбината, предприятия некогда зажиточного, поэтому участки там побольше. Есть даже постройки, которые никак не назовёшь хозяйственными для хранения инвентаря или «летнего типа» для укрытия от ненастной погоды и отдыха во время работы, как положено по правилам застройки садоводств. Оттуда тоже все ринулись вылавливать рассаду. А как её отличить, твоя она или ещё чья? На ней же не написано: «я росла у Ивановых» или «собственность участка Петровых». Правда, на том берегу уже кто-то кричит высоким голосом, что у его рассады на спинке лепестков есть «такая сеточка из особенных прожилок», да кто их будет рассматривать. Люди ругаются и спорят, что вот этот бордовый корешок со слипшимися листочками принесло в ручей именно с их огорода, а никак ни с соседского или тех, что выше. Рассада почти полностью выловлена, но на всех пострадавших от ночного ливня её не хватает: видимо, значительная часть была унесена потоком воды в реку. Кто-то, допустим, посадил две сотни ростков свёклы, а выловил только десяток. Естественно возникает мысль отвоевать недостающие ростки у других граждан, доказать любой ценой, что им досталась его рассада, которую он «узнал в лицо».

К обеду на соседнем участке завязалась драка. Там держала огородик Саша – жена Серёги Бубликова. Она тоже выловила часть рассады, разложила её подсушиться, но тут с другого берега пожаловала разметчица Зина со своим сожителем Борькой, которого она увела из семьи аж с Псковской области, и в наглую забрала часть рассады себе. Саша расстроилась и позвала своего Бубликова, который спал в гамаке выше по склону, накрывшись газеткой. Серёга долго разбираться не стал, а сразу же погрузил Борьку с головой под воду в ручей. Собирателям рассады от этого стало даже как-то веселее работать, хотя кто-то и негодовал, что драчуны «помяли мои семейдоли». Борька вынырнул и стал орать, что Бубликов получает хорошие деньги и мог бы вообще круглый год покупать овощи и фрукты на рынке. Серёга секунду подумал и принялся шипеть на супругу, мол, чего она постоянно прибедняется и возится с этими огородами, позорит его. Зина обрадовалась такому повороту разговора и даже назвала Сашу чумичкой и потомственной нищетою. Бубликов после этих слов и Зину скинул в ручей, объяснив, что только он может обзывать свою жену разными словами. Началась битва на Дунае в миниатюре, а под конец Бубликов прокричал фирменное:

– За вас же, суки, кровь проливал, пока вы тут совхозный турнепс воровали!

– И чего Ваш водитель на каждом углу кричит, что он где-то кровь проливал? – спросили кого-то на нашем берегу. – Чего ж он так, сердешный, надрывается?

А спросить так могли только Авторитета. Он в самом деле стоял на дорожке у Ручья в каком-то спортивном костюмчике и надвинутой на глаза панамке, как рядовой обыватель, так что его и не замечал никто до поры до времени. И со скучающей улыбкой наблюдал за шумной сварой, которая обросла новыми действующими лицами и покатила вверх по склону на другие огороды. Стоящие рядом с Волковым сразу притихли, как только заметили его.

– По-видимому, он думает, что ещё не все об этом знают, – тихо ответил он на заданный вопрос и ударился в пространные размышления, словно бы сам с собой заговорил: – Так всегда бывает, когда человек слабее реальности. Это, как я вычитал в книге одного психолога, «страшная реальность вступила в конфликт с его идеалами и мечтами о героизме и подви-

гах». Мечтает идеалист об орденах и дамочках, которые вешаются ему на шею, когда он с победой вступает в отвоёванный у других самцов город, а на деле получает ужасный быт в казарме, равнодушие властей, постоянную опасность и противоестественную для человеческого организма деятельность. Из-за противоречий индивидуальности со стандартами процесса войны и происходят все эти крики... Вот такой героизм и развратил нас всех. Опасная отравка. Начитались книжек о героях, насмотрелись фильмов о крутизне, а реальная жизнь оказалась сложнее книжных прописей. Вот он и орёт. Давит этот героизм на мозги, как ботинки жмут. «Там его и закопали, а на камне написали, что ему ботинки жали, но теперь уже не жмут»...

– Кого закопали?

– Да неважно... Ведь убьёт же кого-нибудь, кувалда такая, а? – Авторитет уже с тревогой наблюдает за дракой, потом вытаскивает из-за пояса пистолет, стреляет в воздух и орёт хорошо поставленным командным голосом: – Бубликов, какого... ты там в грязи валяешься?! Мы сейчас в Райцентр едем, а ты на кого похож?

Бубликов от неожиданности метнулся было к своему шефу, потом рванул назад, кому-то там врезал, ему ответили тем же, так что он скатился по склону в ручей и предстал перед Авторитетом по пояс в воде:

– Нервы у тебя ни к чёрту, Серёжа, – выговаривает ему Волков. – Уволю без выходного пособия.

– Они... они же... на мою жену... так я... им... а они... мне, – объясняет Бубликов, но никак не может восстановить сбившиеся дыхание.

– Может, тебе нервишки подлечить? Я это быстро делаю.

– Не-а, не надо! Я бы лучше поехал на Таити отдохнуть.

– Ты у меня на Гаити поедешь, будешь там культ зомби изучать.

– На Гаити не надо, лучше я на нашей речке загорать буду... Но я же не виноват! Они же сами мне...

– Так пристрели их, и концы в воду, – спокойно советует Авторитет и протягивает Серёге пистолет: – На. Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Правда, граждане? – это он обращается приблизительно к доброй сотне человек, столпившихся на берегу. – А ежели кто чего видел, то... всё равно ничего не скажет. Так ведь?

Авторитет иногда любит так пошутить, хотя окружающие не всегда догадываются, шутит он в данный момент или говорит серьёзно. Поэтому после его слов раздалась робкая: «Может быть, не надо?» или уверенные: «Правильно, полстраны можно смело перестрелять, развелось подонков!».

– Это всё Зинка виновата, – уже докладывает Авторитету какая-то бабулька. – Её и надо прибить!

– Да-да, это она своего хахеля на Сашеньку натравила, – закивала другая.

– Какого *хяхеля*? – лениво интересуется вошедший в роль Робин Гуда Волков.

– Да вот Борьку! – указала третья.

– Кто таков? Почему у меня разрешение на прописку не получал?

– Так он кобель приبلудный. Она его от семьи отбила. А он ещё к Таньке с Сосновой улицы шастает по ночам!

– Ну-у? То есть у местных давалок как переходящее красное знамя?

– Да! – восторгу бабулек нет предела, что есть с кем «перетереть» такие важные подробности. – Даже жена евонная приезжала, и они обеи за Борьку этого бились на кольях у Зинки во дворе...

Авторитет только покатывается от смеха и выходит из роли строгого и справедливого судьи. Потом кладёт ладонь на голову какой-то восьмилетней девчушке, стоящей рядом с леденцом на палочке, и назидательно говорит:

- Не будь такой, когда вырастешь. Ладно?
- Ладно, – серьёзно соглашается ребёнок после некоторого раздумья.



Так начиналось лето 2005-го года. Короткое русское лето с терпким запахом полей и лесов, которое из-за своей краткости каждый раз напоминает праздник. В это короткое лето надо так много успеть, пока не наступила осенняя слякоть, а за ней и вязкая зимняя спячка на полгода. Привычные к холодам больше, чем к жаре, люди начинают страдать от духоты и пекла. Дороги становятся сухими и пыльными, высохшая глина превращается в мелкую пудру и оседает на листве и лицах. И снова, в который раз откуда-то с просторов выгоревших на солнце небес, над стрекочущими лугами доносится мысль классика: «Ох, лето красное! любил бы я тебя, когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи...».

После отъезда вороватого прораба асфальтирование Лесной заглохло, едва начавшись. Авторитет страдал неимоверно, так как терпеть не мог простоев. Даже ругать себя начал за эту затею.

– Нет, в кои-то веки собрался сделать полезное дело, и вот на тебе! – жаловался он жене.

Жена слушала-слушала и нашла нового прораба через объявление в местной газете. Авторитет даже удивился, что это можно было так легко сделать. Прорабом оказалась женщина по имени Дуня из-под Архангельска. Крепкая курносая бабёнка лет пятидесяти, мать троих детей и бабушка пятерых внуков – приехала и сразу приступила к работе. Авторитет поначалу отнёсся к ней скептически: не поверил, что бригада ядрёных грубых мужиков станет ей подчиняться. Но ему так надоела волокита со строительством, что он махнул на этот факт рукой: делайте что хотите, но чтоб через неделю была дорога.

– Та-ак, мальчики-зайчики, навались на правый край, крольчата мои! – кричала теперь с самого утра Дуня звонким голосом, и сама работала лопатой за троих.

«Мальчики-зайчики» Дуню, как ни странно, слушались и даже уважали. Зауважал её и Авторитет, когда она составила новую смету. Дуня, как любая русская женщина, живущая в период правления «величайших политиков», знала, как, где и что можно достать дешевле, чем где бы то ни было. Поэтому материалы для строительства дороги стали стоить на треть меньше. Жена Волкова с этой Дуней подружилась и посоветовала мужу заплатить ей больше обещанного. За честность, и что женщина занимается неженской работой. Но тут Авторитет упёрся и сказал, что бабу, занимающуюся неженской работой надо не награждать, а наказывать, потому что именно из-за таких мужики вместо дела занимаются только пьянством и болтовнёй о подвигах далёких предков в позапрошлых веках.

А Дуня тем временем была в своей стихии. Она строила дорогу – небольшую в масштабах огромной России, но очень нужную людям. Дуня знала, что люди любят, когда под ногами ровная твердь, когда на дороге уважены все: и пешеходы, и водители. Поэтому решила, что непременно нужен тротуар. Хотя бы с одной стороны. И фонари. Тоже хотя бы один ряд. И вообще, дорогу можно и надо расширить, для чего придётся выкапывать новую канаву ближе к заборам, а к каждой калитке сделать персональный подъезд. Авторитет отказался наотрез и от тротуара, и от переноса канавы, и уж тем более от персональных подъездов. Маленькая Дуня ходила за ним упрямой тенью и твердила:

– Константин Николаевич, некрасиво же будет! А надо, чтобы красиво, чтобы людям нравилось...

– Каким людям? Я здесь при чём? – не понимал Авторитет, чего от него хотят. – Ты мне асфальт проложи, чтобы я ездить мог, а остальное-то мне зачем?

– Что это будет за улица такая? Ведь надо всё учесть, чтобы удобно было. Вы большой человек и большими делами занимаетесь, а будете жить на такой недоделанной улице...

– Ай, отстань! – Авторитет нырнул в машину и укатил по своим авторитетовским делам.

Приехал и увидел, что старая канава уже засыпана, новая выкопана ближе к заборам, а неугомонная Дуня утюжит катком дымящуюся смолу.

– Я Вам, Евдокия Дмитриевна, не буду платить за эти копки-перекопки канав, – погрозил он Дуне пальцем.

– А я от Вас уйду, – спокойно заявила Дуня. – Не могу так работать. Это не работа, а халтура какая-то. Надо или настоящую дорогу проложить, или вообще никакой не делать. Вы не понимаете, но для меня это как оскорбление. Вот люди пройдут и скажут: до чего же отвратительную дорогу построила. А мне стыдно будет, потому что у меня уже внуки. И я хочу, чтобы они мной гордились, а не думали, что их бабка только деньги с человека взяла, а работу не выполнила, как следует. Вот.

Авторитет даже удивился, что ещё такие люди на земле остались, и решил уступить Дуне в отношении тротуара. Потом он уступил ей и в отношении персональных подъездов, и всего прочего. И даже после завершения работ подарил ей подержанный «Опель» в хорошем состоянии – к машинам Авторитет относился бережно. Приказал своим людям перегнать его Дуне домой и её саму довезти, чтобы по пути никто не ограбил.

Фонари же согласился сделать шурин Авторитета Феликс Георгиевич, кузнечных дел мастер. И сделал. А плохо что-то делать он не умел в принципе, поэтому получилась красота наподобие старинных фонарей с трапециевидными гранями из толстого стекла, с фигурными крышками, на кронштейнах в виде замысловатых завитушек.

– Раздолбают же всё, Филя, – причитали бабульки, когда увидели такое чудо.

– Не-а, – мотнул головой неразговорчивый Феликс. – Чугун не долбают, а куют при определённых температурах плавления, которые можно получить только в специальной печи.

Он сделал такое же ограждение, где дорога проходила над ручьём, который был заключён в трубы под насыпью.

Свежий асфальт облагородили разметкой, а напротив продуктового магазина и на перекрёстках даже нарисовали настоящую «зебру» для пешеходов. Местами установили специальные дорожные знаки и указатели. Получилось так красиво, что люди смотрели на новую дорогу, как несчастные и обездоленные сироты смотрят на игрушечную железную дорогу в витрине дорогого магазина.



Свершилось-таки! Вот и в нашем захолустье дал себя знать XXI век. Не сразу, конечно же, но всё же. А что у нас происходит сразу-то? Умейте ждать и верить в магию чисел. Ждали-ждали и дождались, как в городе появилась асфальтированная дорога. Первая! Настоящая. Нормальная, какой дорога и должна быть. Иначе это не дорога. Асфальт на ней не такой, как на улице Ленина, где половина ингредиентов отсутствует, отчего он больше похож на потрескавшуюся от зноя глину. Словно государство разорится, если сделать нормальное покрытие для его проспектов и бульваров. Государство не разорится, а утратит связь между своими частями, распадется, что гораздо хуже разорения.

Асфальт на Лесной был, надо полагать, самого высокого качества. Дорогу сделали так быстро, всего за неделю, что поначалу казалось, будто она может так же быстро исчезнуть. Но дорога оставалась на своём месте. Это же, в самом деле, не парадный ковёр для встречи высоких гостей, который после их отъезда убирают до следующего визита. И она была сделана так качественно, что на неё ходили смотреть, как на драгоценность какую. Сначала асфальт выглядел как-то непривычно и чужеродно. Ах, как же красив этот асфальт! Как срез дорогого антрацита, который в свете фонарей излучал тёмно-синий цвет со множеством оттенков, переходил в лиловый, а затем и в угольно-чёрный. Гладкая и отливающая блеском нефти дорога уходила вдаль, словно бы XXI век плавно, но уверенно вторгся в неизбывное Средневековье без электричества, водопровода и прочих банальных признаков современности. А в конце гребёной с острыми зубьями чернел лес, над которым нервный ветер перегонял с места на место облака, как составитель поездов перегоняет вагоны, сортировал из них состав, отправлял его, после чего принимался за другие облака-вагоны.

– Как-то не по-русски сделали, – ворчал Глеб Гермогенович, и было непонятно, рад он или по привычке недоволен.

– Почему же не по-русски? – спрашивали его.

– Разве в России что-то делают так быстро и качественно? У нас же принято любую стройку растянуть на века, чтобы только через десять поколений люди увидели результат. Делают в течение веков и кое-как, а тут всё быстро и на высшем уровне, словно для иностранцев. Кому это нужно? А если завтра война начнется, и всё снова раздолбают?.. Кто там нынче на нас рыпается-то?

– Никто вроде бы.

– Не может такого быть! На нас всегда кто-нибудь да рыпается. Нам же все завидуют, что у нас такая богатая и великая держава...

Но его ворчание никто не слушал, все были поглощены красотой дороги. Асфальт лёг ровным швом на землю, а остальные дороги были больше похожи на язвы и раны на её теле, которые штопать – не перештопать. Летом эти раны превращаются в засохшие пыльные рубцы, с началом дождей снова расползаются, как незаживающие язвы. Люди и машины отходят всё дальше от совершенно непролазной грязи посередине, забирают обочину, затаптывают в грязь траву, поэтому края дороги-раны расходятся всё шире и шире, пока не образуется полоса шириной метров в двадцать, состоящая сплошь из грязи. Эта язва день ото дня растёт и ширится, забирая всё новые здоровые ткани. Поэтому асфальт так похож на аккуратный шов хирурга, который иссёк воспалённые и незаживающие участки и грамотно зашил её.

Новая дорога на какое-то время стала главной достопримечательностью города, основной темой для разговоров. На неё любовались все! На неё невозможно было не любоваться, особенно в окружении сплошного бездорожья. Это казалось невиданной и дерзкой роскошью, как роскошью кажется какое-нибудь драгоценное манто в шкафу со старыми изношенными платьями. Если увидишь его на светском рауте среди других таких же дорогих манто, там оно покажется обычной нормой, а вот на фоне бедности – роскошью. Казалось, даже герань на подоконниках в домах на Лесной улице своими круглыми бутонами, как любо-

пытными головами, подглядывала из-за занавесок на это чудо. Коза Афродита, живущая у бабушки Карины на перекрёстке Лесной и Ямской, прибежала после выгула на асфальт и долго прыгала по нему, как раньше школьницы играли в классы, мотала головой, била по нему копытцами, нюхала его и не могла понять, что же это такое! Хозяйка пыталась её загнать домой, но Афродита убегала и снова прыгала под общее веселье. Наконец, напрыгалась и высыпала на асфальт целую гроздь какашек, похожих на разваренный изюм.

– Фродька, с ума сошла! – ахнула хозяйка, загнала-таки непокорную козу домой, а потом собрала, что коза после себя оставила, и даже замыла асфальт влажной тряпочкой под смех прохожих.

Народ совсем развеселился. Внук деда Рожнова Василий, недавно вышедший из тюрьмы, теперь каждый вечер мастерски плясал на асфальте чечётку, которую научился «стучать» в тюремной самодеятельности. На Лесную стали ходить на прогулку молодые мамы с колясками, потому что на других улицах у колясок быстро ломались спицы и отлетали колёса. Подростки стали рассекать тут на роликах и досках, с которыми раньше приходилось ездить аж в Райцентр, чтобы покататься. То есть город как-то невольно облагородился и приблизился к новому веку.

Даже пьяницы перестали валяться на Лесной. Их и раньше там было меньше, чем на какой-либо другой улице, так как многих отрезвляла перспектива оказаться намотанным на колёса авторитетовского кортежа, да и просто попасться на глаза Волкову. А тут их лежание прекратилось само собой: жестковато на асфальте лежать, а тем более падать. Раньше плюхнутся в мягкую грязь и лежат себе, пока жена, мать или дети не подберут «своево сокровищё». А тут некий выпивоха упал по сложившейся традиции напротив своего дома, как у него было заведено в семейной жизни, после чего из калитки по канону должна была обязательно выскочить жена с причитаниями. Упал да и ударился об асфальт. Почувствовал некоторый дискомфорт и даже слегка протрезвел от удара. Встал и упал ещё раз, чтобы жене стало стыдно, как мужик по её милости страдает. Но жена-зараза в нарушение всех канонов так и не выскочила: ушла с подругами любоваться на ограду моста над ручьём. Делать нечего. Пришлось подниматься и самому брести домой.

Да и в канаве стало совершенно скучно валяться. Это прежняя была доверху наполнена помоями и мусором, так что её можно было не засыпать, когда рыли новую. Не канава была, а мечта алкашей! А тут выкопали другую, да проложили специальные трубы под дорогой для стока застоявшейся воды и грязи. Поэтому канавы сразу же наполнились чистой дождевой водой и схватились свежей травкой по склонам. Сам Авторитет будто бы пригрозил, если хоть один фантик или окурок там найдёт, то скормит их жильцам того дома, напротив которого они будут обнаружены. Это местный лоботряс Вадька Дрыгунов всем рассказал. Он как-то в сумерки стоял под одним из фонарей, ковырял в носу и раздумывал, нельзя ли отломать хотя бы часть кронштейна, а то сила молодецкая распирает, но девать её некуда. Так увлёкся этой мыслью, что не заметил, как Авторитет едет домой со своего промысла. Зато Авторитет его хорошо заметил, наплыл своей огромной тенью, когда Дрыгунов от ковыряния носа перешёл к ковырянию фонаря, сжал ему, как Каменный гость, кисть руки железной десницей, так что у Вадьки фаланги затрещали, и сказал, если он хоть одного фонаря не досчитается, то повесит его, Дрыгунова, в качестве плафона.

Так что на Лесной и фонари все остались в первозданной красоте, и мусорить ни у кого охоты не было. Зато некоторые склонные к свинству граждане стали «отыгрываться» на других улицах. Идёт такой человек по Лесной напыжившись и страдает, словно по большой нужде хочет сходить, а возможности нету. А как вышел с неё, так с него и посыпались окурки, пивные банки, содержимое носоглотки и прочие ошмётки его убогой жизнедеятельности в разные стороны.

В самом названии улицы произошли изменения: в народе она стала именоваться Лесным проспектом. А как же иначе? Взглянешь, к примеру, на ухабистый, пыльный и поросший в середине клочками травы Большой проспект, который являлся биссектрисой угла между Мировым и Лесной, и подумаешь: разве ж это проспект? Разве таким должен быть настоящий проспект? А рядом начинается красивая асфальтированная дорога, которая имеет больше прав называться проспектом, а не просто улицей.

К началу августа приехал мэр Рудольф Леонидович с симпозиума градоначальников и не сразу, но через какое-то время всё же заметил, что в городе произошли некие изменения. Не сразу понял, какие именно, но однажды заехал на Лесную улицу-проспект и увидел, что она не вписывается в общий наплевательско-пофигешный пейзаж вверенного ему города. А уж как народ-то ликует! Даже усмехнулся: «До чего же дикий у нас народ. Как с пальмы спустились, ей-богу! Ну подумаешь – асфальт! Другие культурные нации, привыкшие к благам цивилизации, отнеслись бы к нему, как к чему-то само собой разумеющемуся, а тут вид асфальтированной дороги вызывает такой восторг у людей, как новогодняя ёлка у сирот... Хотя под такие восторги можно было бы залудить какую-нибудь предвыборную программу, а зачем так неразумно тратить, если ты никуда не баллотируешься».

Но всё же поинтересовался, кто это тут хозяйничал в его отсутствие в его же городе, хотя и так знал, что это наверняка местный криминальный воротила Волков – больше-то некому. Проложил для своих тёмных дел удобную колею, а этим дуракам радостно! Нет, чтобы бойкот преступному асфальту объявить, не ходить по нему, не ездить и даже не смотреть, словно и нет его. До чего беспринципный обыватель: лишь бы получить чего для себя, а из какого кармана – им плевать. И дела нет, что это не законно, что наверняка для отмывки каких-нибудь «левых» денег!.. Хотя, какие же ещё могут быть деньги у бандита, как не левые? И отмывать их незачем – это требуется как раз тому, кто занимает государственный пост и обязан периодически отчитываться перед страной в доходах. Да и народу какое должно быть дело: законно это или нет, на какие средства да откуда? Народу, на деньги которого российская «элита» нагромодила себе особняки по всему миру, а закон сделал вид, что ничего *такого* не заметил.

Рудольф Леонидович ещё в начале карьеры на посту мэра нашего города узнал, что помимо него орудует здесь другая весома сила. Так и сказали, что есть тут некий Авторитет. С прежним мэром у него якобы были какие-то общие делишки, но в несправедливые 90-ые годы прошлого столетия это было нормой. Подумаешь, удивили – организованный криминал! Да Рудольф Леонидович в эти самые 90-ые на своей Вологодчине и не такое видал, и даже имел свои полезные знакомства с нужными людьми... Тс-с! Теперь наступили другие времена, когда проводится политика укрепления какой-то там вертикали власти и борьбы с коррупцией, проводимой самими же коррупционерами. Теперь весь российский криминал, если верить газетам, «топчет зону» или сбежал за бугор. А если он где и остался, то... то чёрт его знает, как к нему следует относиться. Инструкций на этот счёт никаких не было. Жена мэра дала мужу такой совет:

– Ты с ними не конфликтуй, с бандитами этими местными. Мы люди временные, а они тут и после нас останутся. Они нас не трогают, и мы им не мешаем.

Но мэр и не собирался с кем-то конфликтовать. Он здесь и в глаза не видел этого криминала. Только иногда краем уха слышал, что местные таксисты *кому-то* вроде платят оброк и не только они. Что армяне с Караваевской улицы у *кого-то* получали разрешение на прописку в городе за приличную сумму. Что вроде бы сам начальник районной милиции состоит в родстве с *кем-то* из семьи главаря местной мафии, поэтому здесь даже бытует такая шутка, что в случае разбоя надо звонить не «02», а бежать напрямик в самый конец Лесной.

Потом до него дошло, что настоящая успешная преступность такой и должна быть. Незаметной. Заинтересованной в результате, а не на производимом впечатлении. Самого

Авторитета он впервые увидел только через два года, как стал мэром города, летом 2003-го года. Тогда библиотекарь Марина заикнулась ввести в традицию празднование Дня города. В тот год Петербург праздновал трёхсотлетие со дня основания, а Маринка из уроков краеведения вспомнила, что нашему городу и того больше. Что возник он ещё задолго до строительства города на Неве, и первые упоминания о нём относятся к концу XIII века, когда Швеция завоевала Карелию. А первое упоминание условно принимается за дату основания города.

– Вы представляете, нам уже как минимум семьсот лет! – тормошила она всех. – Столетняя война ещё не начиналась, когда мы уже были! Наш город возник, когда жил сам Данте! Самого Шекспира не было, а тут уже была какая-то жизнь! Представляете?

– Угу, – безразлично отвечали ей, кому это было, что называется, по барабану и фиолетово.

– Вы только подумайте, что первые обитатели нашего города были современниками Седьмого крестового похода! – донимала она мэра. – А может, и сами в нём участвовали.

– Вот-вот, – кивал мэр. – Люди гибли, а вам бы только веселиться теперь.

– Почему бы нам не устроить День города? Ведь так здорово, если у нас будет свой праздник!..

– Ничего здорового в этом не вижу, – ворчал Рудольф Леонидович. – Кругом терроризм, коррупция, катастрофы, а вы о праздниках мечтаете. И не стыдно?

Но Маринка от него не отставала, и в конце концов так «достала», что он стал от неё прятаться. Она его находила, и он отбивался от неё страшилками, что в Приморском крае зимой люди остались без отопления, а в Европе произошло страшное наводнение, поэтому в такую трагическую годину надо вовсе забыть о всяких праздниках.

– Трудовые будни праздники у нас, – говорил он в конце своих кислых речей и куда-то исчезал с видом шибко занятого государственного деятеля.



– Почему сильные мира сего у нас такие бессильные? Сидит вместо мэра полный ноль! – ворчала Маринка в своей библиотеке после бесполезных разговоров с Рудольфом Леонидовичем. – И этот ноль думает, что он – власть. А какая ты власть, если никакого влияния на жизнь в городе не оказываешь? Никак не могу понять, почему в нашей стране власть совсем не держится за власть? Ведь король должен быть нужным своему народу, должен всеми силами стремиться быть полезным ему. Только тогда народ будет короля защищать и безропотно кормить его самого и семью. А когда король что есть, что нет его – всё едино, никто и не заметит, если ему ненароком голову снесут. Вот почему за Людовика Шестнадцатого никто не заступился? А потому что двор жил своей жизнью, страна – сама по себе, король никак на ход событий не влиял. Может, ему временами и казалось, что он выездом на охоту в новом платье делал что-то очень важное для страны, но это только плоды его заблудшего воображения. В эпоху, когда люди перестают верить в божественность власти – а власть сама предостаточно для этого неверия сделала, – за бесполезного для страны короля могут биться только примитивные и забытые народы. Остальные будут безучастно наблюдать за

крушением монархии, как это было в России в семнадцатом году. Людям нужна качественная работа власти, а не её пышность. Власть сама признаётся, что не знает, как вывести город или регион из кризиса. Но кто станет держать у себя в штате шофёра, который смутно представляет, с какой стороны надо к автомобилю подходить? Я таких работодателей не встречала. Народ в этом плане именно работодатель для власти, а власть сама на нас смотрит... как на рабов. Парадокс, да и только! Дел нет, а одно словоблудие повсюду. Все нахваливают Россию, как будто она больше всего в этом нуждается, но никто ничего не делает для неё. Я не говорю, что власть должна не думать о себе, но ведь «даже если ты приобретёшь весь мир, смерть всё равно похитит тебя». Кто думает, что он имеет, всего лишится.

– Что он народу, что ему народ, чтоб так страдать из-за него? – усмехнулся в ответ дед Рожнов, листая подшивку газет.

– Лично я ничего не хочу от власти, – проворчал бывший завхоз школы Василий Филиппович у полка с фантастикой. – Она всегда делает подарки с намёком, словно бы заставляет получателей чувствовать себя обязанными и идти на поводу у дарителя вплоть до самопожертвования. Если построят дом, то из самых дрянных материалов, а потом ходят, трясутся: развалится – не развалится, простоит до конца года – не простоит и год. Если уж строить, то по новым ГОСТам и стандартам безопасности, чтобы со встроенными Интернетом, телефоном и кухонной аппаратурой, с системой сигнализации пожаротушения и очистки от пыли, с автомобильными парковками под домом...

– Ха-ха-ха!

– Я без вашего «ха-ха» понимаю, что никогда у нас такого не будет. Вот у федеральной автотрассы дом построили. Двадцать лет его строили, кое-как сдали. Скорее всего, взятку дали комиссии. Воды нет, канализации нет, в стенах – трещины. Лучше бы вовсе ничего не строили, чем в такой позор и без того уставших от жилищных проблем людей запускать. Как чего сделают – лучше бы и не делали! В Мэрии сидел глава по облагораживанию и благоустройству города, он за время своего правления только плитку положил в грязь на месте автобусной остановки. И это всё, что за тридцать лет на государственном посту «для благоустройства» сделал. А уж орал-то сколько об этом! Все тридцать лет и орал, пока с инфарктом от ожирения не слёг. Я тридцать лет тому назад печи в школе ремонтировал, но не додумался бы до сих пор школу шантажировать этим фактом. Да я и не помню уж, сколько всего там починил за эти годы, а он вот помнил. Потому что если миллион нужных дел сделал, не запомнишь их, а этот запомнил одну свою плитку. И крыл потом этой плиткой как козырем и на выборах, и на собраниях, и на докладах. Это в какой ещё профессии такое возможно? Только в среде наших чиновников. А его преемник козырёк из навоза слепил над входом на рынок ещё в Перестройку, а потом до эпохи Путина народ этим фактом шпынял, хотя этот козырёк ещё при Ельцине успешно отвалился. Благо, что из навоза, не зашибло никого. У таких склочников не то, что просить, а в дар что-либо брать побрезгуешь.

– Но ведь получается парадокс, – продолжала недоумевать Марина. – Батя Махно ратовал за безвластие, за анархию, и при этом обладал колоссальной властью и влиянием. А сейчас все бьются за власть, но никто ею не обладает и никакой погоды в стране не делает. Начальство на работу не выйдет, и ровным счётом ничего от этого не изменится. Они никак не влияют на процесс жизни и работы. Они только доказывают, что без них никак не обойдутся, но на деле без них даже легче. Если мать семейства сляжет, семья это сразу почувствует, а если наша власть на Канары укатит, никто и не заметит. Кругом великие и выдающиеся политики. Один страну развалил, и его уже называют великим реформатором окрестили. Другой народу зарплату годами не платил, голодом морил, но теперь про него трещат, что он – великий экономист. Народ и власть в разных измерениях находятся, на разных языках говорят, по-разному трактуют одни и те же понятия. Его ставят министерством командовать, а он вместо этого... долларовым миллиардером становится. Его не для этого назначали, но

он почему-то уверен, что именно для этого! Другого в Думу выдвигали, чтобы он проблему бездорожья в районе решил – сам обещал, никто за язык не тянул. А он вместо этого... себе разнополый гарем завёл и всем его обитателям квартиры в центре Москвы купил. Его совершенно для других занятий туда выдвигали, но он так себя ведёт, словно это и есть выполнение его предвыборной программы. Ни черта не поймёшь! Какого деятеля за шкуру ни схвати, а все они великие и всё у них громко. Повалившийся забор починить никто не может, выбоину на дороге никто отремонтировать не умеет, праздник настоящий устроить никто не в состоянии. Как скучно-то, Господи! Не дай бог жить в эпоху, когда одни герои да супермены кругом. У нас дверь в подъезде опять выбили, а назад повесить никто не может: не тот масштаб деятельности, на статус подвига не тянет. Здоровые мужики сидят на завалинке и спорят между собой до драки о подвигах Бэтмена и Спайдера посреди вот этих руин: «Да я бы так тоже смог по крышам лазать кабы мне столько заплатили!». А для чего по крышам бегать, когда они текут?

– Ха-ха-ха! – грохнули все дружным смехом.

– Все чего-то говорят, говорят, говорят, говорят, и никто ничего не может сделать. Молча. И не нужно потом будет пускать пузыри из носа: видали, каков я!.. Как у них языки-то не устанут? И власть тоже всё время чего-то говорит: бу-бу-бу, бу-бу-бу. У нас бабы у магазина столько не наболтают, сколько власти языками чешут. Со времён Горбачёва и до сегодняшнего дня все только говорильней занимаются. Всё прожекты какие-то космические, всё вселенский масштаб имеет. Никто даже не интересуется, как там Россия за пределами Кремля существует, что там от неё осталось и как это сохранить? Не до этого. Телевизор включишь, а там всё про Ирак да прочий забуланный мрак, чёрт их дери. Они тем и удобны, тем и хороши для наших СМИ, что не имеют к нам никакого отношения. О них можно только болтать, а делать ничего не надо. Вот и треплются все, что «я бы на месте Хусейна поступил бы вот так бы да этак бы, а на месте Буша я бы сказал то да это». А спроси их, что они на своих местах сделали, услышишь что-нибудь про подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны. Всё такое чужое, далёкое и неуместное, как будто свои проблемы в стране уже решены, так что нашим власть имущим ничего больше не остаётся, как Хусейну советы давать, да Кастро жизни учить. Наш депутат Слямзиков лозунги ещё перед прошлыми выборами вывешивал: «Я – человек дела, а не слов!». Четыре года прошло, а он только тем и занимался, что ездил по планете и всюду говорил, что он – человек дела, а не слов. Все курорты объездил под видом рабочих визитов, две виллы себе построил, три квартиры купил. Уж, казалось бы, всё для себя и потомков на три колена вперёд сделал, теперь сделай же что-то по работе, соблаговоли, соверши над собой такое усилие!.. Сделал. Перед очередными выборами два новых мусорных контейнера для нашей помойки выбил с превеликой натугой, слава те Господи. И это ещё не так плохо, говорят, потому что другие депутаты даже этого не осилили. Я за ним все эти годы слежу, всё жду, когда он начнёт себя проявлять-то как человек дела, а он теперь во всех интервью только эти контейнеры вспоминает, обязательно касается ближневосточной проблемы – даже заучил наконец-то, что Тегеран является столицей Ирана, а не Ирака, как он раньше говорил. И опять-таки утверждает, что он «человек дела, а не слов».

– Мы страна парадоксов, – подтвердил её невесёлые раздумья дед Рожнов. – У нас хирург хочет уходить из поликлиники в Райцентр, потому что ему скоро на пенсию, а у него своей квартиры нет: до сих пор в общежитии с женой живёт. А в Райцентре к десятому году обещают дом специально для врачей построить, и ему там квартирку дать могут, чтобы помереть хоть в своём доме. Но его слёзно умоляют остаться, потому что он здесь нужен людям до зарезу, потому что без него никак. Зимой в гололёд у нас столько травм, а как с вывихами и переломами ехать за тридевять земель в Райцентр? А так есть свой хирург, и он нужен людям, потому что он – человек дела. И ему для доказательства этого даже гово-

рить ничего не нужно. Если уйдёт, это сразу же негативно на жизни всего города скажется. А начальство соседнего совхоза два месяца резвилось на югах, и никто их отсутствия даже не заметил. Что есть они, что нет их – одна картина: нищие рабочие да старая техника на полях. Или вот наша почтальонша хотела уйти с работы, потому что она одна на всю округу осталась – остальных сократили, так как в бюджете денег им на зарплату нет. Ей теперь надо каждый день по пять деревень на своих двоих обойти, разнести почту, газеты, пенсии. Она рыдала прямо-таки: нет больше никаких сил и всё тут. Ночью, говорит, спать не могу, так ноги болят. Ей тот же хирург сказал, что нельзя каждый день по десять километров бегать в таком возрасте. Даже профессиональные спортсмены, говорит, от таких нагрузок инвалидами становятся. Но она нужна людям! Если уволится она, всем от этого плохо будет. Как старики будут деньги получать, письма, газеты, посылки? Как вообще в новом тысячелетии возможно целым населённым пунктам оказаться отрезанными от мира? Но и её тоже можно понять. Ей бы дали машину с водителем, только откуда что возьмётся, если всю страну просрали неизвестно на что?! Слава богу, Феликс Георгиевич помог. У него в одной из этих деревень мастерская есть, он почтальоншу туда подвозит. Потом домой на обед едет и забирает её назад. Феликсу-то не тяжело, а ей всё ж полегче, и людям хорошо. А начальство почтовое даже не тревожится, как там несчастному почтальону работается.

– Вот я и не пойму, почему наши начальники и представители власти не хотят и даже боятся быть нужными людям, своим нанимателям? В каждом только тонны спеси, каждый держится как памятник самому себе. Но это же их работа, а не стиль жизни. Работа, которой можно запросто лишиться, если ей не соответствовать. И тогда ты мигом сделаешься никому не нужным, каким бы сибаритом ни был, к какой бы роскоши ни привык за время своей «деятельности». И если политик или градоначальник на деле нужен людям, ему не надо даже денег на свои предвыборные программы тратить! Без агитации все знали бы, что он умеет держать слово, умеет работать, живо интересуется, как живут его избиратели и что можно и нужно для них сделать. А то перед каждыми выборами тонны бумаги изводят на листовки с какими-то сказками, а можно было бы вместо этого бесплатные учебники для школьников напечатать. Вот царь Пётр хотел город на берегах Невы, пошёл и построил его без всяких предвыборных агитаций. Не сам он, конечно же, его строил, но и не в стороне стоял. Сам участвовал в работах, сам по колено в холодной воде жил. И именно он, а не Меншиков, был хозяином Петербурга. Нужен ему был флот, он опять же сам научился корабли строить и других научил. Если отбросить жестокость и свирепость его характера, которые в ту эпоху были простительны царю и даже желательны, если представить, что сейчас был бы такой политик, люди его без всяких предвыборных дрызг выбрали бы. А зачем им кто-то другой, раз уже есть у города хороший хозяин? Зачем кто-то новый, который придёт да начнёт всё перекраивать и перестраивать, как у нас любят делать для имитации бурной деятельности? Не понимаю, как мужикам у власти не скучно штаны годами просиживать? Ведь мужчина – это активное начало, причина всех причин, а они ходят как застывшие. Была бы у меня власть, я бы настроила новых городов, новых домов, новых дорог. У нас же земли столько, что можно было бы запросто новую Москву выстроить, новый Петербург возвести.

– Ага, Нью-Васюки, – состроил Василий Филиппович.

– Да не в названии дело. Называли бы своими именами. Есть же города Екатеринбург, Владимир, Павловск. Каждый президент оставлял бы после себя новый город со своим именем. Ну, не хотят совсем новый, так взяли бы за основу какой-нибудь небольшой посёлок вроде нашего или совсем маленькую деревню и создали на базе этого красивый город. Это и было бы самое лучшее резюме для того, кто хочет у власти удержаться. У людей появилось бы жильё, работа, деньги, чувство нужности своей стране. И такой власти уже никакие оппоненты не страшны, потому что она нужна своему народу и полезна стране.

– Ты не додумайся ещё такую идею кому подать, – предостерёг её бывший завхоз. – Такие, как царь Пётр, раз в тысячу лет рождаются, а остальные правители и сильные мира сего у нас умеют быть нужными народу совсем другим способом.

– Каким?

– По принципу зажимания в тисках.

– Как это?

– Да очень просто. Зажимают человеку в тисках палец или ещё чего. Человеку, понятное дело, больно. Мучается человек, терпит, но деваться-то некуда. И тут появляется некто, кто тиски эти слегка так ослабляет, но окончательно человека не освобождает. Это небольшое послабление человеку на фоне сильной боли и страданий кажется таким счастьем, что он этого «некто» начинает за бога почитать. Помнишь, какие обещания народу политики в девяностые годы давали перед выборами? На нашем комбинате зарплату не платили с девяносто пятого года, а потом какой-то профсоюзник там во власть пролез и заливался соловьём уже в девяносто восьмом: «Обещаю вернуть двадцать пять процентов от зарплат за девяносто шестой год». Потом другой объявился и стал обещать уже пятьдесят процентов за девяносто седьмой. Работникам не отдают их же деньги, которые они несколько лет тому назад заработали! Это же преступление по всем статьям, в Китае за это казнят. Но они бегали и восхищались: «Представляете, какие хорошие люди пришли к руководству! Они нам обещали *наши* зарплату вернуть за девяносто пятый год!». За бугором кандидат «пообещает» выполнить свои обязанности за прошлый срок, если его на новый выберут, его пинками вытолкнут отовсюду, а у нас – ничо, терпят, ещё и хвалят: «Ишь, как осчастливил-то, что соблаговолил-таки долги по зарплате за прошлый век отдать! Умница какая! На новый срок его – может, ещё чего из наших нищенских зарплат вернёт. Не надорвался бы токмо с трудов таких, милай». У нас подвигом считается для руководства, если они людям их деньги, честно заработанные много лет тому назад, вернут! Понятно, что и тот, и другой – воры и сволочи, которые совершенно законно удерживают в своих руках чужие деньги и накручивают на них проценты через банки. Но на фоне всеобщего сволочизма и самого изощрённого паскудства они ангелами всем показались, так что их даже куда-то там выбрали, и они сейчас сидели бы в какой-нибудь Думе, может быть, даже и в самой Москве, если бы их бандиты не грохнули. Именно поэтому у нас так любят создавать культ личности. Это же неправда, что только при Сталине его культ был. Был культ и у Ленина, и у Хрущёва, и у Брежнева, у Андропова. А Ельцину какие гимны пели, когда в стране чёрт знает, что творилось, помните? И нынешнему президенту культ создан будь здоров, хотя он и не просит, и даже опасения по этому поводу высказывает. Прописную истину озвучит, а ему аплодируют, словно он сложнейшую оперную арию исполнил. У нас этот культ возникает буквально на пустом месте! А всё потому, что народ настолько замордован невыживательной политикой, что любое внимание со стороны власти праздником и главным событием жизни кажется. Не нормой, а невиданной роскошью! А власть в свою очередь для себя видит подвиг, что она о народе так «радеет». Это её профессиональная обязанность, но она так давно не считает, в лучшем случае снисхождением.

– Ха! Какая же это профессиональная обязанность? – усмехнулся дед Рожнов. – Во власть идут за льготами, а не за обязанностями.

– Это нам так кажется, потому что мы живём в мире, где всё поставлено с ног на голову. Вы сами подумайте, для чего люди вообще объединяются в государства? Как они додумались до этого? Так бы жил каждый сам по себе, вот как мы сейчас живём, когда ты чапаешь по грязи, а власть из окна дорогого автомобиля гундосит: «Это не наши проблемы». Но можно представить, что разрозненные люди в какой-то момент захотели объединиться, сплотиться. Военный человек говорит: «Я умею воевать, поэтому буду защищать вас от врагов». Врач говорит: «Я буду следить за здоровьем народа», учитель берётся отвечать за духов-

ное и умственное развитие граждан страны, земледелец обещает растить для них урожай, рабочий гарантирует производство разных машин и механизмов для обеспечения разных сфер труда, строитель берётся возвести дома для людей, и так далее. Люди объединяются, но нужен кто-то самый ответственный, чтобы следить за разумным распределением ресурсов и государственных доходов между гражданами, чтобы не возникало сбоев в работе государства, столкновений между разными сферами труда и жизни. И рядовые граждане государства согласны кормить его своим трудом, чтобы он выполнял такую непростую работу, как разумное распределение ресурсов и сил государства. Я понимаю, что схема государства намного сложнее, но для наглядности обрисовал попроще. Именно по такой схеме создаются любые человеческие сообщества, начиная от семьи и заканчивая целыми организациями. То есть власть для того и нужна, чтобы никто в коллективе не был обделён. Если какая организация занимается особо полезной для общества деятельностью, государство может предоставлять ей различные льготы, уменьшить налоги или вовсе от них освободить. А у нас что? Кто выполняет полезную работу для общества – тот беден и бесправен. Кто разлагает и разрушает общество как морально, так и физически – гребёт огромные деньжищи. Если власть вместо разумного распределения весь доход рабочих, крестьян, строителей, врачей тратит только на себя, или вдруг отдаст его какой-то «модной» на данный момент сфере труда, то это начало краха всего государства. Это уже что угодно, но не государство. Если глава семьи из своих детей любит только кого-то одного, всё самое лучшее отдаёт ему, а на других плюёт, или вовсе все средства семьи пускает на личные удовольствия, это уже не семья, а случайные люди, случайно оказавшиеся под одной крышей. Или в государстве земледелец выращивает урожай, люди его съедают, потому что нет такого человека, который обходился бы без пищи, но сам земледелец за свой труд получает гроши. Он – нищий, а какой-нибудь девочке с обложки срамного журнальчика за одно фото платят зарплату в размере его десяти годовых окладов. Она свои роскошные формы от хорошего питания с трудов того же земледельца нарастила, но земледельцу даже процент не отстегнут за это. Есть справедливость? Нет. Разумная экономическая политика привлекает больше граждан, желающих жить в режиме такой политики, а чем больше у государства граждан, тем экономически сильнее и независимее оно становится. Сильное государство может больше вкладывать денег в своё развитие, а жизнь его граждан становится лучше и комфортней. Но вот приходит к руководству идиот, живущий одним днём. Ему кажется, что чем больше народу в государстве, тем больше люди хотят жрать, тем больше рабочих мест для них надо создать. Он перекрывает людям кислород, отчего их становится меньше, он создаёт из их остатков всевозможные карательные органы, которые калёным железом заставляют другие остатки оставаться в этом государстве и работать на благо этого идиота и его окружения, и при этом делать вид, что они счастливы от столь высокой миссии. И это единственный выход для него в такой ситуации, чтобы сохранить эту машину, которую он всё ещё считает *своим* государством. Но это дико и нелепо выглядит на фоне других стран, где даже жестокое обращение с кошкой или собакой становится недопустимым и позорным явлением. В конце концов, даже самым забитым людям надоедает кормить того, кто не выполняет свою работу по управлению страной, для чего он, собственно, и был назначен. Какой дурак станет включать в сеть неисправный телевизор или холодильник, которые будут только поглощать электроэнергию, но ожидаемого результата, для которого их специально и создали, давать не будут? Человек или купит себе новую технику, если у него есть деньги, или научится обходиться вовсе без неё – жили же когда-то люди и без компьютеров, и даже без холодильников. Так и без власти люди научатся жить.

– Когда каждый сам по себе? – уточнила Марина.

– Да. Вот сейчас в стране наблюдается полная взаимность между народом и властью: власти не нужен народ, народу не нужна власть. Власть не знает, что ещё предпринять, чтобы

окончательно от *этого* народа избавиться, народ не знает, как от *такой* власти отделаться. Но когда каждый сам по себе, это уже не государство. И тут приходит кто-то и говорит: «Я вас из страшной нищеты выведу в нищету терпимо-умеренную». И люди ему за это уже при жизни памятники ставят. Это не большевики придумали: при царях то же самое было. А уж демократы до сих пор народу свою «любовь» по такой схеме демонстрируют. Ещё в начале девяностых на подстанции украли все цветные металлы, когда на каждом шагу стояли пункты по их приёму, три улицы вообще без электричества остались. Спрашивается, зачем на фоне тотальной безработицы разрешили такие пункты, а потом удивлялись, что охотники за металлами целые железнодорожные ветки из строя выводили? Это же терроризм самый настоящий, когда литерный поезд, за опоздание которого при Сталине расстреливали всех причастных, тут стоял и пытел, проехать не мог! Литерный! Тепловозом вытаскивали. Старожилы говорят, что в Войну такого не было, когда враг бомбил! Жители обесточенных улиц лучинку жгли на рубеже веков, и только через десять лет им восстановили энергоподачу. Ликованию народному не было предела! И наша власть только так умеет *быть нужной*. Сунут нас из двадцать первого века в Средневековье, а спустя какое-то время, чтобы мы хорошенько прочувствовали их «заботу» о нас, переместят куда-нибудь в начало века девятнадцатого. Понятное дело, что девятнадцатый век лучше Средневековья, что и говорить. Но и не двадцать первый, который давно наступил во всём мире. Но мы рады, что хотя бы из Средневековья выкарабкались. И политики рады, что «благодаря политике нашей партии Россия наконец-таки приблизилась к показателям тысяча девятьсот тринадцатого года!». И это когда на дворе две тысячи третий год. Но заметивших это срезают подозрениями в непатриотичных настроениях: «А вы всё недовольны, что б для вас власти ни сделали! Вы не сравнивайте с веком текущим, вы жизни радуйтесь, пока мы вас не закинули куда-нибудь ещё подальше». Живут люди чёрт-те как, а правитель только мудрое лицо скроит: «Я знаю, как вам трудно, но потерпите, братцы, поднатужьтесь, родные мои». Проникновенно так скажет, может быть, заранее перед зеркалом отрепетирует под руководством специалиста по актёрскому мастерству. И у народа на глазах слёзы умиления наворачиваются: «Надо же, о нас помнят! Счастье-то какое! У него за нас, несуразных, душа болит! Давайте его в цари на новый срок выберем». Большевики, может быть, поначалу и хотели создать справедливое государство, да не получилось. Развернулись. Власть ведь ужасно развращает, когда обладающий властью человек, который вчера сам рядовым рабом был, начинает чувствовать, что никто над ним не стоит кроме Бога, да и Бог, если вообще есть, слишком высоко... У нашего Авторитета тоже солидный культ личности, хотя он людей вовсе за ценность не считает. Он провёл газ на свою улицу, его там за это теперь боготворят, даже помнят, что у него день рождения в последний день лета, и поздравляют, хотя он, говорят, это терпеть не может и никогда его не отмечает – не от скромности, а от скрытности. Он для себя газ провёл, но и у других появилась возможность к газопроводу подсоединиться и жить по-человечески, а не от печного дыма задыхаться.

– Известное дело, – кивнул Рожнов.

– Но особенно людям приятно, что он не подвёл под это какую-нибудь «политическую базу», как теперь говорят. А официальная власть если что и делает, то непременно накануне выборов или ещё каких «важных» для себя мероприятий. По принципу «мы – вам, а вы за это что-нибудь нам». Кандидат в депутаты, уж не помню какой, тоже «грозился» подъезды отремонтировать, только чтобы за него проголосовали. Что мы сдуру и сделали, а где он теперь? Теперь ему не до нас, так высоко сидит, что оттуда люди не видны. Один скамейки в скверах и парках установил, но на каждой не забыл написать большими буквами, чтобы за него на выборах «голосили». Его не выбрали, он потом лет пять обижался, дескать, всё для народа неблагодарного сделал, а выбрали какого-то олуха, который даже на мусорные урны около магазинов раскошелиться не пожелал. И на фоне такой лихоманки «я вам – скамейки,

вы мне – свои голоса на выборах» некто молча обеспечивает целой улице доступ к газу безо всякой даже мысли, что с улицы с этой можно что-то для себя требовать.

– Авторитет же знает, что с жителей своей Лесной уже ничего не сдерёшь. Там одни пенсионеры живут, которые и так обобранны до нитки жизнью нашей несуразной. Он даже шутил по этому поводу, что земляков своих грабить ему нет смысла: «всё уже украдено до нас».

– Правильно. Потому что ему плевать на людей, вот он и отпускает такие циничные шуточки. Но газом-то он, пускай и невольно, людей всё-таки обеспечил. И сделал это тихо, без митингов и маршей. А где нынче такое бывает? К пенсии бывшим работягам добавляют три рубля и СМИ об этом свистят, как о неслыханном подвиге каком-то. А народу эти «подвиги» так надоели, что порой телевизор хочется в окно выкинуть, а газеты все сжечь, чтобы ничего не слышать об этих «героях», которые сначала народ обокрали, а теперь милостиво решили ему какие-то копейки от заработанных и созданных богатств в харю швырнуть! И вот какой-то бандит берёт и молча что-то для этого народа делает. Вы представляете, какая у людей эйфория возникла по этому поводу? В тех краях теперь попробуй, скажи, что он – бандит, все зубы за такие слова выбьют. Хотя и помнят, как он лет десять тому назад убил Аркашку Гусельникова со своей улицы – был там такой цеховик ещё в восьмидесятые. И убили его зверски, – перешёл на шёпот Василий Филиппович, – по-азиатски как-то.

– Говорят, что не он, – возразил дед Рожнов. – Это Трубачёв был, он как раз азиатчину любил, когда от наркотиков с ума сошёл. А на Авторитета думают, потому что на Востоке служил, хотя он такие вещи никогда не практикует, а делает всё просто и тихо.

– Вдова Гусельникова считает, что это он был. Её муж в кладовке спрятал, и она всё слышала, как они его на куски рвали.

– Авторитет вряд ли такого свидетеля в живых оставил бы. От него не спрячешься, тем более в кладовке. Помешалась баба от ужаса, не иначе. И чего она могла расслышать, когда такой вой стоял?

– Не знаю, я не слушал. Живёт она всё на той же Лесной и Авторитета видит каждый день, поди. А куда деваться-то? Говорят, даже от газа отказалась. Да Авторитету-то чего, переживать он будет, что ли? И линию электропередачи он так же себе провёл, а вся улица пользуется. Кабельную! Не такую, как у остального города, где всё на соплях держится и от малейшего порыва ветра сразу рвётся и отваливается, так что народ потом неделями без света сидит. А на Лесной теперь свет постоянно, как у белых людей! И если кто наш Мировой проспект заасфальтирует – а я так думаю, что это Авторитет будет, потому что больше некому, – его вовсе на руках носить будут и все грехи простят.

– Может быть, наш новый мэр всё-таки расшевелится? – нерешительно предположила Маргарита Григорьевна, рывшаяся в журналах по женскому рукоделию.

– Не-а, не расшевелится, – вынес окончательный приговор Василий Филиппович. – Он же всё в новых мэрах ходит. Уже третий год здесь живёт, но его до сих пор «новым мэром» величают, как будто он только вчера прибыл. Не будет он ничего делать. Жильцы нашего дома обратились к нему по поводу ремонта подъездов, а он чего-то крушение «Титаника» вспомнил. Уж не знает, чего ещё придумать, чтобы только не делать ничего. Вот, говорит, сколько народу там погибло, а вы живёте. Мы же не виноваты, что мы пока ещё живём. Трагедии прямо-таки коллекционирует с какой-то маниакальной скрупулёзностью. Как где в новостях передадут, что кто-то опять утонул или взорвался – а новости наши теперь только этим и заняты, у него аж цвет лица улучшается! Бегаёт, радуется: вот люди погибли так страшно, а вы жить всё чего-то хотите... Странная у нас страна, что и говорить. В рекламе твердят: «Вы достойны самого лучшего!» или «Требуйте для себя самого наилучшего!», а куда ни сунешься с пустяковой просьбой, тебе рывкнут, что в годы войны народ землю жрал, а вы (в смысле – мы) с жиру беситесь, хорошо жить хотите. Надо тогда эту рекламу про

«достойны самого лучшего» запретить. Надо или-или: или делать жизнь людей достойной, или убрать эти пустые лозунги, заменить их на другие, что, дескать, вы ничего не достойны, быдло, сидите в дерьме и не рыпайтесь. И было бы всё понятно, а так путаница возникает, потому что людям неясно, куда мы попали. С нами это происходит или не с нами? Мы это или не мы? Может, мы в какой-то другой стране живём и чего-то не понимаем? Чёрт его знает. Но получается так, что мы стране не нужны.

— Как же так не нужны? — то ли испугалась, то ли возмутилась Маринка. — А кто работать будет? Власть наоборот хочет, чтобы рождаемость повысилась, чтобы нас больше стало.

— Ничего они этого не хотят, — встрял дед Рожнов. — Очередной рекламный лозунг. Ну, нарожаешь ты детей, и куда с ними пойдёшь? Как на свою зарплату библиотекаря растить будешь? Сейчас в Госдуме гадают, а не добавить ли бабам сто рублей к пособиям, как будто это какую-то погоду сделает. Запихают в аварийный барак десять семей и хвалятся: «Мы вам жильё дали, а вы нашу заботу не цените». Выдадут людям их же собственные деньги за прошлую пятилетку, которые за это время обесценились до копеек, и себя кулаком в грудь стучат: «Да вы бы без нас сдохли!». А людям и так уже жить не хочется. Такого нет уже и в Африке, чтобы политик с холёной харей пообещал обворованным гражданам отдать их же деньги или имущество в обмен на новый срок правления. Его или в тюрьму упекут, или в психушку, но к власти на пушечный выстрел не допустят. Кому такой придурок нужен? Чего хорошего от него можно ожидать? В России разворовали лучшие предприятия, а теперь, кто разворовывал и через это стал состоятельным господином, приволок из-за бугра инвесторов и с ними ленточки перерезает. Вот работа кипит! — дед Рожнов показал фотографию в районной газете, где пять здоровенных чиновников резво кромсают ленточку на открытии какого-то финно-германо-французского предприятия. — Вот, готовая бригада механизаторов. Им бы в совхозе на скотном дворе работать или на заводе у станков стоять, животы себе сгонять, а они, вишь, вцепились в ленточку. Каждому по клочку на память... И ведь народ прекрасно знает и помнит, что эти же хари в воровские девяностые этот завод развалили, разворовали, а теперь с такой помпой якобы восстанавливают. Грабили-грабили своих же соотечественников, а теперь прослабило хоть что-то вернуть, а то уже деньги складывать некуда: куда их ни сунут, а они оттуда на них уже вываливаются килограммами. Я у тебя кошелек украду, а потом «соблаговолю» вернуть, но ни как-нибудь, а в торжественной обстановке, под звуки оркестра и с разрезанием ленточки, чтобы обязательно гимны пропели, какой я хороший, что согласился сам отдать, что мне не принадлежит. И в наше время это стало обычным делом, а так быть не должно. Они сами прекрасно знают, что народ помнит, как они его грабили, но делают вид, что всё путём. А зачем совершать ненужные действия: полностью разбирать и перестраивать огромный дом для починки одного протекающего водопроводного крана? Это уже всё не наше, а иностранцам принадлежит. Так и танцуем глупый танец «шаг вперёд — два назад».

— Как это?

— А так. Весь мир движется вперёд, а мы вперёд шагнём, но перед этим обязательно два шага назад делаем. В советское время ценой немыслимых усилий отстроили лучшую в мире промышленность, совершили невозможный для других народов рывок вперёд, а потом... успешно разнесли всё в щепки — отскочили назад на два больших прыжка. Теперь какое-нибудь квёлое предприятие возродят за бешеные деньги, а оно всё одно и в подмётки не годится тем, что полвека тому назад были. И радуются чего-то, когда плакать надо. Разумные страны медленно, но неуклонно вперёд двигаются, а мы дёргаемся: шаг вперёд — два назад, шаг вперёд — два назад. Надоел этот танец до невозможности! Силы на него уходят колоссальные, а в результате мы назад движемся, а не вперёд. И самое убийственное, что мы помним, как раньше целые города выстраивали, степи в плодородные поля превращали. А теперь сил хватает только ленточки перерезать. Никого это не восхищает, а от нас требуют

восхищения. Это как пилота сверхзвуковой авиации пересаживать на самодельный кукурузник. И вся беда, что никто не понимает, ради чего это. Уж ладно бы, ради какой разумной цели, а то противно осознавать, что это ради каких-то проституток, которых наша Степанида «большими и избранными» людьми считает. Завод развалить и разворовать можно за несколько дней, а на восстановление уходят годы, жизни целых поколений. Один «великий» разваливал, теперь другой «великий» восстанавливает. И всё с умными харями делается, как и положено «великим». Для чего разваливать, чтобы теперь восстанавливать, что было раньше и лучшего качества – «великие» политики всякому быдлу вроде нас объяснять не обязаны. Подобные объяснения плохо сочетаются с их величием и вредят имиджу и рейтингу.

– Но почему же нельзя, чтобы власть по-хорошему была нужна людям? – совсем расстроилась Маринка. – Без этих тисков и прочих инструментов Инквизиции? Октавиан Август говорил про Рим: «Я получил город деревянным, а оставлю его каменным». И ведь оставил же. Царственно и красиво. Почему у нас никто так не может?

– Почему же не может? – лукаво улыбнулся Василий Филиппович. – Наш бывший градоначальник Арнольд Тимофеевич – золотой души человек. Ещё в середине девяностых объявил «войну хижинам и мир дворцам». Наобещал, что все деревянные здания в городе снесёт, а на их месте каменные хоромы поставит. И ладно бы какие-то бараки дырявые расселил, а потом снёс их, так нет же. Замахнулся на деревянные дома по Земской улице. Помнишь, какие там красивые дома стояли: двухэтажные, с ажурной резьбой на наличниках и по фронтонам? Их в каком-то году даже на районный календарь специально фотографировали, даже учёные приезжали, изучали их в качестве образца деревянного зодчества. А летом как около них красиво было, м-м!.. Жильцы домов каждый год наличники разбирали, белили и снова навешивали. А когда там от жильцов одни старики остались, их распилили кого куда, а все постройки на Земской снесли. Мэр после этого укатил куда-то, получил повышение в Райцентр, а затем и в Петербург. Какой-то художник приехал и даже плакал, утончённая душа: как же, говорит, у кого-то рука поднялась на такую красоту. Он их живописал летом, и тут собрался осенью их запечатлеть на холсте, а приехал, когда руины остались. Вандалами нас обозвал, что никто не заступился за красоту-то. Я ему говорю, что сейчас человека убивать будут, а никто не вступится... И ведь так ничего нового на их месте не построили. Мало сказать, что не построили, а до сих пор не могут машину найти, чтобы строительный мусор вывезти. Свалка, да и только. А новый мэр знай отговорками отбивается про тяготы жизни в странах Африки и Азии.

– Неужели мы в самом деле такие ненормальные, что ничего разумно сделать не можем? Ведь был бы очень красивый рекламный ход для градоначальника: построил городсад и скромно ушёл в тень.

– Где нынче взять таких? – засмеялся бывший завхоз. – Хороших хозяев да начальников надо воспитывать, это опять сколько веков пройдёт. А нынешние вообще тень не переносят, что цветы на окошке. Им как раз надо проорать все свои деяния на сто лет вперёд, поэтому у них всё так громко и бестолково. Я тебе больше скажу: мне даже нравится, когда наши власти ничего не делают. Мне всегда страшно, когда они чего-то затевают, что вот-де «мы сейчас выйдем размяться, дабы чего-нибудь для народу энтото сделать, будь он неладен». Потому что при этом они обязательно кому-то угол дома снесут, а то и весь дом – иначе не умеют. Как стройку затеют, так непременно на месте чьих-то уже существующих домов. Как решат какие льготы выдать, так ценой многодневных страданий в очереди, что уже и не рад этим копеечным льготам будешь. Это как за мухой с веслом гоняться: муху не убьёшь, но окружающих людей покалечишь. Зато будет надёжное оправдание, что это сделано якобы ради благого дела.

– Я не хочу ждать века! Человек столько не живёт, чтобы веками чего-то ждать. Я хочу, чтобы у нас сейчас разумная власть появилась.

– Нет у нас никакой власти, – заявил дед Рожнов. – Забудьте вы это слово! Что такое власть? Это на самом деле очень просто. Приехал человек в какой-нибудь город или даже страну, идёт и видит чистые улицы, красивые дома, жизнерадостных и ухоженных граждан. То есть он видит, что в этом городе и стране есть власть. Не великие вожди и отцы народов тут сидят, а имеет место быть просто нормальная власть, какой она и должна быть. Власть – это профессия. Например, придёшь в пекарню, увидишь там румяные булочки и хлебцы на чистых полках и сразу поймёшь, что тут работает настоящий пекарь. И он не нуждается, чтобы ему за каждую партию хлеба памятник ставили, чтобы ему гимны пели, что он муку не разворовал, хотя и мог бы. А если там всё разворовано, на грязных противнях вместо хлеба лежат горелые сухари, по закопчённым стенам тараканы стаями снуют, а вместо пекаря сидит чувырло, которое занимается только словоблудием и при этом недоумевает, что никто его великим не считает, то ясно, что это кто угодно, но не пекарь, владеющий своей профессией. В наш город завернёт какой-нибудь гость, увидит бездорожье, пьяное и безработное население, рыскающее по округе в поиске смутного счастья, обшарпанные дома с протекающей канализацией. Какой он вывод сделает? Он поймёт, что нет тут никакой власти. Ему выйдут навстречу холёные господа из Мэрии, но он всё равно не поверит, что власть в городе есть, а эти лоснящиеся лица имеют к ней какое-то отношение. Ему от такого контраста город покажется ещё безобразнее, ещё мертвее.

– Где ты такие премудрости про власть вычитал? – поинтересовался Василий Филиппович.

– Сам допёр. Устройство власти специально усложняют, чтобы от людей отмахиваться: «Да что бы вы понимали!». На деле всё очень просто. Что такое власть и люди, ею обладающие? Это не спесь за большую зарплату и липовые проценты в отчётах для вышестоящего начальства. Власть существует, чтобы обеспечивать жизнеспособность организации: рабочего коллектива, города, региона, целой страны. Власть не должна заигрывать, но не должна и давить. Она не скажет: «А давайте никто не будет работать, ведь безделье – это такое счастье». Она знает, что счастье – это когда у людей есть работа, занятость. Только тогда люди защищены от деградации и голода, а без работы они быстро разлагаются и утрачивают чувство собственного достоинства. У нас всё с ног на голову поставлено, поэтому рабочий человек голодает, а бездельник кремовыми тортами кидается. Если человек много и напряжённо работает, но при этом уровень его жизни низок, он может смело требовать смены руководства, потому что это не руководство, а жирующие бездельники, которые не производят свой продукт – разумное управление. Ещё при этом требуют обеспечивать их средствами существования. Они поглощают повышение уровня жизни всего общества, не давая ничего взамен. Есть власть, которая дерёт три шкуры. Но есть и такая власть, которая считает, что добьётся расположения у подданных, не проявляя требовательности к ним. А на самом деле это – безразличие к людям. С другой стороны, такую власть из подчинённых никто в грош не ставит. Люди уважают компетентных и справедливых руководителей. Они уважают такое руководство, которое требует выполнения работы каждым участником группы, и само выполняет свою работу. Беда в том, что люди постоянно придумывают разные теории и проводят эксперименты, где власть уже просто номинально числится на своей должности. Она вроде бы есть, но толку от неё – ноль. И такая власть не только сама идёт ко дну, но и тянет за собой свою организацию. Власть – это работа, а в нашем обществе власть превратилась в какой-то праздный класс, как в самых отсталых странах. Вот Равенне две тысячи лет, а как выглядит! – показал дед Рожнов фото в альбоме «Города мира». – Тут и гадать не надо: есть там власть или нет её. Сказка, а не город... Две тысячи лет, а как совре-

менно и комфортабельно выглядит. Наш город, получается, ещё младенец по сравнению с ним, а выглядит как дряхлый старик.

– Да, – кивнула Маринка. – У нас редкий город имеет тысячу лет за плечами, а Лондону – две тысячи лет, Риму – почти три тысячи, Париж вообще неизвестно, когда появился. Известно только, что с третьего века нашей эры он сменил имя Лютеция на своё нынешнее название... Но это как раз говорит, что мы пока молоды, история наша молода. У нас всё ещё впереди. Это сейчас мы впали в подростковую депрессию.

– И когда она пройдёт? Через тысячу лет? Или через две? Опять надо ждать да так ничего не дождёшься... Вот на гербе Софии написано: «Растёт, но не стареет». А мы и не растём, и не развиваемся, а только дряхлеем, как подросток, который так и не успел вырасти, а одряхлел и умер раньше времени от нездорового образа жизни. Да, нация тоже имеет свою юность, зрелость и старость, как и каждый человек. Но ещё говорят, что у счастливых народов нет истории. Про историю Швейцарии, к примеру, что можно сказать? Пару строк можно написать: жили нормально, живут хорошо и собираются жить ещё лучше, чего и всем желают. А у нас одни «выдающиеся события»: то войны, то революции, то репрессии, то реабилитации, то реформы. Там столько-то миллионов погибших, тут столько-то тысяч раненных. То утонет кто-то, то взорвётся, то ещё какую мучительную казнь для народа придумают. А потом травят душу народу через СМИ: дескать, там люди гибнут, а вы ещё живы, ну, живите пока и благодарите за это вождей-мизантропов. Жизнь всего мира тем временем вошла в нормальную колею, и им эти «подвиги» на хрен не нужны. В Германии десятиградусные морозы были объявлены чрезвычайной ситуацией – вот как у них о народе радуют, что даже лёгкий морозец объявляют ЧП государственного масштаба. А у нас в Якутии и при минус пятидесяти не топят и доказывают, что это какие-то форс-мажорные обстоятельства виноваты. То есть как бы намекают, что это ещё не самое страшное, что мы с вами можем сделать. И вот так живёт богатейший край, где есть алмазы, золото, уголь, газ, лес. Куда эти богатства идут и на что? Население всей Сибири за счёт этих богатств должно жить на самом высоком уровне, какой только возможен, а на деле у них который год не могут наладить просто нормальное отопление зимой. Не супер-пупер, а просто *нормальное*. Зимой! Когда в Сибири морозы, которые теперь стали чего-то аномальными и неожиданными. У нас электричество гаснет при любом чихе. Тут вырубили на два дня, звоню в аварийную, отвечают: а вы посмотрите, какая на улице непогода! Где непогода-то? У нас ветер постоянно дует: рядом же Балтика как-никак. Ветер сильнее пяти метров в секунду дунет, и уже всё отключается: и радио, и свет, и всё прочее. То отмокло у них всё, то наоборот отсохло, то на ветер вину спихивают. Всему объяснение найдут, лишь бы ничего не делать на своём рабочем месте – прям, как власти, «каков поп, таков и приход», блин! Хорошо, что мало гроз, а то молния сверкнёт, тоже всё отключают сразу на несколько часов. Если не дней.

– А меня наоборот в ЖЭКе отшили, когда в дожди крыша на нашем доме потекла, – поделился Василий Филиппович. – «Да где дождь-то? Подумаешь, капнуло пару раз, а они уже в панику впадают», и так далее в том же духе. Зимой при морозе в двадцать градусов отопление отключили и опять доказывают: «Да это не мороз, не смешите нас! Не видели вы настоящих морозов! Вы ещё не знаете, как пингвины в Антарктиде мёрзнут, и то никуда не жалуются на погоду. И вообще, мы не виноваты, что вас кровь не греет». Я не на погоду жалуюсь, а не отключение отопления, но разве таким объяснишь? Они по любому докажут, что это не они дурака валяют вместо выполнения своей работы, а мы зажрались и обнаглели. Бабы с Фанерного пожаловались, что при метелях в швы снег наметает, холодрыга такая в квартирах, что продукты можно без холодильника хранить, а им...

– Наверняка посоветовали мужика на ночь найти, чтобы согрел, – захохотал Рожнов. – Это песня известная. Начальство только иномарки меняет, а наладить нормальное отопление или линию электропередачи не может никто. Или намеренно не хотят, а заставить

их работу выполнять некому. Под Петербургом как в глухой сибирской деревне семнадцатого века живём! То света нет, то воды, то отопление посреди морозов отключают, то всё вместе это происходит, а начальство на погоду вину спихивает. У американцев даже после тайфунов и ураганов люди при электричестве остаются, а у нас лёгкий ветерок набежит, и всё вырубается, словно конец света пришёл. А как свет дадут, покажут сильный снегопад во Франции: мол, всё парализовано из-за форс-мажорных обстоятельств, но они не ропщут. Или наводнение в Европе покажут, катаклизм, которого никто не ожидал, но к нему готовы, как ни странно. У них и снегопад разгребут, и последствия наводнения восстановят, а у нас и без снегопада с наводнением всё парализовано. Каждый год вся страна с ужасом ждёт зимы, когда начинают лопаться трубы, целые города остаются один на один со стихией, а власть только руками разводит: «А чего вы жалуетесь? Это же форс-мажорные обстоятельства, и мы здесь ни при чём». Они, видишь ли, не знали, не гадали, что зимой в России морозы бывают. Они думали, что зимой тут у нас розы цветут. А весной для них всегда полной неожиданностью паводки являются. У них на каждом шагу неожиданность, они ни к чему не готовы. А всё почему? А потому что на лицо полнейшее безвластие. Власть – это не надменная рожа из окна дорогой иномарки с мигалками, а хозяин. Не в смысле самодура какого-нибудь, который мыслит по схеме «чего хочу, то наворочу», а как хозяин в доме. Придешь в иной дом, сядешь на стул, а стул под тобой сломается. На окнах вместо штор газеты замызганные, на полу огрызки да ошметки валяются, воняет чёрт-те чем. То есть нет тут ни хозяйина, ни хозяйки. Хозяин и хозяйка вместо того, чтобы порядок в своём доме навести, спорят друг с другом, кто из них должен заниматься починкой стульев. Хозяйка настаивает, что это хозяин обязан стулья чинить, а он ей в ответ доказывает, что не царское это дело, а её прямая бабья обязанность. И на государственном уровне чего случится, а ведомства начинают свои шкуры спасать, отфутболивать проблему кому-то другому. Они к своим полномочиям относятся не как к работе, а как к хождению по канату: им бы только удержаться на этом канате власти. Они нам демонстрируют чудеса эквилибристики, а мы, дураки, ждём, когда они решат проблему бездорожья в великой державе третьего тысячелетия. Они хвалятся: «Смотрите, какие мы ловкие, опять на новый срок переизбраны, хотя ни черта не делали. Нас конкуренты спихивали, а мы не свалились. Где вы ещё таких ловкачей сыщите? Ох, и повезло же вам, что такая находчивая власть досталась». А мы ждём, когда они решат проблему электрификации всей страны. Ну, не всей, а хотя бы европейской её части. Вот и вся наша власть.

– Вы так рассуждаете, словно бы хозяин, правитель – это кошка породистая, – вступила в разговор Маргарита Григорьевна. – Есть породы кошек, которые с рождения на унитаз сами ходят, без обучения. Врождённое у них это. А другие гадят, где придётся, пока не приучат к месту в туалете. Сейчас ныть полюбили, что в России настоящих мужиков истребили, а осталось непонятно что. Сами мужики и ноют на эту тему, лишь бы баба не заставила мусор выносить. Раньше, мол, культурные все были, а теперь гадят мимо унитаза или прямо на улице испражняются. Так можно научиться мужиком быть, иные бабы эту науку освоили. Я тоже когда-то не умела землю пахать, картошку сажать, обед варить, детей растить, но ведь научилась же. А если баба может научиться быть хорошей хозяйкой, то мужик тем паче сможет научиться быть настоящим хозяином.

– Где этому научиться можно?

– Так уж знамо не по журналам с голыми девками. Книги какие-то должны быть. Я в Райцентре в книжном магазине купила «Энциклопедию русского крестьянина». Там всё подробно расписано: как дом построить, как сад вырастить, как за коровой ухаживать, как лошадей разводить – про всё, чем раньше мужики в деревнях занимались. Все наши бабы себе такую книгу купили. Даже дочка Авторитета: она же теперь, говорят, коневождением увлекается.

– А мужики?

– Не знаю. Не видела.

– Вот то-то и оно, что нынче только бабам это интересно, как стать настоящим хозяином, – засмеялся дед Рожнов. – А мужиков попробуй, расшевели, когда они с утра уже лыка не вяжут. Я-то свой век почти отжил, а молодые парни сейчас не знаю, к чему стремятся. Винят баб, что те не могут создать им весёлую и комфортную жизнь, так что кроме пьянки ничего, бедолагам, не остаётся. Наивные бабы в свою очередь сами чего-то ждут от них. Иные так до пенсии и ждут.

– Нет, что ни говорите, – сказала Маргарита Григорьевна, – но где мужики настоящие в семьях есть, там и самая бесчеловечная государственная политика не страшна. В таких семьях женщина и голову не забивает, кто там президентом стал, да кого в депутаты выбрали. Зачем они ей? Муж или отец заработает, обеспечит, оградит от ужасов жизни. Она не о том думает, что новый кабинет министров страну ещё больше разворует, чем прежний. Она думает, куда семья в следующем году отдохнуть поедет, какие семена цветов купить для сада и не заказать ли через Интернет детям цифровое пианино. Нам доказывают, что такие семьи живут ограниченными интересами, а они даже на это чихать хотели, что там о них говорят. Они просто живут, и живут сегодня, а не на будущее надуются: вот придёт к власти честный человек, установит нормальные зарплаты, и мы наконец-таки купим себе новую электроплитку. Нас успокаивают, что такие дамы пребывают в косности и праздности, а вам, мол, несказанно повезло: о политике можете разглагольствовать и спорить о выборах! А чего о ней разглагольствовать-то, что за радость? Это о светских львицах интересно послушать, а политика – это работа, и о ней говорить всё одно, что о работе сепаратора оды слагать или сплетни сводить. Думать о красоте своего дома – это косность и узость интересов? А жить в нужде под трепотню о неработающей власти и двадцать лет копить на стиральную машину – это от непомерной духовности, так что ли? Вот у нашего Феликса жена – как из другого измерения женщина. Ей говоришь, что выбрали депутата, который обещал наладить работу городского транспорта, а на деле ничего и не выполнил, потому что такой же сволочью и вором оказался, как и все его предшественники. А она и не понимает, кто такой депутат и с чем его едят. Ей эти депутаты даром не нужны со своим враньём о запуске хотя бы одного автобуса. Её Феликс, куда хошь, отвезёт и привезёт. Цены повысятся – Феликс ещё больше заработает. Морозы ударят – Феликс в Крыму домик снимет на зиму для всей семьи. Она и не задумывается, какие там цены, ей это не к чему. С таким мужиком ни кризис не страшен, ни смена политического курса, ни аномальные снегопады. Держит мастерскую росписи по дереву, хотя она особого дохода и не приносит. Но она так, для себя держит, для собственного удовольствия, чтобы скучно не было. Выручит какие-нибудь деньги себе, как говорят, «на шпильки». Теперь говорят, что настоящая женщина так и должна работать, на эти самые «шпильки», а не как у нас бабы на трёх мужских работах вкалывают, чтобы всю семью прокормить, включая мужа, и получают копейки.

– То есть получается, что все эти рвущие жилы бабы – не настоящие женщины?

– Получается, что так. А какие мы женщины? Тягловый скот. Мы только огрубели и опошлились от такой жизни, от болтовни о политике. А зачем это нормальной женщине, зачем ей рвать свои нежные жилы? Ради того, чтобы пьяницу и трепло какое-нибудь замужем за собой удержать? Ужас, как тошно осознавать, что мы вынуждены со страхом следить, что ещё политики отмочат, чтобы народу хуже сделалось, и постоянно прокручивать в голове варианты, как на тебе скажется то или иное повышение цен, издание того или иного бессмысленного закона. Но где в семье есть мужик настоящий – там на такие глупости даже внимания не обращают. У Феликса жена даже не знает, кто такой Явлинский, да Гайдар – их деятельность на её жизни никак не сказывается. Это мы о них постоянно думаем, словно родня какая наша, молимся, чтобы они ещё чего-нибудь не учудили. На ферму пришла, а

там бабы листовки кандидатов во власть тасуют как колоду – кого выбрать? Как узнать, что человек порядочный окажется, когда у всех морды с похотливой усмешкой, в глазёнках одна мысль, что бы такого ещё стащить? И к гадалке не ходи, чтоб узнать, какую «политику» они разведут. У кого нормальные мужики в семьях есть, никогда не додумаются такой хренью заниматься. Не супермены какие-нибудь сраные, а *просто нормальные* мужики. И вот просто нормальный мужик стал редкостью, на всех не хватает. Так что иным бабам приходится учиться, чтоб им стать.

– Я тоже давно заметила, что с такими женщинами нам и говорить-то не о чем, – согласилась Марина.

– Точнее, им с нами. Мне позвонили из Райцентра, там детскую библиотеку закрыли и распределили книги по другим библиотекам, нашей тоже кое-чего перепало. Надо ехать, забирать, пока другие не прикарманили. А у меня денег кот наплакал. Если куплю билет на электричку, потом два дня жрать будет решительно нечего. Решила ехать без билета, меня высадили на следующей же станции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.